

16+

А. Мальшевский

Братство любви Николая Неплюева

II (I)

А. Малышевский
А. Малышевский
Братство любви Николая
Неплюева. В 2-х кн. Кн. 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57003135

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04942-0

Аннотация

«Пора России отдохнуть от нелепого раздора между властями и либеральничающей оппозицией одних, глубоко нечестного молчаливого протеста других и легкомысленного равнодушия третьих. Пора ей перестать быть взбаламученным морем. Пора приступить к честному совместному мирному, братскому труду на пользу общую» (Николай Неплюев. 1851—1908). Общественный деятель и писатель, религиозный мыслитель и экономист. Создал на началах апостольского служения уникальную образовательно-воспитательную и производственно-хозяйственную систему общественных отношений, а также воплотил ее в Крестовоздвиженском трудовом братстве.

Содержание

Введение	6
Глава I. Молодой преобразователь	13
Глава II. Апостольская община	71
Глава III. Созидание добра	74
Глава IV. Братьям-мирянам	105
Глава V. Понимание и поддержка	116
Глава VI. Мировое возрождение	121
Глава VII. Свидетельства былого	138
Глава VIII. Духовные универсалии	168
Приложение	210
Глава I. Христианское мировоззрение	210
§ 1. Бог Отец	210
Бог есть Альфа	210
Первопричина Бытия	218
Творение видимого мира	220
Творение человека	222
Грехопадение	224
Смысл земной жизни	226
Промысел Божий	230
§ 2. Бог Сын	232
Негодная плоть	233
Сыны Божьи	240
Избранники Божьи	247

Свет от Света Небесного	253
Церковь Христова	257
Конец ознакомительного фрагмента.	260

*Любите прошлое в предках, добрых заветах
и национальных традициях. Любите настоящее
в современниках, с ними объединяйтесь, дружно
собирайте добро. Любите будущее, готовьте
любовно и разумно лучшее для грядущих поколений.*
Николай Неплюев

Введение

Николай Николаевич Неплюев – кто он? Подобный вопрос на рубеже XIX–XX веков вызвал бы немалое удивление. Неплюев – это крупный общественный деятель, писатель-публицист, православный философ. О его месте в общественной жизни свидетельствует Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона¹. Однако вопрос, вызвавший бы в свое время определенное замешательство, сегодня оправдан. Имя человека, поднятого в общественном сознании до советского периода истории российского государства до пророков Нового Завета² и подвижников земли русской³, на целое столетие ушло из обыденной речи, исчезло со страниц газет и журналов, было утрачено научной литературой. Оно

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 22 (а).

² В откликах на смерть В. В. Розанова прозвучало буквально следующее: «Что такое Розанов? Это один из трех величайших, современных нам, пророков Нового Завета. Пророки эти: Владимир Сергеевич Соловьев, Николай Николаевич Неплюев и он, Василий Васильевич Розанов. И участь всех троих была чисто пророческая: всю жизнь на них летели камни порицания, наветы, преследования, самого непростительного их непонимания». См.: Протоиерей Александр Устинский. Из отзывов о В. В. Розанове // Вещные воды. 1917. Т. 19. С. 119.

³ См.: Н. Н. Неплюев – подвижник земли русской. Венок на могилу. Сергиев Посад, 1908; Митарак П. Г. Доброй памяти Неплюева. Одесса, 1911; Н. Н. Неплюев – подвижник земли русской. Некролог. Киев, 1912; Уманец М. Н. Краткий очерк Крестовоздвиженского трудового братства. СПб., 1915.

и в XXI веке продолжает свидетельствовать о сути того глубинного разрыва традиций, который постиг русскую культуру.

Так кто же он, Николай Николаевич Неплюев?! Сын родового помещика Черниговской губернии Н. Н. Неплюев родился 11 (23) сентября 1851 года. «Предки при святом Невском из варяг пришли, испоместило их вече Новгородское, во бояре ставили цари московские, пожег их вотчины царь Грозный, Великий Петр в Венецию учиться послал; мудрецов в роду не запомнили, а служили верой и правдой в знатных чинах царю православному»⁴. Если конкретизировать приведенные выше слова самого Н. Н. Неплюева, то со стороны отца его род вел свое начало от московского боярина новгородского происхождения Андрея Кобылы⁵. В этой свя-

⁴ Неплюев Н. Н. Совесть.

⁵ В рукописной книге «Генеалогия рода Неплюевых» говорится, что род Неплюевых происходит от сына прусского конунга (вождя, военачальника, короля) Дивона III Гландала Камбилы. Дивон III был друидом, а дочь его Скумена-Наздада одною из последних друидских жриц. Разбитый коалицией чешского короля Премыслава-Оттокара, ландграфа Тюрингии Генриха и рыцарей-меченосцев, Дивон III был подвергнут крещению по католическому обряду вместе с сыном Гландалом, получившим имя Ричарда. В период правления сына святого благоверного Александра Невского князя Василия Александровича, при посаднике Анании, Гландал Камбила получил от новгородского вече право поселиться с дружиною в 3 000 человек в Новгородских пределах, был вторично крещен, но уже по православному обряду, в Софийском соборе и получил имя Иоанн. Сын Иоанна Андрей Иванович Камбил перешел в Москву, был ближним к великому князю боярином; известен в истории под именем Кобылы. От его второго сына, боярина Александра Андреевича Елко, произошли уже Неплюевы.

зи достаточно сказать, что Андрей Иванович Кобыла является первым исторически достоверным родоначальником боярского, а затем царского рода Романовых. В летописях Кобыла упоминается лишь однажды: в 1347 году он вместе с бояриным Босоволковым ездил в Тверь за невестой Семиона Гордого Марией – дочерью великого князя тверского Александра Михайловича, ставшею третьей женой великого князя московского. Именно сыновья Андрея Кобылы являются родоначальниками знатнейших русских родов: от Семена Жеребца пошли Лодыгины и Коновницыны, Кокоревы и Образцовы; от Александра Елки – Колычевы, Неплюевы, Хлызневые и Немятых-Колычовы; от Гавриила Гавшы – Бобрыкины; от Федора Кошки – Захарьины, Захарьины-Юрьевы, Яковлевы, Романовы, Шереметевы, Кобылины, Сухово-Кобылины, Голтяевы, Беззубцевы и др.⁶ Н. Н. Неплюев особо гордился своим родством с митрополитом московским Филиппом Колычевым, выступившим против террора Ивана Грозного и причисленным впоследствии Русской православной церковью к лику святых.

В Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, начатом в 1797 году, значится, что фамилии Неплюевых «многие Российскому престолу служили разные дворянские службы и жалованы были <...> поместьями и

⁶ См.: Петров П. Н. История родов российского дворянства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1885; Родословная Российская книга кн. П. В. Долгорукова. В 4 т. Т. 3; Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1 / Авт. – сост. В. В. Богуславский. М., 2001. С. 573–574.

знатными чинами»⁷.

Мать Н. Н. Неплюева Александра Николаевна была урожденной баронессой Шлипенбах. Шлипенбахи осели на Руси после поражения шведских войск в Северной войне. Вот знаменитые пушкинские строки, посвященные полтавской битве:

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах⁸.

О детских и юношеских годах Н. Н. Неплюева известно сравнительно мало. Если судить по его собственным словам, то он с малых лет отличался чувствительностью и склонностью к религиозному воодушевлению. «С раннего детства, – вспоминает Неплюев, – я носил глубоко в сердце религию любви и был, в некотором смысле, фанатиком любви... Не только присутствие человека грубо недоброжелательного, но даже присутствие человека равнодушного, холодного доставляло мне тяжелое, иногда почти невыносимое страдание; я чувствовал, как дух мой коченел, как овладевает им паралич, мучительный как смерть... В отсутствии любви я коченел, замирал, сердце наполнялось тоскою и ужа-

⁷ Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Репринтное издание. В 2 т. Т. 1. СПб., 1992. С. 61–62.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 4. Л., 1977. С. 213.

сом»⁹.

Мало походил на беззаботных шалунов-мальчуганов. Вдумчиво относился к явлениям окружающей жизни. Чувствовал, что, кроме этого земного мира, есть мир иной – мир дольний; в него верил бесконечно больше, чем в тот мир, который непосредственно видел глазами. Так рождалась восторженная религиозность, долгие ежеутренние и ежевечерние молитвы, в которых он доводил себя до блаженства экстаза, чудесные сны, в которых виделись бесконечно дорогие, неземные существа, дарившие любовь.

У маленького Николая Неплюева сформировалась привычка ежедневного чтения Евангелия, в котором он находил подлинную сердечную отраду. «Не все было понятно для детского ума, – признавался он впоследствии, – но сердце чуяло правду животворящего духа святых слов, любило эту святую правду и привыкало ею проверять явления окружающей жизни»¹⁰. Однако его все больше поражала и по-детски пугала *оторванность жизни* от узнаваемой им *святой правды*. Общение с людьми только развивало это настроение, а более глубокое изучение слова Божиего стало увеличивать пропасть между практикой жизни и христианскими заветами. Вскоре разнообразные наблюдения над жизненными явлениями привели его к неизбежному для детства и юности максималистскому выводу, что люди, называя себя христи-

⁹ Неплюев Н. Н. К лучшему будущему.

¹⁰ Там же.

анами, в жизни своей относятся друг к другу совсем не похристиански, что *люди*, с одной стороны, *молчаливо отказались от христианства, как основы жизни*, а, с другой стороны, поставили на очередь вопрос: *какие же разумные основы приняло человечество наместо молчаливо упраздненного христианства?*

Осознанные религиозные переживания Н. Н. Неплюева принимали вполне определенную форму: в Иисусе Христе он видел не грозного бичующего ветхозаветного Бога, требующего возмездия, но милостивого, пришедшего призвать к покаянию, прощению и любви Спасителя. Поэтому ему мало были доступны религиозные воззрения Ф. М. Достоевского с их, как он считал, мрачным оттенком и неперменной теорией страданий. Н. Н. Неплюев был убежден, что образ подлинного христианина у Достоевского – это отрекшийся от мира старец Зосима, наводящий на мысль, что христианство и аскетизм однозначны, что умные люди путь к спасению должны искать не в преобразованиях мира, а в отречении от него. Такое понимание христианства слишком противоречило натуре Н. Н. Неплюева, который в христианском самоограничении, вместе с апостолом Павлом, видел лишь средство нравственного развития, а не оправдания. Вот почему впоследствии Н. Н. Неплюев полностью укрепит в мысли, что *хлебом насущным* для России является возрождение генотипа православной христианской культуры, основанной на идеях апостольского служения, в котором, как он

считал, заложена возможность мирного переворота в экономическом строе России, в выходе ее на уровень мировой цивилизации.

Глава I. Молодой преобразователь

В 1871 году Н. Н. Неплюев поступает на юридический факультет Петербургского университета, нарушая сложившуюся вековую родовую традицию семьи. «По примеру дедов и прадедов, – пишет Н. Н. Неплюев, – и я бы служить пошел. Добрым молодцем сиял бы доспехами ратными и закончил бы жизнь безмятежную сановником знатным, звездами украшенным, некрологом чувствительным увенчанным. Да на роду так видно не было написано. Порешили родимый мой батюшка с родимой моей матушкой прогресса ради в университет отдать»¹¹.

Студенческие годы Н. Н. Неплюева совпадают со временем пересмотра нигилистических традиций шестидесятых годов. Принципы и убеждения, над которыми еще так недавно смеялись, теперь находят новое признание. Ни Якоб Молешотт, ни Карл Фохт – авторы известных работ в области физиологии, оказавшие огромное влияние на развитие материализма и атеизма в России 60-х гг. XIX в., – уже не могут противостоять пробудившейся вновь потребности религиозного мировоззрения.

В то же время, у здравомыслящей и просвещенной части российского общества растет чувство ответственности перед

¹¹ Неплюев Н. Н. Совесть.

освобожденным царем народом. Зарождается течение, в котором сходятся и кающиеся дворяне, и разночинцы. И Н. Н. Неплюев ищет свое место в нем. О времени, в котором ему выпало на долю жить и действовать, он писал следующее: «Многие реформы и крупные реформы были завершены, а всем казалось между тем, что это еще только начало, почти ничто, а что нечто заправское, хорошее где-то впереди. Об этом нечто заправском и хорошем много мечтали, а оно все не приходило, будто все оставалось по-прежнему. Крестьянин свободен, а ожидаемого превращения с ним от этого ни на другой, ни на третий день реформы не последовало. Дано земство, и опять-таки заседающие в нем гласные не только в мудрецов, но даже и в заправских граждан не обратились, а остались все такими же обывателями российскими...»¹².

В своих размышлениях о социально-экономическом положении России Н. Н. Неплюев приходит к неутешительному выводу: «При настоящем положении вещей мы неминуемо идем к полному расстройству как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Наделы крестьян очень невелики, и нигде, сколько мне известно, не существует обработки земли сообща; везде, напротив, общественные земли разбиваются на участки и до следующего передела эксплуатируются отдельно, на правах ограниченной собственности. Не говоря уже о том, что при подобном экономическом устройстве увеличение народонаселения неминуемо приведет к появле-

¹² Там же.

нию у нас пролетариата, крестьянские земли с каждым годом все более и более истощаются вследствие трехпольной системы и крайне плохой обработки. Если даже теперь экономическое положение в России далеко не блестящее, что же станет с нею, когда одна половина населения будет бездомными пролетариями, а другая не будет иметь возможности прокормить семью скудным урожаем, получаемым с истощившейся почвы своего надела»¹³.

Для Н. Н. Неплюева было ясно, что века рабства исковеркали и ум, и нравственные качества полуодичалого крестьянина, что выше сил его встать на ноги без посторонней помощи, что необходима дружеская рука, дружеский совет, чтобы при их помощи умственно и нравственно дорасти до своего нового социального положения; что без посторонней поддержки, при исключительной помощи воспитательного действия новых социальных учреждений, бедный крестьянин-собственник еще в течение многих поколений останется на умственном и нравственном уровне, мешающем ему пользоваться и теми скромными благами, какие могли бы ему дать и ныне существующие в России социальные институты.

Мысли о грядущей экономической катастрофе, уготованной России хозяйственной некомпетентностью помещиков и непрофессионализмом всякого рода должностных лиц, а также пробуждающаяся в сознании идея социального служе-

¹³ Там же.

ния Отчизне все более отдаляли Н. Н. Неплюева от привычного для него светского общества. Кто-то попросту не разделял его образа мыслей, а кто-то начал относиться к родовитому студенту прямо враждебно. Студенческая жизнь Неплюева не интересовала, знакомых студентов у него почти не было... Оставалось все более уходить в себя, изолироваться в мире книг, лелея величавую простоту идеала, завещанного человечеству представителями всех веков и народов. Все сильнее и сильнее билось сердце молодого человека при чтении Евангелия и Отцов Церкви, и, чем сильнее оно билось страстным желанием торжества на земле идеала любви и братства, тем глубже и глубже становилась пропасть, отделяющая его от действительности.

Весь, что называется, пропитанный идеальными стремлениями и не имея ни малейшего понятия об условиях действительной жизни, Н. Н. Неплюев в 1875 году заканчивает университет и спустя год отправляется в Мюнхен, куда его командировал Министерство иностранных дел в качестве советника при русском посольстве. Для Неплюева открывается возможность блистательной карьеры...

Неплюеву – человеку с пышной генеалогией, очевидно, уготовано было одно из важных положений в государстве. Быть может, его родители и не менее именитые родственники это и имели в виду, давая сыну первоначально прекрасное домашнее образование, отправляя в гимназию и университет, определяя на дипломатическую службу... Но судьба

распорядилась иначе...

Мюнхенская жизнь лишь обостряет психическую разупорядоченность мыслей и чувств Н. Н. Неплюева. Не случайно об этом периоде жизни он вспоминает так: «Жилось мне весело, что ни день, то праздник, но сердце манило назад, в бедную Россию, в серые русские будни. Бывало, стою я в роскошном зале, люстры блестят тысячью огней, гремит веселая музыка, кругом меня кишит нарядная толпа... и мерещится мне необозримая снежная равнина; маленькие, покосившиеся хижины чуть видны из-за снежных сугробов. Тускло светится в крошечных оконцах лучина... Стыдно мне станет среди всех этих веселых людей, которые во мне не нуждаются, когда у меня на родине так много страдают, так много во мне нуждаются. И дал я себе слово всю мою жизнь, все мои силы отдать на служение моей бедной родине»¹⁴.

К этому времени у него уже сложился план социально-экономического и духовного возрождения России: «Россия переживает в настоящее время в сельскохозяйственном отношении критический момент перехода от экстенсивной формы хозяйства к интенсивной. Интенсивная форма хозяйства немыслима без устройства отдельных ферм на каждых 200–300 десятинах земли, не более. Возникновение таких ферм или хуторов желательно было бы видеть как на землях помещиков, так и на землях крестьян. Ни помещики, ни крестьяне без помощи правительства этих хуторов не заведут.

¹⁴ Неплюев. Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

Крестьяне – по бедности и по самой форме владения землею; помещики – потому что не желают затрачивать капиталов для покупки нужного инвентаря и приобретения необходимого количества скота»¹⁵. То есть главная задача состоит в том, чтобы осуществить поворот в общественном мнении на пользу дела, от успеха которого зависит вся будущность России.

Выход из глубокого экономического кризиса, охватившего Россию, виделся через преобразования отношений собственности в аграрном секторе. Фермерское хозяйство как основа сельскохозяйственного производства и различные формы аренды – вот путь к прогрессу. Н. Н. Неплюев решает сам создать некую реально существующую модель нового хозяйства: «При первой возможности я разделю всю принадлежащую мне землю на участки десятин в сто, на каждом участке устрою небольшую ферму и отдам эту ферму в долгосрочную аренду земледельческим артелям, снабдив их заимообразно необходимым оборотным капиталом»¹⁶.

Но в отличие от многих преобразователей у Н. Н. Неплюева присутствовало четкое понимание сложности осуществления своего замысла: «Предпринимаемое слабыми силами частного человека, дело это требует гораздо больших гарантий для своего успеха, чем то было бы необходимо при выполнении его в больших размерах. Если бы я образовал ар-

¹⁵ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

¹⁶ Там же.

тель фермеров из людей, нравственно и умственно исковерканных ненормальной обстановкою современного крестьянского быта, можно с уверенностью сказать, что при моей неопытности в этом новом деле мне не удалось бы побороть духа розни, узкого эгоизма, взаимного не расположения и других антисоциальных инстинктов, привитых нашему народу веками рабства. Подобная артель могла бы существовать только искусственно, под непременною условием постоянного воздействия с моей стороны; предоставленная сама себе, она, без сомнения, распалась бы. Чтобы поставить это дело прочно, мне необходимо воспитать первый контингент первой артели для жизни свободных людей, сознательно образующих ассоциацию для разумного, единодушного труда ввиду достижения общей цели»¹⁷. Иными словами, нужна школа, которая в состоянии не только развивать ум, сообщая полезные сведения, давая умения и жизненный закал, нужный для практической деятельности, но и воспитывать волю в направлении добра, побуждая стремление к добру.

Считая, что помимо религиозно-нравственных начал, которые являются основой жизни православного христианина, для воспитания полезных для России граждан необходимы еще знания практического свойства, Н. Н. Неплюев тогда же решил познакомиться с земледельческими науками, чтобы впоследствии своими знаниями стать полезным для своих питомцев. С этой целью по возвращении в Россию он посту-

¹⁷ Там же.

пает в Московскую земледельческую академию.

Мировоззрение Н. Н. Неплюева к этому времени принимает строго определенные формы. Он убежден, что библейское мировидение самое стройное, наиболее удовлетворяющее потребностям ума и сердца человеческого; евангельский идеал наиболее высокий, вмещающий в себя все философские идеалы, как часть в целом¹⁸. С народом, в культуре которого выработано отношение к труду как к долгу перед Богом, обществом и самим собой; с народом, у которого есть представление о некоем обязательном уровне чистоты, порядка, образованности, – вы можете сделать все, что угодно, он все равно быстро восстановит свой жизненный уровень.

В отличие от Макса Вебера, показавшего взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития *духа капитализма*, утверждая, что в странах, где ценности доминировали, быстрее и легче утверждались прогрессивные капиталистические отношения, феномен Н. Н. Неплюева проявился в теоретической проработке и практическом претворении идеи апостольской общины как единственной формы братской любви, составной частью которой было *образование как со-бытие с Богом*¹⁹. «Мне нечего, – утверждал Неплюев, – придумывать форму жизни, наиболее соответствующую вере и пониманию жизни верующего христианина, святые апостолы... научили нас тому примерами брат-

¹⁸ См.: Неплюев Н. Н. Христианское мировоззрение. Путь веры.

¹⁹ См.: Неплюев Н. Н. К лучшему будущему.

ских общин, этой единственной формы социального строя, вполне соответствующей братской любви»²⁰ и вполне содержащей возможность мирного переворота в экономическом строе православной России.

«Для меня стало ясно, — пишет Неплюев, — что мне надо уйти из общества людей, которые во мне не нуждаются, единомыслие и единодушие с которыми, на почве честного исповедания Христа Спасителя, для меня очевидно невозможно; уйти от них к тем бедным детям народа, которые нуждаются во мне во всех отношениях, которых надо только научить думать и чувствовать по-христиански, чтобы вера их из сильной стала сознательной, с которыми возможна будет по завету Христа Спасителя жизнь в единодушии и единомыслии любовного братского общения»²¹. С этой минуты программа новой жизни была решена и Н. Н. Неплюев, проникнутый евангельскими идеями и обогащенный практическими знаниями, ревностно отдался ее осуществлению.

К сожалению, ни сочувствия, ни поощрения молодой преобразователь (Неплюеву было тогда 28 лет) не встречает даже со стороны близких ему людей. Отец открыто не разделяет его взглядов. Но сын все же настаивает на своем, и Неплюев-старший наконец дает ему небольшой дом в местечке Ямполь Черниговской губернии. В этом доме 4 августа 1881 го-

²⁰ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

²¹ Неплюев Н. Н. Совесть.

да и зарождается будущая школа²², состоящая первоначально из 10 крестьянских детей – *колыбель новых экономических отношений*.

«Теперь, – пишет Н. Н. Неплюев, – пока обстоятельства не позволяют мне приступить к постройке самих ферм, я взял на воспитание 10 детей в малом возрасте с целью возможно основательнее подготовить их к предстоящей для них жизни. В настоящее время дети проходят курс народной школы, года через два или три я переведу их на ферму, где устрою для них элементарное сельскохозяйственное училище, по окончании курса в котором они и образуют из себя первую артель фермеров для обработки сообща арендуемой земли. Переживая вместе с ними все эти фазы их воспитательного поприща, я надеюсь и сам многому научиться и, сообразуясь с обстоятельствами места и реально го дела, выработать в мельчайших подробностях наиудобнейший тип устройства фермерской артели более основательно, чем я мог бы это сделать при теоретической разработке вопроса в кабинете.

Впоследствии, если материальные средства позволят, я буду продолжать это дело в несравненно больших размерах, причем надеюсь найти в моих теперешних воспитанниках, на которых трачу гораздо больше времени и труда, чем сколько буду в состоянии уделить последующим, более многочисленным выпускникам, хороших помощников, способных служить руководителями для новых артелей при их ос-

²² См.: Неплюев Н. Н. Трудовое братство.

новании»²³.

Первый выпуск сельскохозяйственной школы Неплюева состоялся 4 августа 1884 года. Окончили ее 6 человек. Трое из них решили остаться у Николая Николаевича для продолжения жизни, к которой успели привыкнуть за время обучения. На следующий год из выпускников осталось шестеро. Так мало-помалу начало организовываться трудовое братство, с которым неразрывно связана жизнь и судьба его основателя.

Осенью 1885 года школа Н. Н. Неплюева расширяется за счет 60 десятин земли, полученных от отца, и переносится на хутор Воздвиженск. К этому времени (4 августа 1885 года) она получает в ведомстве министерства земледелия права мужской сельскохозяйственной школы. Все заботы Неплюев направляет теперь на то, чтобы из детей, вверенных его попечению, с одной стороны, создать добрых христиан, понимающих глубинный смысл православия – религии своих отцов и дедов, а с другой, сделать из них полезных тружеников для русской деревни.

Если вначале крестьяне отнеслись к Н. Н. Неплюеву не то, чтобы враждебно, а недоброжелательно (консервативные по природе и недоверчивые по историческим причинам, они взглянули на дело Неплюева, как на барскую забаву, постоянно ожидая хитро скрытого подвоха и особого расчета), то по прошествии времени детей стали привозить не только из

²³ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

местных губерний (Черниговской, Полтавской, Киевской), но и из Петербурга, Вятки, Эстляндии и Кавказа. С некоторых пор в братских школах был установлен конкурсный вступительный экзамен, но и это не уменьшило числа желающих. Родители стали лучше готовить своих детей – и только. В некоторые годы экзаменующихся было до 85 человек при приеме в 25.

Только за период 1889–1894 годов сельскохозяйственную школу закончили уже 47 человек, из которых 32 предпочли связать свою дальнейшую жизнь с братством.

В основе педагогической системы Неплюева лежала идея о том, что для согласия и мира, единения и гармонии умов, сердец и жизней, т. е. для мирного прогресса, необходимо не только понимание, а желание, пересиливающее даже личное и семейное себялюбие. Это самоотверженное желание не может дать ни разум, ни наука, его может дать только любовь, святая, чудодейственная любовь, *двигающая горами*, способная сделать естественным для любящих то, что, очевидно, неестественно для нелюбящих, как бы умны и учены они ни были.

Если признать, отмечает Неплюев, что характер человека не что иное, как ставшие второю природою его духовные привычки, унаследованные и благоприобретенные путем частого переживания того или иного духовного наследия, то можно сделать вывод о значительном влиянии на него самовнушения. Человек, уверенный в том, что ему не по характе-

ру любить, что любовь утопична и невыгодна, не может *возрастать* в любви, никогда не станет способным послужить любви, осуществлять добро в жизни. Воспитайте человека в привычках любви, дав ему разумное понимание жизненного значения любви и оживив тем самым *огонь любви в сердце его*, – все будет достигнуто в отношении к данной личности, которая начнет не только понимать добро и говорить о нем; самостоятельное дело осуществления его в жизни станет насущною потребностью ее (личности) совести. Человек будет дисциплинирован любовью и с тем вместе станет способным пользоваться свободой, не злоупотребляя ею.

Последнее положение имело особое значение для Неплюева, который считал, что из любви к ближним люди сами добровольно ограничат себя во всем, в чем ограничить себя необходимо на пользу общую; ограничат себя, не нуждаясь для этого ни в *палках страха*, ни в *приманках корысти*. Без любви не может быть внутренней, естественной дисциплины. Без любви в уме и сердце анархия, которая непременно проявится в жизни и потребует, для поддержания хотя бы внешнего, призрачного порядка, применения в той или иной форме воздействия *палок страха* и *приманок корысти*. Пока жизнь и отношения не основаны на любви, пока нет добровольной дисциплины любви, невозможна и свобода.

Сколько бы человечество ни мечтало о свободе, как бы горячо ее ни желало, без добровольной дисциплины любви оно при самых свободных учреждениях и всевозможных гаран-

тиях свободы будет фатально переходить от рабства страха к рабству корысти, от рабства насилия к рабству капитала...

Главное, говорит Н. Н. Неплюев, нельзя успокаиваться на малых степенях любви. Пока любовь – каприз и слабонервность, любят немногих и бестолково, балуя любовью своею и предаваясь *спорту* бессистемной благотворительности, стремящейся залечить те раны, которые случайно попадают на глаза и воздействуют на нервы, такая любовь не может быть основой жизни и дисциплинировать. Необходимо, чтобы любовь имела в человеке первенствующее значение, составляла общий тон отношения его к миру, была признаваема за высшую ценность, высшее благо. Только когда люди «умалят себя служением ей, она вознесет их до свободы, до равенства, до братства, до блаженной гармонии умов, сердец и жизней»²⁴.

Первоначально Н. Н. Неплюев постарался обеспечить школу, подобрав в ней таких учителей, которые бы навсегда могли упрочить ее нравственную атмосферу. Опыт привлечения в качестве сотрудников *со стороны* не оправдал его надежд. Как бы ни были благонамеренны взгляды сторонних преподавателей на систему воспитания, но одно то обстоятельство, что они явились с разных концов страны, внесли каждый свои понятия, привычки, религиозные взгляды, по существу иногда отвечавшие взглядам и привычкам Неплюева, но по форме расходившиеся с ними, – одно это

²⁴ Там же.

обстоятельство должно было неизбежно повести и по сути дела привело к полной дисгармонии. Тогда Н. Н. Неплюев в 1888 году выхлопотал *высочайшее дарование в виде исключения* – право Воздвиженской школе предоставлять в ней место учителей бывшим ее воспитанникам. По этому поводу Неплюев писал: «Не могу не выразить еще раз глубокую признательность бывшему министру государственных имуществ М. И. Островскому, просвещенному сочувствию которого я обязан тем, что получил возможность обеспечить за школой христианское направление воспитания и всестороннее процветание в будущем, предоставив места учителей, вместо людей, враждебно или равнодушно относившихся к святой святых школы нашей, ее бывшим питомцам»²⁵. Учителя при школе и составили первую братскую семью Святого Николая Чудотворца. После этого стали постепенно образовываться и новые братские семьи (братская семья Святого Андрея Первозванного, братская семья Святого Иоанна Богослова, братская семья Святой Девы Марии, братская семья Святого Петра, братская семья святой Александры), целью которых было:

- 1) устроить свою жизнь согласно святому учению братской любви Христа Спасителя;
- 2) постоянное самоусовершенствование членов братства в направлении христианского идеала, деятельной, вдохновенной любви к ближнему и безграничного самопожертвования

²⁵ Неплюев Н. Н. Трудовое братство.

на пользу правды и добра;

3) экономическое устройство, дающее возможность членам братства добывать средства к жизни не путем экономической борьбы, основанной на человеконенавистничестве, зависти, хитрости и насилии; а путем совместного дружного труда, основанного на любви, уважении и доверии друг к другу;

4) воспитание детей людьми разумными, добрыми, честными, способными стать достойными членами трудовых Христовых братств;

5) деятельная пропаганда принципов, на которых братство основано²⁶.

В братские семьи, или общежития, члены трудового братства группировались, по возможности, по одинаковому роду занятий. Все члены братства составляли рабочую и потребительскую артель, имевшую право юридического лица.

Члены братства подразделялись на приемных братьев, братьев, старшин, старост, опекунов, попечителей и посадника.

Приемными братьями могли становиться лица мужского и женского пола любого общественного положения и состояния здоровья, но не моложе 16 лет и обязательно православного вероисповедания. Лица, желающие поступить на испытание, ввиду открывшейся вакансии, обращались к посадни-

²⁶ См.: Устав Крестовоздвиженского сельскохозяйственного трудового братства, принятый 4 декабря 1885 года.

ку с письменным заявлением. Срок пребывания в положении *приемного брата* был определен в три года. Ученики братской профессиональной школы, если вступали в права *приемных братьев* непосредственно по выходе из школы, имели право на сокращение срока испытания до двух лет.

Приемные братья пользовались всеми имущественными правами *братьев*, но в управлении делами братства, в собраниях и выборах не участвовали как лица, находящиеся на предварительном испытании.

В *братья* выбирались лица, прошедшие предварительные испытания, т. е. *приемные братья*, показавшие себя людьми честными, добрыми, трудолюбивыми, проникнутыми чувствами христианского воздержания и любви к ближнему.

Избранный на общем собрании (вече) *брат* принимал на себя в церкви братские обеты:

«1. От глубины души принимаю в руководство жизни моей высокое и святое учение братской любви Христа Спасителя.

2. Буду помнить, что только в единении, согласии и любви честная жизнь и тихая радость людей.

3. Буду помнить, что живет во мне и вечный дух, и дикий зверь; не дам власти дикому зверю, не унижу перед ним Божественный светоч – вечную душу.

4. Даю обет быть строгим к самому себе, честно обдумывать мои слова и поступки, говорить правду и поступать по правде.

5. Буду помнить, что мое доброе имя – честь братства и торжество Христова дела на земле, что мой позор – бесчестье братства и вред для всего человечества.

6. Буду воздержан в пище, питье и всяких удовольствиях.

7. Отказываюсь от всех удовольствий, соединенных с вредом, опасностью или унижением для человека.

8. Обещаю жить согласно уставу и действующим уложениям трудового Христова братства.

9. Женившись, обещаю быть честным другом моей жены и ни единого мгновения не жить с нею во лжи и обмане.

10. Имея детей, обещаю помнить обязанности отца и сделать все от меня зависящее, чтобы приготовить из них достойных членов трудовых Христовых братств, подобных тому, в которое ныне вступаю.

11. Обещаю быть искренним честным другом для всех членов братства.

12. Обещаю не принять в члены братства человека недостойного.

13. Обещаю подать голос за исключение из братства даже родного сына или жены моей, если бы они оказались недостойными чести принадлежать к братству, помня, что, из жалости к одному, я не имею права подвергать опасности доброе имя братства.

14. Обещаю выбирать на должности в братстве без лицепрятия лиц наиболее достойных.

15. Обещаю быть почтительным и послушным к лицам,

удостоенным чести быть избранными на должности в братстве.

16. Обещаю безбоязненно обличить перед лицом братства всякого, не исключая и самого посадника, если он нарушает обеты или действует во вред братству, злоупотребляя его доверием, нарушая или извращая его устав.

17. Обещаю, в случае если бы братство оказало мне честь избрать меня на какую-либо должность, помнить, что я не начальник, а слуга, и выгоды братства всегда ставить выше собственных выгод, исполняя свою обязанность честно, по мере сил и разума.

18. Обещаю во всяком положении торжество дела Христа предпочитать не только земным выгодам, но и самой жизни моей.

19. Обещаю по силе возможности служить делу единения и братской любви и за пределами братства.

20. Обещаю служить святому делу Христа исключительно средствами достойными Его, мерами любви и убеждения, примером, основанием новых братств, но ни в каком случае не осквернять святого дела мерами обмана, предательства и насилия.

21. Обещаю во всех людях уважать вечную душу и свободу человеческой личности.

22. Обещаю во всем подчиняться законам, действующим в моем Отечестве»²⁷.

²⁷ Там же.

Все *братья* имели право участвовать в общих собраниях братства и в семейных советах, избирать и быть избранными на должности.

Братья подвергались наказанию в виде выговора по решению семейного совета, более строгим взысканиям по решению собрания старост (рады), наконец, исключению из братства по приговору вечевоего суда, которому *брат* мог быть предан исключительно по постановлению братской думы.

В случае болезни (за исключением болезней, происходящих от распутства и невоздержания) *брат* имел право на лечение и уход за счет средств братства. В случае утраты трудоспособности, а также по старости, *братья* могли быть переводимы в разряд *опекунов*.

В случае вступления в брак с лицом, не принадлежащим к братству, *брат* должен был оставить братство, если лицо, с которым он вступал в брак, не пожелает подчиниться укладу братской жизни, или братство не пожелает дозволить ему жить в пределах братских владений. В случае принятия брачующегося лица на братскую вакансию оно подвергалось обычному трехлетнему испытанию на правах *приемного брата* или *приемной сестры*. При отсутствии соответствующей вакансии брачующеся лицо оставалось кандидатом и не пользовалось отдельными от супруга правами.

Дети *братьев* находились под специальным попечением *посадника*, который, в случае дурного воспитания детей,

имел полномочия отправлять родителей на суд рады или вече, смотря по степени их виновности.

Дети братьев, по достижении 8-летнего возраста, начинали воспитываться в соответствующем воспитательном учреждении, а затем проходить курс систематического обучения в братской профессиональной школе. Для этих целей 1 октября 1891 года Н. Н. Неплюев учреждает воспитательное заведение для девочек, а в ноябре 1893 года – женскую сельскохозяйственную Преображенскую школу и детское общежитие при ямпольской народной школе. 14 октября 1893 года Неплюев основывает детский приют²⁸.

Для особо одаренных детей, проявивших себя с нравственной стороны, было предусмотрено выделение средств из *запасного капитала братьев* для получения среднего и даже высшего образования.

Каждая братская семья избирала *старшину*, утверждаемого в должности *посадником*. В обязанности *старшины* входил контроль за соблюдением членами семьи братских обетов и защита интересов семьи в раде. *Старшина* председательствовал на семейных советах, имел голос на общем собрании братства, на заседаниях рады, а в отдельных случаях и на заседаниях думы.

Братья, занимающиеся делом, требующим специальной научной подготовки или особого доверия, носили почетное звание *старосты*. К старостам относились: священник,

²⁸ Неплюев Н. Н. Трудовое братство.

управитель, воспитатель, учителя, врач, казначей, ключарь и т. п.

До принесения братских обетов кандидат на должность *старосты* должен был прослужить по найму в трудовом братстве не менее одного года. По истечении испытательного срока по представлению *посадника* происходили выборы *старосты* на общем собрании братства.

Все *старосты* были равноправны и подчинялись братской думе. Они имели право голоса на вече, в совете старости, по приглашению *посадника*, в братской думе.

В тех случаях, когда отпадала надобность в конкретном специалисте или возникала необходимость замены одного специалиста другим, старосте предлагалось, согласно постановлению думы, перейти в разряд либо *почетных попечителей* и *опекунов*, либо простых *братьев*. В последнем случае переход совершался простым постановлением думы, но после соответствующей резолюции *посадника* на прошении.

Братья, которые по старости или слабости здоровья не могли долее принимать участия в работах, но желали вложить свой капитал в общую братскую кассу, могли просить о переводе их в разряд *опекунов*.

Опекунами могли избираться исключительно *братья*, пользующиеся всеобщим уважением и доверием. Избирались *опекуны* на вече по предложению думы. Они имели право голоса на вече и в думе. В их обязанность входило следить за точным выполнением всеми членами братства устава

и действующих уложений.

Лица, сделавшие значительные денежные пожертвования или оказавшие братству особо важные услуги, могли быть избраны на вече, по предложению думы, *почетными попечителями*, пользующимися всеми правами *опекунов*. В случае нарушения *попечителем* основополагающего принципа братства, ему должны были возвратить все его пожертвования, после чего лишить общим собранием почетного звания.

Посадником пожизненно избирался человек безукоризненного поведения, пользующийся всеобщим уважением и авторитетом, способный с честью занимать это высокое положение. Должность *посадника* была не совместима ни с какою другою должностью, кроме должности священника.

Посадник был высшим блюстителем братства. Он председательствовал в братской думе и на общем собрании, выступал почетным представителем трудового братства во всех его взаимоотношениях с правительственными и земскими учреждениями, пользуясь всеми правами землевладельца. На земских собраниях и в период земских выборов вся земельная собственность братства включалась в личный имущественный ценз *посадника*.

В случае длительной болезни *посадника* или его продолжительного отсутствия на территории братства дума вправе была по согласованию избрать временного *наместника*. В случае же неспособности *посадника* выполнять более свои обязанности по старости или по состоянию здоровья дума

вправе была предложить общему собранию перевести его в ранг *почетных попечителей* с назначением ему пожизненной пенсии.

Все члены братства, старшины, старосты, опекуны, попечители и даже посадник были равны друг перед другом в исполнении взятых на себя братских обетов. Каждый из них при своей бездеятельности или деятельности, направленной против главных принципов Христова братства, мог быть не только смещен с любой из занимаемых должностей, но и исключен из братского союза единомышленников по вере.

Все трудовое братство в совокупности составляло из себя правоспособное юридическое лицо. Все члены братства несли всевозможные обязанности: управляли имением, лесами и заводами, переданными Н. Н. Неплюевым в общую собственность, занимались в конторе, учительствовали в пяти братских школах (двух сельскохозяйственных и трех начальных), работали в мастерских, на полях, в садах и усадьбе, а также на скотных дворах. Женщины шили, стирали белье, готовили по графику на кухне братских семей, занимались воспитанием детей, принимали участие в полевых работах, особенно в горячую пору уборки хлебов. Между мужчинами и женщинами в братстве существовало полное равенство. На всех членов трудового братства распространялись одинаковые имущественные права. Деньги на руки не выдавались, а записывались на личный счет; получить их мог каждый при уходе из братства, а также если возникала необхо-

димось оказать помощь родным.

Во главе трудового братства стояла братская дума, которая устанавливала нравственный и материальный уклад жизни. Она состояла из опекунов, почетных попечителей, выборных от рады и старост. Имуществом и организацией работ в братстве заведовал хозяйственный совет, имевший председателя и членов правления. Ежегодно совет обсуждал план предстоящих расходов и поступлений материальных и денежных средств, подготовленный старостой-управителем, и выносил его на рассмотрение думы.

Еженедельно на совет собирались братские семьи, зачитывали и обсуждали записи из семейного дневника; старшина подводил итоги деятельности каждого члена семьи. Ежемесячно под председательством посадника проводилось собрание старшин (рада), на котором обсуждались протоколы семейных советов. Безотносительно к установленному времени собрание старшин мог провести любой из старост, если того требовала необходимость решения конкретных хозяйственных вопросов. Собрание старшин могло принять решение о вынесении выговора провинившимся членам семей, наложении на них денежного штрафа или назначении им трудовой повинности. Более серьезные проступки, касающиеся возможности дальнейшего пребывания в братстве тех или иных членов семей, выносились собранием старшин на рассмотрение братской думы.

Ежегодно все члены братства собирались на вечевой сбор

для прослушивания отчета посадника, утверждения смет и уложений на предстоящий год, приема новых членов и суда над провинившимися членами братских семей. Любой из вопросов, выносимых на общее собрание, предварительно должен был обсуждаться думой. Это правило действовало в обязательном порядке. Точно так же, только по особому постановлению думы или по личной просьбе посадника, могло быть созвано и внеплановое собрание членов братства.

Важнейшей задачей трудового братства считалось образование подрастающего поколения. Воспитание и обучение детей в братских школах состояло из теоретических и практических занятий. Теоретические занятия продолжались с октября по апрель. Изучались Закон Божий и церковное пение, русский язык и чистописание, арифметика, геометрия, русская история и география, черчение, измерение земель, естественные науки, земледелие, садоводство и лесоводство, скотоводство и лечение скота, законы крестьянской жизнедеятельности. С апреля начиналась практика, для чего при школах имелось свое хозяйство, которое составляли более 51 десятины пахотной земли, 12 десятин луга, более 1 десятины питомников (древесного и плодового). В распоряжении учащихся были 8 рабочих волов, 4 лошади, 4 коровы, свиноводство, необходимые орудия и упряжь.

Отчетливая и ясная сознательность усвоения научных данных, полезных в жизни, простое и жизненное отношение к ним – это то, что отличало воспитанников Н. Н. Неплюе-

ва. Обратимся в этой связи к воспоминаниям барона Н. В. Дризена.

«Ранним утром выехали мы с управляющим Воздвиженским хутором А. И. Фурсеем (милым и деловым малым из бывших воспитанников школы) для осмотра достопримечательностей экономики, а вернее, для наблюдения за работой воспитанников. Еще издали замечаю я мальчика в большой соломенной шляпе, которые они плетут здесь сами, сосредоточенно шагающего по свежевспаханной борозде, вслед за лениво подвигающимися волами. Мы подъезжаем к самой пахоте и велим кучеру остановиться.

– Бог помощь, – говорю я, вылезая из экипажа и подходя к мальчику ближе, – скажи мне, милый, как твоя фамилия, сколько тебе лет, в котором ты классе?

Мальчик, успевший остановить волов, вынуть лемех из земли и ответить на мой поклон, не спеша удовлетворяет мое любопытство. Ему 15 лет, зовут его Антоном Х., он только что перешел во 2-й специальный класс.

– Вот барон хочет узнать, – вмешивается в разговор Андрей Иванович, – как устроен плуг. Расскажи-ка нам!

Мальчик так же спокойно, как только что называл свою фамилию, объясняет мне устройство плуга. Технические названия он произносит без всякого труда, как будто они были ему знакомы с детства, а не усвоены всего с год назад. Между прочим,

рассказывая о стальном лемехе, он упоминает слово *трапецидальный*. Я останавливаю его и спрашиваю, что значит это слово.

– Это значит, – отвечает мне мальчик, – что лемех имеет вид трапеции, т. е. такой геометрической фигуры, у которой из четырех сторон только две между собой параллельны»²⁹.

Работа между воспитанниками распределялась следующим образом. Подготовительные классы исполняли более легкую работу: посадку корнеплодов, прополку, вывозку корнеплодов, чистку свеклы, жатву хлеба серпами, уборку луга и яровых хлебов. Кроме того, эти классы участвовали и в более важных хозяйственных работах – пахоте, бороновании (в качестве помощников старшекласников).

1-й специальный класс исполнял вместе со старшими классами и под их руководством пахоту, боронование, отчасти посев на сеялках, вывозку и раструску навоза, обработку питомников, уборку хлебов и корнеплодов.

Ученики 2-го и 3-го специальных классов выполняли все главные хозяйственные работы: посев озимых и яровых хлебов, вспашку; все важнейшие садовые работы: прививку, обрезку, формовку, посадку и пересадку плодовых и лесных деревьев; уборку хлеба машинами, перевозку и укладку урожая в скирды и бурты.

Ученики 3-го специального класса назначались по очере-

²⁹ Дризен Н. В. Школа и братство Н. Н. Неплюева // Новое время. 1897. № 7516.

ди на дежурство при управляющем школой. В их обязанности входило ведение школьной конторы: табели и учет работ. Эти ученики ежедневно следили за ходом всех работ в хозяйстве, представляли вечером управляющему школой проект наряда на следующий день, приучаясь, таким образом, к самостоятельной хозяйственной деятельности.

Своим воспитанникам Н. Н. Неплюев предоставлял определенную свободу. Они могли еженедельно проводить общее собрание – раз с учителями и другой раз, через неделю, без учителей. На этих собраниях, называвшихся одно кругом, другое товарищеским собранием, не только во всеуслышание обсуждалась жизнь школы за истекшую неделю, но и рассматривались нужды школы, о которых свободно мог говорить каждый из учеников. Такие собрания имели целью приучить учеников к тому, чтобы они могли постоянно проверять свою жизнь, оценивать свои поступки и так усваивать добрую привычку себя контролировать. С этой целью ученикам даже советовалось вести дневники и каждый день, отходя ко сну, вспоминать прожитый день и по совести производить оценку своих поступков в нем. Дневник нравственного возрастания своих воспитанников вел и сам Н. Н. Неплюев³⁰. Главное – пробудить в воспитанниках совесть и добрую волю, воспитать в них сознательную самостоятельность.

«В прошлом 1881 году, четвертого августа я принял вас на воспитание. Ровно год мы прожили вместе. За это

³⁰ Неплюев Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

время я узнал некоторые хорошие ваши качества, узнал и некоторые из ваших недостатков.

Желая вам добра от всего сердца, я старался, как мог, избавить вас от недостатков ваших, укрепить в вас, развить хорошие качества.

Эту книгу я написал для вас на память об этой первой годовщине нашей дружбы, на память о том, что много раз я повторял вам в течение протекшего года.

Обыкновенно детям говорят только об их недостатках; о добрых качествах детям не говорят, боясь, что это может им повредить, дав им слишком высокое мнение о себе. Громко и без боязни я говорю вам о ваших добрых качествах, любите и уважайте их в себе: это святая искра добра; пусть она разгорится в вас в яркое пламя, и осветит оно ум ваш и согреет сердце ваше.

Яков. Наискось от Георгиевской церкви стоит бедная хижина крестьянина Феодора. Не везло Феодору в жизни, прежде, бывало, перепадет ему какая работа, да работал он неохотно, и работа у него не спорилась; кончилось тем, что не стали вовсе давать ему работы; жена его, Ирина, была, напротив, очень умная и работающая женщина, да заболела тяжелою болезнью, так что не только работать, но и с постели встать не могла.

И прежде они жили небогато, а как заболела Ирина – совсем обеднели. Невмоготу стало Феодору прокормить жену и двоих деток. Бывало, лежит больная Ирина одна-одинешенька, и невеселые думы ей думаются; так бы и

встала она, с радостью принялась бы за тяжелую работу, деткам бы своим хлеб заработала, да силы нет: больные ноги не носят, больные руки ослабли.

Горько заплачет Ирина, у Бога смерти просит, только бы не видеть горя домашних, только бы не быть им в тягость. А что станется с бедными детками, кто о них позаботится, – и занает сердце пуще прежнего.

Прослышала она, что задумал я детей взять на воспитание, поднялась через силу с постели, взяла с собою старшего сына Якова и, опираясь на палку, медленно поплелась ко мне. Хотел было я принимать только одних сирот, да подумал, что такой же сирота Яков и при отце живом – и порешил успокоить бедную мать, взял Якова на воспитание.

Теперь я очень доволен, что взял его. Славный он у меня, добрый, старательный во время работы, прилежный во время учения.

Только глупые и злые люди не понимают ни любви, ни благодарности. Сильно любила Яшу его бедная, больная мать, и Яша помнит о ней и любит ее.

Раз, когда все вы были у меня, я заиграл на фортепьянах грустную песенку. Молча слушал Яша, тихо вышел в другую комнату и долго не возвращался. Пошел я посмотреть, а он сидит грустный такой, весь бледненький: «Что ты, Яша, пригорюнился», – спрашиваю его, а он молчит, глаза опустил, слезы закапали. Взял я его на колени: «Скажи, – говорю, – что у тебя на душе, легче станет». Спрятал он ко мне на грудь свое бледное личико, да так тихо, чуть слышно,

говорит: «О маме вспомнил», – крепко обвил мою шею ручонками да так зарыдал, как рыдать умеют только те, кто не только много горя видел, но и чутким сердцем это горе перечувствовал.

Дня через два повез я его в Глухов, где мать его лежит в больнице. Увидел Яша, что хорошо ей там, и успокоился, и повеселел мой добрый мальчик.

Другой раз он сильно провинился.

Стал я ему объяснять значение и последствия его дурного поступка, сильно он затосковал, как понял, что поступил дурно, целую неделю играть не хотел с товарищами, сидит в уголке грустный такой, задумается.

Жаль мне его стало, приласкал его. «Ты понял, – говорю ему, – что поступил дурно, значит, другой раз так не поступишь, ну, посмотри мне в глаза, видишь, и я на тебя не сержусь более», – а он мне отвечает: «Вижу, а все думается», – и опять горько заплакал.

С этой минуты я полюбил моего Яшу больше прежнего. За чуткое сердце его полюбил. Если будет он во всю жизнь так вдумываться в свои дурные поступки, так сильно сожалеть о них, хорошим, очень хорошим человеком станет Яков.

Только бы к чуткому сердцу да железную волю, чтобы никакой дурной человеке, никакое дурное желание не осилило доброе, чуткое сердце.

Сергей. Часто я повторял вам, детки, что никогда не запрещаю вам что-либо без причины; если я что вам запрещаю, значит, знаю, что оно чем-либо вредно

для вас, может помешать вашему счастью; потому я никогда и не запрещаю вам ничего, не сказав, почему так поступать или такое чувство в себе иметь не следует и какие последствия из того выйти могут.

Вы еще так мало на свете прожили, так мало видели и знаете, что вам самим не распознать, что хорошо и что дурно.

Все в человеке – привычка; привыкнете вы к дурному, вредному – будете дурными, вредными и несчастными людьми; да, вредными для других и сами несчастными; по пословице: *что посеешь, то и пожнешь*, посеете для других горе и злобу, пожнете для себя то же горе, ту же злобу сторицею.

Зло, вред и горе неразлучны; если бы все люди понимали, как много вреда они себе делают, стараясь вредить другим, все бы они стали добрыми, чтобы быть счастливыми.

Не всегда человек вредит себе и другим, потому что хочет вредить, гораздо чаще он делает это по глупости. Теперь я бы этого не сказал. Горьким опытом я узнал, что зло происходит не от глупости, а от грехолюбия, по незнанию; вот в эти минуты, когда человек не знает, что добро и что зло, ему нужен совет опытного, знающего, искренне любящего его друга.

Таким другом я и хочу быть для вас, дети. Я-то этого хочу от всей души, но этого недостаточно, надо, чтобы и вы смотрели на меня как на вашего лучшего друга и были со мною вполне откровенны, иначе мне невозможно быть полезным вам, несмотря на все мое

желание.

Вы все хорошо знаете нашего Серегу и, конечно, удивляетесь, что вместо того, чтобы говорить о нем, лучшем и по учению, и поведению между всеми вами, я напоминаю о пользе откровенности. Когда же Сергей бывал скрытным?

До сих пор я всегда называл неоткровенным, скрытным того из вас, кто лгал, не признавался в своих дурных поступках; такая откровенность обязательна для всякого честного человека, и наш честный Сергей никогда не был скрытен в этом смысле.

Но есть и другая высшая откровенность, такая откровенность, какой не имеет права требовать от вас всякий встречный.

Когда мы сильно любим и уважаем человека, нам хочется поделиться с ним каждым нашим желанием, каждой нашей мыслью; при каждом затруднении мы рады обратиться к такому человеку за советом; ему нам приятно сказать то, что ни за что не сказали бы никому другому.

Только тот человек и может считаться нашим истинным другом, кому мы дарим такое доверие, перед кем чувствуем потребность открыть всю свою душу. Вот этой-то откровенности я и жду от вас, дети, и буду гордиться ею, когда заслужу ее.

Открыто ли сердце моего Сереги передо мною? Мне иногда кажется, что нет – и страшно становится за него. Смогу ли я его направить на добро и счастье, остеречь от зла и несчастия, если останется закрытым

для меня хоть один уголок его мысли, хоть один уголок его желаний.

Иван. То было лет 12 тому назад. Приехал я раз на лето в Ямполь; показалось мне, что уж очень я далекий, чужой для всего Ямполья; захотелось мне стать ближе хоть к одной ямпольской семье. Вот и сказал я обоим священникам, что окрещу первого ребенка, какой родится в наибеднейшей семье одного из двух приходов. Бедных семей в Ямполье много. Не прошло и двух дней, как пришел ко мне с письмом от отца Николая отставной солдат Яков Лукьяненко-Дробязка.

Окрестил я его мальчика и дал себе слово, как подрастет мой крестник, заняться его воспитанием, постараться сделать из него хорошего человека.

Крестник мой скоро умер, умер и отец его Яков; осталась кума моя с двумя детьми, Михаилом и Иваном. Случалось, навещал я вдову; бывало, заговорю с маленьким Ваней, а он не дичится, глаз не тупит, прямо в лицо мне смотрит, а в глазах у него так и прыгает чистая, детская радость; самому на сердце весело станет.

Больно мне было думать, что и эту головку наклонит тяжелая нужда, что и в этих глазках выражение детской радости заменит тупой взор безысходного горя, и взял я Ваню к себе.

Прокоп. Вижу, отсюда вижу, как вы все, кроме моего серьезного Сереги, улыбаться стали, как только прочли имя Прокопа. А знаете ли, почему вам смешно становится, как только заговорят о нашем силаче? То

вам смешно, что наш силач – добрый силач. Не верите, что смешна в нем для вас именно его доброта? А оно так, и вы, надеюсь, сейчас со мною согласитесь.

Не только вы, дети, но и большинство взрослых людей живет изо дня в день, совсем не вдумываясь ни в свои чувства, ни в свои мысли. Одна мысль сменяется другою, одно чувство сменяется другим; идут у них мысли и чувства привычною чередою; уверены они, что именно так мыслить и чувствовать должно, что иных мыслей и чувств быть не может; а вдумались бы они в свои мысли и чувства, от души бы посмеялись над многими из своих собственных мыслей и чувств.

И теперь люди немного думают, но было время – они еще меньше думали; тогда умели уважать одну только силу; а сила-то была неразумная, а без разума и сила не впрок. На добрые дела у сильных людей ума не хватало: ведь на добро ум нужен; ведь не поняв добра, даже и желая добра, одно только зло сделать можно. Вот и делали сильные люди все зло, какое только сделать могли слабым да беззащитным; и чудное дело, слабая толпа привыкла любить и уважать эту глупую, злобную силу; и чем больше издевался над нею сильный человек, тем более любовалась она его силою и злобою, похваляла его за удальство и молодечество.

Привык человек уважать силу и злобу, и все мы так думаем и так чувствуем, сами того не сознавая. Цепко держится в нас это скверное, подлое чувство, и многое надо передумать и перечувствовать, чтобы вырвать его из себя.

Никто никогда не учил вас уважать эту злобную силу, но и вы сами, не зная того, так думаете и так чувствуете, потому что привыкли с самого первого дня, как стали понимать, что кругом вас делается, видеть, что все так думают и так чувствуют.

Будь наш Прокоп, при своей силе, злым мальчиком, вы бы боялись его и, может быть, до поры до времени его бы уважали, а он у нас добрый; другой бы на его месте да с его силою все бы дрался да других обижал, а наш добрый силач чаще плачет, чем самый слабый из вас, да еще плачет-то при таких обстоятельствах, когда другой и не думал бы плакать.

Бывало, закапризничает брат его, Андрей, а наш силач горькими слезами заливается: «Жаль, говорить, брата, что дурно ведет себя». Добрые это были, хорошие слезы.

А помните ли вы, когда уходила от нас кухарка Ефросиния; грустно было расставаться с вами сыну ее Михайле; сидел он в углу кухни и горько плакал; а наш живчик Денисок, не обдумав, что делает, над ним смеяться стал: увидел это Прокоп, жаль ему стало Михайлу; так прочувствовал он обиду, что сам заплакал, – святые то были слезы.

Припомню вам и еще один случай. Была у меня красивая коробка из-под конфет – всем вам очень хотелось ее получить; разыграли мы ее в лотерею, выиграл ее Прокоп. Все вы ему позавидовали, а Миша наш даже заплакал; и что же – отдал ему Прокоп коробку; смотрю я ему в глаза, а в них ни слезинки,

только улыбается радостно.

А ведь могли вы его сделать дурным человеком; заметил бы он, что над добротою его смеются, стал бы злым, а я его полюбил за доброту; будете умнее, и вы поймете, какая сила в его доброте, и будете уважать его за доброту, а у него от доброты силы не убавится, и будет он сильный и добрый, полезный и счастливый.

Денис. Все вы его прозвали лисою, и ему это название нравится. Посмотрите, как плутовски смотрят его карие глазенки, как они весело запрыгают, когда его так назовут. Видно, он считает, что лисою быть очень хорошо, и ошибается он при этом только наполовину.

Не то хорошо, что он лиса, а хорошо то, что позволяет ему быть лисою. Ведь не прозвали бы вы лисою Адарку, Проську или Гришку. Малоумные в местечке Ямполь, на то у них ума не хватает, ну а нашему Дениске ума не занимать стать.

Умен-то Денисок наш – умен, да выйдет ли толк из его ума; всего более это зависит от него самого. Захочет употребить он свой ум на добро, легко ему будет стать полезным, уважаемым и любимым человеком; захочет он при помощи того же ума делать зло, и станет он вреднее и более ненавидим, чем всякий другой.

Ведь ум его, что нож острый: не будут пользоваться ножом, пролежит он целый век без пользы; возьмут нож в руки, можно им сделать много полезной работы, а можно и человека убить.

Так и ум Дениса. Не будет Денис своим умом пользоваться или употребит его на пустяки, шутки

да прибаутки, проживет он таким же бесполезным человеком, как если бы у него ума и не было; шутки да прибаутки забудутся, и никто не помянет его добрым словом. А захочет Денис ум свой употребить с пользою, очень полезным он может стать помощником для меня, другом и советником для вас; тогда мы в нем ум уважать станем, а его любить будем.

Покуда Денис хоть и не глуп, а иногда ведет себя очень глупо.

Вот, например, 8 числа он доказал, что хорошо ведет себя не потому, что понимает пользу для самого себя хорошего поведения, а только для того, чтобы его похвалили. Ведь он уже несколько месяцев так хорошо себя вел, что его постоянно избирали старшиною; оставили его раз без надзора да еще поручили ему товарищей, он и сам дурно себя вел, и другим дурной пример показал. Вместо того чтобы понять, какую ему честь делали, поручая ему товарищей, и постараться доказать, что он этой чести достоин, он доказал только, что ему доверять нельзя и что он звание старшины незаслуженно носит.

Николай. Хорошо в лесу, особенно в тихий жаркий летний день. В то время как на полях дохнуть нельзя от томительной жары, до боли жгут палящие лучи высоко на небе стоящего солнца и поднимаются от земли чуть видные волны трепещущего пара, — привольно, прохладно тогда под сенью развесистых дубов и стройных сосен.

Вот от большой дороги потянулась в самую

чащу небольшая лесная тропинка. Травы покрыли ее роскошным ковром, какого не найти во дворце у вельможи. Как он душист, как он чудно разнообразен, этот дивный зеленый ковер. Тут и, как иглы, узкая трава, и тонко изрезанный перистый тысячелистvenник, и широкие тусклые листья лапушника, и блестящие, как лаком покрытые, двойни просвирняка, а над ними роскошное кружево высокого папоротника. Там и сям разбросаны яркие – красные, желтые, лиловые – цветочки; вот и снежно-белые душистые колокольчики ландыша; там еще более душистые, причудливые, изжелта-белые цветки лесной фиалки; а солнце, пробиваясь сквозь листву нависших ветвей, усеяло дивный ковер яркими круглыми пятнами.

По сторонам тропинки, меж тонких стволов высоких сосен пышно разросся орешник, а сверху, сквозь зеленый свод, кое-где виднеется воздушная синева далекого неба.

А вечером, как волшеббо прекрасен становится лес, весь пронизанный косо скользящими лучами заходящего солнца! Один за другим потухают лучи; все выше и выше растет темнота; еще блещут высоко в небе верхушки, да пылает на западе сквозь почерневшие стволы багровое помяя.

Но вот воцарилась полная тьма; жутко становится запоздалому путнику среди величавой тишины заснувшего леса.

Зашелестели листья; пронесся таинственный шорох, пронесся и замер где-то далеко. Опять зашелестели

листья сильнее прежнего. Как тревога пошла по лесной чаще; закачались высокие сосны, заходили их вершины, как волны бурного моря; как крик испуга, пронесся по лесу пронзительный свист налетевшего ветра; глухим раскатом пронесся звук далекого грома, и забушевала неистовая буря. Грохочет гром, трещат, ломаясь, высокие сосны, а могучий лес, как страждущий дух, скрежещет, и стонет, и рвется куда-то, зачем-то.

И в тихой красе прекрасного летнего утра, и в грозную пору бушующей бури величаво таинственен лес-исполин.

Кто жил среди леса, кто прислушивался к его голосам, у того сохранится глубоко в душе величавое чувство и светится в задумчивом взоре запавшая мысль.

И Сергей, и Коля родились в лесу, отец их служил лесником у моего отца.

Сергей дольше пробыл в лесу, чем Коля, да и старше брата, лучше мог понимать; оттого, быть может, и теплится его взор так спокойно, иногда почти строго. У Коли взор веселее, да ласковый такой, как будто он видел больше ясных солнечных дней, а Серега наслушался страшного голоса бури.

Как умер их отец Павел, поступила вдова его Фекла хлебопекаркой в Свесу на заводы; и попали Сергей с Колей из лесного одиночества в самый разгар шумной фабричной жизни.

И взрослому человеку трудно прожить, не переняв многое от людей, его окружающих; а ребенок что воск мягкий, все, что он видит и слышит, на нем

отпечатлется.

У фабричных рабочих мало чего хорошего перенять можно; не хочу я их обвинять, может, они в том и мало виноваты, да так уж жизнь их сложилась. Целую неделю работает фабричный, кроме машины своей ничего не знает; вот и хочется ему развернуться в свободный день, повеселиться. А веселие у него какое! Принарядится да и в кабак; что заработал на неделе, в кабаке и оставит; а пьяный человек что бессмысленное животное, и кончается праздник вместо веселия руготнею да дракою. Так все они к этому привыкли, что не стыдятся пьянство называть молодечеством, а пропойного пьяницу не стыдятся любовно обзывать удалую головушкой; а дома-то у него жена и дети без хлеба сидят, везде грязь и нищета, да и сам он, как пугало, ходит.

Грязно, неряшливо, безалаберно живет наш фабричный; неопрятен, неряшлив и Коля, да отчасти и Серега.

Посмотрите, как неряшливо на Коле сидит платье: все в пятнах, разодранное, пуговицы не застегнуты. И красивый он мальчик, а смотреть на него неприятно.

Богатый человек может и себя, и дом свой украсить дорогими вещами; для бедного человека лучшим украшением и дома и его самого – опрятность, а опрятность невозможна без порядка и бережливости. Не будет бедный человек держать свои вещи в порядке, ему не на что будет купить пропавшую вещь, придется занимать у соседа; не будет он беречь свое платье,

будет ходить в грязных лохмотьях. И другим на него смотреть гадко, да и для него самого неприглядна жизнь в грязной, запущенной хате.

Михаил. Помните, детки, когда я вас взял, вы, было, прозвали Мишу совою.

Его большие глаза смотрели как-то дико, бессмысленно, точно он все чему-то удивлялся, точь-в-точь глаза совы, вынесенной на свет дневной.

Теперь вы его совою больше не назовете, а отчего? Глаза у него остались большие по-прежнему, да выражение в них уж далеко не совиное. Много поработала белокурая головка: и читать, и писать научилась, а к арифметике уж так способна стала, что всякую задачу скорее всех товарищей решит. Загорался в больших глазах светлый огонек, и далеко стало совиным глазам до глаз нашего Миши.

Знаем мы за Мишею кое-что хорошее, знаем за ним и кое-что дурное. Учился Миша хорошо и вел себя, бывало, отлично, так что даже хотя он у нас и из меньших, а был выбираем старшиною; зато выдался и такой месяц, что был он признан из всех худшим по поведению.

Помню, после первых выборов в старшины подходит ко мне Миша и говорит: «Буду и я старшиною»; да говорит так твердо, а в глазенках блеснула такая решимость, что так и видно, что очень он этого хочет и непременно достигнет. Во весь месяц он вел себя примерно и на следующих выборах, действительно, был признан достойным и стал старшиною.

Очень понравилась мне в Мише твердая воля. Только такой человек и заслуживает от всех уважения и доверия, кто всегда поступает так, как считает должным и добрым поступать, не поддаваясь никаким дурным советам, никаким дурным примерам, ни даже своим собственным дурным желаниям. Человек, у которого нет такой силы воли, — жалкое создание, которое только презирать можно; он сам ничто; доверять ему невозможно, безрассудно. Сегодня, под влиянием хорошего человека, он поступает хорошо; завтра, под влиянием дурного человека, он сам станет худшим из худших.

Солгал раз Миша и много себе этим навредил. Проступок он сделал такой ничтожный, что даже и простое замечание едва ли получил бы; простая неосторожность — крупу в амбаре рассыпал, а он взял да и сказал на товарища, будто тот это сделал. Не сумел Миша совладать с дурным желанием ложно оговорить товарища да за это прямо из старшин да на последнее место попал, а что всего хуже, добрую славу потерял. С тех пор он и хорошо себя ведет, а в старшины его не выбирают: доверие к себе с доброю славою потерял.

Ведь по этому поступку можно думать, что сердце у Миши недоброе: сам виноват, а на невинного товарища наговаривает; а мне думается, что поступил он просто не подумавши. Потому мне так думается, что показал мне Миша уголок доброго сердца.

Был я в Глухове, когда пришло ко мне письмо с известием о том, что Миша заболел сильным

воспалением мозга. Очень я за него испугался, взял доктора и вернулся в Ямполь. Смотрю, лежит мой бедный Мишун бледный такой, весь исхудал. Защемило у меня сердце, как подумал, что не станет между нами нашего умного мальчика, стал просить доктора испробовать все возможное, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье.

В тот же вечер перевезли мы его ко мне. Два дня сильно страдал мой бедный малютка, мало надежды было. Лежит в жару, глазки закатит, то вдруг вскрикнет от боли, меня позовет. Легче ему становилось, когда я растирал его руками или даже просто держал его ручку в моей руке.

На второй день вечером – очень я был уставши, – сижу у его постели, а самого так ко сну и клонит. Сажу, глаза закрыл, слышу – зовет меня Миша; смотрю, глядит он на меня своими большими глазами, сознание к нему вернулось, да так пристально на меня смотрит. И знаете ли, что он сказал мне? «Устали вы, спать идите». Это он-то, страдалец, меня усталого пожалел. На это нужно доброе сердце.

Илья. Мало может один человек без помощи других людей.

Как ни проста эта истина, а ее мало кто понимает. Много есть таких истин: повторяют их все, а понимать почти никто не понимает. Так и о взаимной помощи говорят очень много и в то же время проповедуют злобу и раздор вместо любви и согласия, необходимых для общей работы и взаимной помощи. Этот разлад

между словом и делом создает невообразимый сумбур, в котором разобраться очень трудно. Найдутся такие люди, которые не постыдятся, называя себя вашими друзьями, внушать вам ненависть даже и ко мне, вашему лучшему другу. Об этом мы поговорим с вами гораздо подробнее в другое время; теперь помните одно, что не друг, а злой враг для вас всякий, кто проповедует вам злобу и ненависть. Как из семян сорных трав не выйдет пшеницы, так и злоба может породить только злобу и раздор, а не счастье, невозможное без любви и согласия.

Любовь – громадная сила. Ведь вот год тому назад между мною и вами была целая пропасть; казалось, ничего общего быть не может между богатым помещиком и бедными крестьянскими сиротами. Я полюбил вас, наполнилась пропасть; я стал вашим отцом, вы стали моими детьми. Не потому я вам отец, а вы мне дети, что мы так называли друг друга; нет, перед лицом всего света, нелицемерно я могу назвать себя отцом вашим, потому что не краду этого имени. Всемогущею силою любви я стал отцом для вас и люблю вас искренне, глубоко, как, может быть, иные родные отцы не умеют любить своих кровных сыновей; вы же станете воистину детьми моими только тогда, когда, в ответ на мою любовь, полюбите меня так же искренне и глубоко, как я люблю вас, когда станете друг для друга братьями не на словах только, а силою все той же глубокой, искренней любви друг к другу.

Тот, кто, называя меня отцом, а вас братьями, не

любит нас, тот вор: он крадет имя сына и брата, он крадет счастье у другого бедного одинокого сироты, который на его месте любил бы нас, чью жизнь мы бы согрели нашею любовью.

Пусть Ильюша почаще читает эти строки; пусть не забывает и того, что громко в присутствии всех вас, в течение нескольких месяцев, повторяли ему и утром и вечером старшины: «Помни, Илья, что ты к товарищам твоим не доброжелателен».

Пусть помнит и то, что мы все нетерпеливо ждем того дня, когда он полюбит нас; в этот день у меня будет одним сыном, а у вас одним братом более.

Андрей. Понимаете ли вы, дети, что значит бороться с самим собою?

Ведь какая кажется мудреная вещь – борьба с самим собою, а наш маленький Андрей боролся с самим собою и боролся удачно.

Припомните, какой он был капризный; бывало, расплчется по пустякам, и ничем его не уймешь, ни ласкою, ни строгостью; заберется в угол, опустит глаза и упорно плачет, а сам всем телом вздрагивает. Как пройдет припадок каприза, ему и самому стыдно, понимает, что вел себя глупо, а другой раз опять с собою совладать не может.

Только стал он по моему совету примечать за собою: как почувствует приближение припадка каприза, старается ему не поддаться, все тело у него нервно вздрагивает, а он пересилит себя, поднимет на меня глаза, улыбнется, значит – совладал с собою, победил

в себе дурную привычку. Много чести в такой победе, потому что она очень трудна, потому что она очень полезна. Ведь при этом в одном нашем Андрее боролись как бы два отдельные Андрея: дурные привычки прежнего Андрея боролись с доброю волею нового Андрея, и новый, умный, добрый Андрей победил прежнего, глупого, злого Андрея.

Без этой борьбы с самим собою не может никто стать хорошим человеком. Чтобы быть хорошим человеком, нужны две вещи: знание и сильная воля любви; знание – чтобы понять правду, сильная воля – чтобы жить по правде, чтобы успешно бороться с дурными привычками, которые мешают нам жить по правде. Человек, который, зная правду, не имеет достаточно силы воли, чтобы побороть в себе прежнего дурного человека и жить по правде, лучше бы совсем и не знал эту правду; тогда он был бы только жалким глупцом, а зная правду и не живя по ней, он нечестный, подлый человек.

Не думайте, чтобы эта борьба с самим собою была неприятна; сознавать, что с каждым днем я становлюсь все лучше и лучше, что то хорошее, что прежде я любил в другом, я теперь могу любить в самом себе, – такое счастье, какого не понять тому, кто не испытал его.

Афанасий. Прежде чем говорить о нем, вспомним о бедном Егорушке, которого он заменил.

Хорошим помянуть Егорушку нечем, так пожалеем его несчастную долю.

Жаль мне было возвратить его матери, а должен был

это сделать. Не надеялся я сделать из него хорошего человека, боялся взять на себя дело не по силам; а дурной человек между вами был бы большим горем для меня, большим злом для всех вас.

Помните, друзья мои, что доброе имя каждого из вас – наша общая добрая слава; каждый дурной поступок одного из вас ляжет неизгладимым пятном на всех нас. Всегда и везде найдутся глупые и злые люди, которые будут ненавидеть вас за то, что вы поступаете и живете лучше их. Со злорадством они будут следить за каждым вашим шагом; из-за одного дурного человека среди вас они постараются очернить, закидать грязью остальных девять хороших и меня, воспитавшего вас.

Слишком я люблю то дело, которому сам служу и вас предназначаю, чтобы рисковать им. Как увидел я, что не в силах пробудить в нем ум, не в силах подействовать на его сердце, отдал я Егора матери его, чтобы взять на его место другого, который бы лучше мог воспользоваться уроками и советами.

Что сказать про Оню? – Ни особенно дурного, ни особенно хорошего сказать о нем нельзя.

Не умеет он еще себя сдерживать: рассердится, товарища прибьет или глупое, бранное слово ему скажет; хорошо было бы ему взять пример с Андрея и постараться побороть в себе эту дурную привычку. Особенно стыдно и больно мне за него, когда он обругает товарища бранным словом, которого и сам не понимает.

Тем и отличается между прочим человек от

животных, что у него есть ум; этот ум позволяет ему разумно говорить и поступать. Гнусно, гадко видеть человека, который, рассердившись или просто по привычке, говорит бессмысленные ругательства, ничего не выражающие, кроме бессильной, шипящей злобы; во всяком случае, унижают эти бранные слова не того, к кому они обращены, а того, кто, употребляя их, нисходит до уровня бессмысленно лающей собаки.

Не будем забывать, что Оня между нами еще недавно, что он неглупый мальчик и что ему легко будет исправиться от своих недостатков»³¹.

По субботам в школе проводился *круг*, или так называемое общее собрание воспитанников. В этот день ученики не работали, а под председательством Неплюева или кого-нибудь из учителей собирались вместе и обсуждали сообща, что сделано в школе за неделю. Прежде всего, читали общий дневник, который велся воспитанниками поочередно, потом слушали доклад о сельскохозяйственных работах, наконец, выступали и задавали вопросы сами воспитанники.

«Некто М., – вспоминает Н. В. Дризен, – типичный казак с Кавказа, вышел и спросил, можно ли задавать вопросы после вечерней молитвы и хорошо ли товарищам смеяться над тем, который вопросы задает. Неплюев, руководящий на этот раз кругом, отвечал, что все зависит от того, кто какие вопросы предлагает, но что вообще смеяться над ближним никогда не следует.

³¹ Неплюев Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

– Мы не смеялись над ним, Николай Николаевич, – возразил вдруг мальчик с курчавой головой с задней скамейки, – нам только показался смешным его способ выражения. Он сказал: *прошла чутка*, что по местному, кавказскому, значит: *прошел слух*. Многие, конечно, не поняли и рассмеялись.

– Кто же смеялся, дети? – спросил Неплюев. – Прошла минута, потом встал один, другой, третий...

– Я собственно не смеялся над М., – сказал один из трех, сидевший рядом с обиженным, – я только заметил ему, что всякий вопрос должен иметь повод, а без повода предлагать вопросы странно...

– Нехорошо, дети, – сказал Николай Николаевич, – смеяться над братом своим, вы смеялись над творением Божиим, который создал вас по образу и подобию своему, т. е. вложил в вас ум, сердце, душу живую. А ты М. не приучай себя жаловаться на товарищей. Помни, что Господь наш Иисус Христос заповедал нам всем любить ближнего, как самого себя, а если согрешил против тебя брат, то простить ему... Садитесь, дети...»³².

В определенный момент Н. Н. Неплюев понял, что иногда старшие школьники могут быть более, нежели он и другие учителя, полезными для младших воспитанников. Они для них могут быть более понятными, притом много значило и то, что они вместе жили и, следовательно, всегда в надлежащее время могли прийти младшему товарищу на помощь.

³² Дризен Н. В. Указ. соч.

Однажды, читая со старшими из своих питомцев Евангелие от Матфея, Неплюев и его юные друзья дошли до слов: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»³³. Привыкший толковать своим воспитанникам каждую фразу Священного Писания, Николай Николаевич объяснил, что и эти слова, как и все исходящие из уст Божиих, имеют общеобязательное значение для всех времен и народов, что заповедь эту может выполнять богатый человек и бедный, умудренный жизненным опытом и совсем юный. Через некоторое время Неплюев стал замечать, как старшие воспитанники начали заботиться о своих меньших *братьях* и одновременно, совершенствуясь сами, старались нравственным образом воздействовать на наиболее трудных в воспитательном отношении товарищей. Это дало мысль избрать из среды воспитанников помощников и сотрудников в деле воспитания, так называемый старший братский кружок. Все младшие воспитанники были распределены меж-

³³ Мф. 18, 1–6.

ду членами старшего братского кружка по 4–5 человек. В спальне их кровати стояли рядом, за обедом они сидели за одним столом. При этом старшие не должны были быть начальниками и судьями младшим товарищам, а должны были быть добрыми друзьями, всегда готовыми прийти к ним на помощь во всех затруднениях их школьной жизни.

Члены старшего братского кружка не пользовались в школе никакими привилегиями и наряду со всеми несли все обязанности и подчинялись всем установленным правилам, подавали пример младшим в неукоснительном их исполнении.

Как старший братский кружок составил из юношей, свободно взявших на себя благодатный подвиг служения ближним, так и братство трудовое явилось делом свободного волеизъявления каждого из его членов.

К услугам воспитанников, учителей и всех членов братства была предоставлена обширнейшая библиотека Николая Николаевича, которую собирало не одно поколение Неплюевых и которая постоянно пополнялась новыми книгами, газетами и журналами.

Характерным явлением воспитательного процесса в братстве были литературно-музыкальные утреники и вечера, на которых вслух читались произведения различных авторов, разыгрывались театрализованные постановки, обсуждались стихи собственных поэтов. Таким образом, духовная жизнь в братстве не ограничивалась лишь научно-практической и духовно-нравственной сферами; активно поощрялись

и развивались художественные стремления воспитанников. В частности, Н. В. Дризен, присутствовавший на одном из литературных вечеров в доме Н. Н. Неплюева, отметил двух молодых людей 18–19 лет, пишущих *очень милые и искренние стихи*:

Не богат я, слава Богу,
И не беден я пока, —
Книга, плуг и теплый угол,
Разве есть у бедняка?..

Нет гроша в моем кармане —
Сердце бодрое зато,
А с веселым, бодрым сердцем
Не смутит меня ничто...

Нет богатств, — но много братьев,
А сердечный, добрый брат —
Это лучшее богатство,
Самый первый в мире клад...

Хорошо мне жить на свете!
С ранней зорькой я встаю! —
Птичка в поле с песней реет —
Вместе с ней и я пою!

Брошу зерна — выйдет колос...
Что за скирды встанут в ряд! —

Хватит нам, дадим и людям,
Не побил бы только град!

Снег и холод выюг житейских
Не сломают грудь мою.
Я веселой, бодрой песней
Мрачный призрак их гоню...

И таких веселых песен
Много есть в груди моей:
Их и буду петь до смерти
Для себя и для людей...

«Молодой голос, одушевление, малороссийский говор – все гармонировало с характером поэтического произведения, в котором невольно чувствовался отголосок общего настроения слушателей. Так, по крайней мере, объяснил я себе оглушительные аплодисменты, выпавшие на долю чтеца»³⁴.

Литературно-музыкальные утренники и вечера уступали место тематическим собраниям. Одно из них посвятили драматургии Герхарта Гауптмана, поставив одну из его пьес, другое – поэзии Николая Алексеевича Некрасова, третье – музыкальному наследию Джузеппе Верди, четвертое – Михаилу Ивановичу Глинке... В исполнении произведений выдающихся композиторов принимал участие как Н. Н.

³⁴ Дризен Н. В. Указ. соч.

Неплюев, славившийся игрой на рояле, так и созданные в братстве хор и оркестр. В журнале «Воскресная беседа» начали печататься свои поэты, появились даже их первые самостоятельные сборники стихов...

В 1890 году после смерти отца Неплюева его мать и обе сестры решили последовать примеру сына и брата. Они обосновались в Ямполе и там же основали женскую сельскохозяйственную школу с той же программой и с тем же житийским режимом, какой был заведен в Воздвиженской школе. Мать Николая Николаевича А. Н. Неплюева взяла на себя миссию попечителя Преображенской сельскохозяйственной школы, а его сестры Мария Николаевна Уманец и Ольга Николаевна Неплюева занялись непосредственно вопросами воспитания: первая стала руководить воспитанием девушек, а вторая – заведовать ямпольским детским общежитием.

11 сентября 1893 года в трудовом братстве происходит знаменательное событие – освящается храм в честь Воздвижения Креста Господня. В 1894 году принимается Священным синодом и утверждается императором Александром III устав православного Крестовоздвиженского трудового братства, за которым последовало право юридического лица и, соответственно, право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество. 22 июля 1895 года состоялось официальное открытие трудового братства и связанное с ним церковное торжество.

На открытие трудового братства Н. Н. Неплюева лич-

но не благословил иконою святого Алексея, человека Божия митрополит Санкт-Петербургский Палладий. В приветственных адресах во время торжеств прозвучали благословения от старца Варнавы из Гефсиманского скита. Иеромонах Марк, присутствовавший на торжественном открытии братства, благословил собравшихся иконою святого Иоанна Богослова, а Н. Н. Неплюева – иконою святого Николая Чудотворца. Обе иконы были написаны самим иеромонахом, освящены, снабжены на обратной стороне надписями, заключающими в себе посвящения, и подарены братству.

Преосвященный Сергей, епископ Черниговский и Нежинский, на страницах «Епархиальных ведомостей» выразил свое *умиление и восхищение* начатым делом, подарил Н. Н. Неплюеву собрание своих сочинений, снабдив их надписью: *Просвещенному избраннику Божию, воссоздателю народа – семени святого стояния мира русского православия*³⁵.

Протоиерей Иоанн Смирнов, барон Вольф и барон Мирбах в своих поздравительных речах просили братство рекомендовать им молодых людей и молодых девушек для ведения воспитательной работы в учебных и благотворительных заведениях.

В день открытия братства выпускница глуховского учительского института С. Д. Чалина просила принять в дар от

³⁵ Отчет блюстителя о религиозно-нравственной жизни трудового братства от его основания по 22 июля 1897 года. Глухов, 1897.

нее золотую медаль, полученную ею при окончании учебного заведения, а игумен Исаия прислал вырезанное монахами из дерева блюдо, раскрашенное позолотой.

Профессора российских университетов, частные лица из многих городов России и зарубежья выразили братству горячее сочувствие и добрые пожелания.

Глава II. Апостольская община

Каждому, прибывающему на Юг Российской империи по соединительной ветке Киево-Воронежской железной дороги, в 7–8 верстах от станция Горелые Хутора открывалось взору громадное, едва ли не самое обширное во всей Украине хозяйство, тянувшееся на двести верст единой полосой. Вот что представляло собой родовое имение Неплюевых, становившееся православным Крестовоздвиженским трудовым братством, разбитым на несколько отдельных хуторов, с обширным полеводством, скотоводством, молочным хозяйством и заводами: металлургическим, свеклосахарным, винокуренным и пр., и пр.

Согласно духовной записи 29 декабря 1901 года, с согласия матери и обеих сестер Н. Н. Неплюев передал братству недвижимое имущество, находящееся в Глуховском уезде Черниговской губернии и состоящее из 16 435 десятин 1 906 квадратных саженей земли с лесом, постройками и заводами. Часть упомянутого имущества – 5 313 десятин 2 293 квадратных саженей земли и леса – немедленно перешла в полную собственность трудового братства, которое должно было его эксплуатировать при условии ежегодного выплачивания 23 320 рублей на содержание двух школ, церкви и больницы и 5 118 рублей на погашение процентов и оплату долга Дворянскому земскому банку. В целом стоимость иму-

щества, переданного братству, исчислялась 1 750 000 рублей. Остальное недвижимое имущество оставалось пожизненно собственностью жертвователя и членов его семьи (матери и сестер); только после их смерти трудовое братство могло получить его в пользование. Правда, полученные в этом случае доходы передавались на создание других трудовых братств как в России, так и за ее пределами.

Так окончательно организуется трудовое братство, в функциональной модели которого четко просматривается высокая трудовая мотивация, лежащая в основе рыночного предпринимательства. Здесь как бы в одном сошлись и отношения аренды, и фермерство, и акционирование земельной собственности (на скопленные за время учебы деньги каждый ученик сельскохозяйственной школы мог рассчитывать на свой процент прибыли). И все это на началах православного жизненного уклада.

И если признать, что трудовое братство как подлинный феномен Н. Н. Неплюева убедительно доказывает, что без христианско-православной культурной традиции рыночное предпринимательство, как и сам рынок, может стать источником не обогащения народа, а его нищеты, то тогда следует признать и тот факт, что Крестовоздвиженское трудовое братство как форма апостольской общины братской любви было не чем иным, как одним из возможных очагов нашей русской реформации, реформации в лучшем смысле этого слова. И пусть то, что было предложено Н. Н. Неплю-

евым, может кому-то показаться немного наивным, но все же отдадим ему должное: он не разрушал, а, используя объективно существующие реалии (и общинный характер русской деревни, и скудные технические возможности тогдашних крестьян, которые, увы, и нынче немногим богаче), доказывал жизнеспособность, что называется, библейской матрицы *апостольской общины как формы братской любви*, что основанное на высоких нравственных принципах коллективное не значит обезличенное.

Глава III. Созидание добра

Деятельность Н. Н. Неплюева привлекала огромное внимание русской и мировой общественности; о ней писали на страницах русских, парижских, лондонских, марсельских и других журналов и газет³⁶. В чем причина такого интереса? Многое объясняется пропагандистской работой самого Неплюева. О своих идеях и их практическом воплощении в трудовом братстве он активно рассказывал в своих многочисленных сочинениях: «Благовест библейский» (Лейпциг, 1893), «Братские союзы в учебных заведениях высших, средних и низших. Могут ли дальше обходиться без них церковь и христианское государство и как их осуществить?» (Лейпциг, 1893), «Вера и жизнь. Публичная лекция для верующих» (СПб., 1905), «Воздвиженская школа – колыбель трудового братства. 1885–1895» (СПб., 1895), «Воззвание к друзьям свободы и порядка» (СПб., 1907), «Война

³⁶ Г. Д. Горбунов в «Виленском вестнике», С. И. Уманец в «Рижском вестнике», Д. В. Лобачевский в «Воскресной беседе», Н. П. Вагнер в «Неделе», М. П. Мясоедов в «Русском труде», пастор Гутер в марсельском журнале «La Mission Intérieure», профессор Боне-Мори в парижском журнале «Revue Chrétienne», аббат Можис в тюркском журнале «Bulletin de St. Martin», английская писательница Crewe (Кру) в лондонском журнале «Church Army»; 5 марта 1898 года профессор церковной истории при парижской Сорбонне Гастон Боне-Мори сделал доклад о трудовом братстве Н. Н. Неплюева и системе воспитания в его школах на заседании парижской академии, а академик Анатолий Леруа Больё написал об этом докладе статью в «Новом времени» и др.

или мир? Боевой или мирный прогресс? Что полезнее для человечества? Публичная лекция для неверующих» (СПб., 1904), «Всероссийское братство» (СПб., 1907), «Вставай, страна моя родная. Доклад на киевском Всероссийском съезде Союза русских людей» (Киев, 1906), «Воздвиженское трудовое братство» (СПб., 1906), «Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора» (Киев, 1906), «19 февраля и крестьянская община» (СПб., 1905), «Доклад глуховскому комитету высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине» (СПб., 1903), «Доклад на киевском совещании по вопросу объединения добрых сил на дело мирного созидания 11 октября 1906 года» (Киев, 1906), «Жизненное значение трудовых братств: церковное, государственное и общественное. Беседа для друзей и врагов» (СПб., 1905), «Звуки души» (Берлин, 1896), «Историческое призвание русского помещика» (М., 1880), «Ко всем верующим» (СПб., 1907), «Конгресс единого человечества» (СПб., 1900), «Материалы для проекта устава всероссийского братства» (Киев, 1907), «Мысли и советы искреннего друга. 4 августа 1881 года – 4 августа 1882 года» (СПб., 1882), «Открытое письмо к учащейся молодежи» (СПб., 1906), «Партия мирного прогресса, ее идеальные основы и жизненная программа» (Киев, 1905), «Партия мирного прогресса, ее идеальные основы и жизненная программа» (Глухов, 1906), «Письмо к духовенству» (Киев, 1905), «Письмо

к сельскому населению» (Киев, 1905), «По поводу докладов “Война или мир” и “Вера и жизнь”» (СПб., 1905), «По поводу ложных слухов» (СПб., 1906), «Проект устава воздвиженского сельскохозяйственного трудового братства» (СПб., 1885), «Псалтырь» (Лейпциг, 1893), «Путь к лучшему будущему» (СПб., 1901), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Десятая глава Евангелия от Матфея» (Берлин, 1896), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Пятая глава Евангелия от Матфея» (Лейпциг, 1893), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Десятая глава Евангелия от Матфея» (Лейпциг, 1893), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Молитва Господня» (Лейпциг, 1893), «Совесть. Стимул, забытый проф. Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния» (М., 1881), «Таинственные явления земной жизни духа моего. Посвящение моим друзьям и братьям во Христе, членам Крестовоздвиженского трудового братства» (Берлин, 1896), «Трудовое братство и школы» (СПб., 1900), «Трудовые братства. Могут ли далее обходиться без них церковь и христианское государство и как их осуществить» (Лейпциг, 1893), «Хлеб насущный» (М., 1883), «Христианская гармония духа. Психологический этюд» (Берлин, 1896), «Христианское мировоззрение» (Берлин, 1894), «Частное ответное письмо Неплю-

ева на письмо священника Иванова» (СПб., 1903), «Что есть истина?» (Лейпциг, 1893), «Отчет по воздвиженской сельскохозяйственной школе Н. Н. Неплюева» (Киев, 1901), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (Чернигов, 1893), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (СПб., 1895), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (Киев, 1901).

Во всех своих работах Н. Н. Неплюев настойчиво проводил мысль о том, что для блага общества необходимо перейти от критики зла, озлобляющей человека, к умиротворяющему делу созидания добра, от бесплодного *самокопания* в своей прошлой жизни и душе к православной вере, зовущей к реальной жизни любовью, от критики чужих заблуждений к реальному делу. Необходимо преодолеть сковывающий человека пессимизм, т. к. можно ли назвать пессимистом того, кто верит в жизненную правду православия до горячего убеждения в возможности осуществления ее в жизни, в способность людей немедленно приступить к ее осуществлению!

Из-под пера Неплюева выходили тексты с признаками явного, несомненного оптимизма и самого искреннего уважения к христианской истине, православной церкви, к своему Отечеству, ко всем соотечественникам и единоверцам: христианский идеал, завещанный Христом и его апостолами, может быть осуществлен в большей степени, чем это есть в настоящее время. Необходимо тревожить людскую совесть и

убеждать, что всякая попытка стройной организации жизни на основе веры, действующей любовью, не может быть беспочвенною, фантастическою утопией!

Человечеству пора понять, писал Н. Н. Неплюев, что только гордость мешает каждому из нас верить в Бога и любить ближних, что именно она является главной помехою в деле честного осуществления христианской правды в жизни, стройной организации жизни, отношений и труда на основе православной веры, действующей любовью на лоне нелицемерного братства людей. Лишь гордость не позволяет человеку отказаться от привычного ему образа жизни, уйти из среды богатых и знатных в среду тех *бедных детей народа*, из которых необходимо воспитать подлинных православных христиан, предпочесть всем другим радостям *света* реальное братское общение со своими *во Христе братьями*.

Неплюев вступил в переписку и личное дружеское общение со множеством людей *доброй воли* в России, Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Бельгии. Число корреспондентов достигло таких размеров, что пришлось заменить письма печатными циркулярными бюллетенями, которые рассылались ежемесячно приблизительно по двести экземпляров на русском и французском языках. Во время своих частых поездок в Петербург он почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день вел беседы в частных домах А. С. Суворина, М. О. Меншикова, К. К. Арсеньева, Н. Н. Кармалина и пр., куда подчас собиралась многочисленная пуб-

лика. То же происходило и в других городах России и зарубежья. Обратимся, в этой связи, к письмам Н. Н. Неплюева барону Н. В. Дризену, хранящимся в рукописном фонде Российской национальной библиотеки. Их три.

Первое письмо датировано 26 сентября 1896 года. На штемпеле значится: «Блюститель трудового братства Н. Н. Неплюев. Почта и телеграммы: Ямполь Черниговский. Хутор Воздвиженск».

«Многоуважаемый, дорогой барон! От души благодарю Вас за доброе, сердечное письмо Ваше от 8 сентября. Верьте, что и мы часто с чувством любви и благодарности о Вас вспоминаем. Конгресс в Будапеште произвел на меня впечатление — очень воинственных людей, собравшихся обсуждать мирные вопросы. Особенно, до скандала, воинствен был председатель конгресса, друг и сподвижник короля Виктора-Эммануила, генерал Тюрр. Результаты поездки оказались, однако, богатыми и отрадными. Обсуждали много животрепещущих вопросов. Картина религиозно-нравственного облика современной Европы стоит передо мной еще более законченной. Познакомился со многими очень интересными личностями, каковы: Frédéric Passy, Discommin, барон и баронесса Берта Суттнер (автор романа “Долой оружие”) <...>, венгерская писательница Янко Воль, <...> Пекозер, Madme Pohnon (President de la liguc Francuz se feministe), профессора: Овари, Вамбери, Штейн, Рихтер и

мн. др. К первому заседанию опоздал и накануне последнего заседания уехал, чтобы вернуться в Воздвиженск, по крайней мере, за день до 14 сентября, годового братского праздника. В день отъезда, по предложению председателя международного бюро лиги мира Disommin, я хотел сделать заявление, но генерал Тюрр нашел нужным отложить этот вопрос до следующего дня. Уезжая, письменное заявление я передал Disommin. Из этого вышло целое недоразумение. В газетах, присланных мне из Венгрии, напечатано, что я уехал оскорбленным и что генерал Тюрр извинялся на другой день перед конгрессом и просил его выслушать мое заявление. Английская писательница M-ss Crewe (Кру) писала мне, что заявление мое было прочитано с большим чувством Disommin, громко приветствовано конгрессом, и принято предложение генерала Тюрра не только согласиться со мной, но и поручить бюро выразить мне сочувствие. <...> Окончил брошюру “Торжество православия”, приступаю к отчету о моем заграничном путешествии. Кроме этого хочу написать отчет по братству и докладную записку о его положении. Когда все это будет исполнено, выеду оттуда в Петербург. Чтобы ускорить дело, до самого отъезда запрусь в моей комнате. Буду очень рад иметь от Вас весточки. Простите неаккуратность ответов. Все друзья мои шлют Вам благодарный привет. Искренне Вас любящий и Вам

благо желающий Н. Неплюев»³⁷.

Второе письмо датировано 12 февраля 1897 года. На штемпеле значится: «Хутор Воздвиженск».

«Многоуважаемый, дорогой барон! Горячо благодарю Вас за статью в “Новом времени”; в каждой строчке ее слышалась любовь к дорогому нам делу. Все это поняли, приветствовали Вас дружными, оглушительными, долго не смолкавшими рукоплесканиями и просили передать Вам их любовь и благодарность. Статья Ваша уже сделала нам много доброго, приобретя много новых друзей. Немало писем было адресовано на мое имя в “Горелые Хутора”, начинаясь стереотипною фразой: “Прочтя статью барона Дризена”. Между прочим, Вам же мы обязаны сочувствием, выраженным нам Англо-Русским литературным обществом в Лондоне. Казанет написал мне, что Общество желает выразить особое сочувствие нашему делу, избрав меня своим членом. Не сомневаюсь, дорогой Николай Васильевич, что Вы порадуетесь этим добрым плодам вашего доброго дела. На днях выезжаю в Петербург. По пути заеду в Тулу, Москву, Рязань и Старую Руссу. Во всех этих городах есть целые кружки друзей братства, которых хочу посетить. <...> Примите дружеский поцелуй от сердечно Вам благодарного Н. Неплюева»³⁸.

³⁷ РНБ, Ф. 263, Дризен Н. В., № 221, лл. 1–3.

³⁸ Там же, лл. 4–5.

Последнее письмо датировано 10 августа 1897 года. На штемпеле значится: «Санкт-Петербург. Малая Морская. Гостиница “Париж”».

«Дорогой, милый барон! Поздравляю и от всего сердца желаю безоблачного счастья и Вам, и Вашей невесте. Молю Господа: да воздаст Он Вам семейным счастьем за любовь, оказанную Вами братству нашему и нам. Очень жаль, что письмо Ваше уже не застало меня в Воздвиженске, что лишило меня удовольствия повидаться с Вами проездом в Москве и познакомиться с домом Струве. Возвращаться из Петербурга думаю на пятой или шестой неделе, тогда побываю у Вас непременно. Надо ли говорить Вам, что в Воздвиженске и Вы, и супруга Ваша всегда будете желанными гостями. Получили ли Вы поздравительное приветствие от братства с Новым годом и письмо мое из Воздвиженска с выражением благодарности за статью, напечатанную в “Новом времени”? Петербург по-прежнему ласкает меня, и это добро <...>. Еще раз поздравляю и от всего сердца дружески целую. Н. Неплюев»³⁹.

Вторым существенным моментом общественного интереса к Н. Н. Неплюеву было то, что после типичных образцов русской официальной школы, школы братства представлялись совершенно необычайным явлением⁴⁰. Само же Кре-

³⁹ Там же, лл. 6–7.

⁴⁰ См.: Лютецкий А. А. Школы Неплюева как пример самобытного воспитания. М., 1900.

стовоздвиженское трудовое братство было, с одной стороны, явлением самобытно-независимым, а с другой, находилось в лоне устоявшейся русской православной традиции, объединившей исторически русский народ и православную веру; образовывая братства, русский народ всегда выступал защитником святого дела православной веры и Церкви Христовой. Не случайно братства, как православно-церковные объединения впервые возникли в Юго-Западной Руси как средство борьбы против Унии, провозглашенной на Брестском соборе 1596 года усердиями иезуитов и являвшейся оплотом католической веры. Таким образом, Неплюев в определенном смысле выражал национально-патриотические чувства значительных слоев российского общества.

Было, пожалуй, и еще одно... Н. Н. Неплюеву удалось аккумулировать в своей личности ту социальную психическую энергию, которая не могла найти себе реального выхода из-за чувственно-эмоциональной неустойчивости, поразившей интеллигенцию на переломе столетий. Вот как об этом писал барон Н. В. Дризен в петербургском «Новом времени»:

«Среди самых разнообразных течений, волновавших наше общество в последние годы, едва ли ни самое серьезное внимание заслуживает безотчетное искание истины, жажда веры, тоска по утраченным идеалам. Люди изверились в своих лучших надеждах, возненавидели прежнюю беспутную жизнь свою и в поисках за новыми идеалами и целями буквально не знают, куда преклонить измученные головы. Самое

ужасное в их положении, конечно, то, что очень часто жизнь очень крепко связала себя с ними, ценою всего их существования. Для одних она единственный источник благосостояния, для других она отождествляется с семьей, покинуть которую не позволяет долг и совесть, третьих, наконец, переворот застал совершенно неподготовленными, неспособными занять то место, которое, по их мнению, кажется им единственно спасительным. Вот и начинается разлад в человеке – разлад ужасный, обыкновенно непонятный для окружающих, которые по внешнему виду судят о внутреннем и решают, что все обстоит благополучно. Наиболее слабые при этом гибнут, наиболее сильные стараются по-своему решить мучающие их вопросы, ошибаются, падают, увлекают за собой тысячи слепо верующих им последователей. Неужели, однако, все эти вопросы настолько прокляты, что для разрешения их нужно входить в сделку с совестью, отречься от всего своего прошлого и, несмотря на это, только в отдалении видеть цель жизни? Некоторые отвечают на это: нет, цель жизни перед нами, вы только не хотите ее замечать, а она перед вами. Мало того, эти люди даже на собственном примере покажут вам спасительную пристань, кстати рассказав вам свою жизнь, полную таких же нравственных тревог, как ваша. Конечно, не ожидайте, чтобы эта был своего рода Магометов рай, обещающий праведным вечное наслаждение; это по-прежнему жизнь труда, сознательного, но все же упорного труда, согретого любовью к Богу и к

ближнему... Вы не верите, вы сомневаетесь?.. И я метался из стороны в сторону, искал ответа на мучившие меня вопросы, жаждал какой-то новой деятельности, какой? Никто доподлинно не мог мне указать. В это время у Кармалиных я встретил князя Г. Бывший гвардейский офицер, как большинство своих сверстников быстро разочаровавшийся в военной карьере, он для самообразования жадно набросился на книги, ища в них разрешения мудреных загадок жизни. Но книги только пытали его любопытство, а удовлетворения не давали. Тогда он стал искать общения с людьми, уже нашедшими кладезь мудрости, и напал на Н. Н. Неплюева»⁴¹.

К Неплюеву стали примыкать все те, кто верил, надеялся и призывал к мирному обновлению страны. Все они стали не только рьяными пропагандистами его дела, но и его защитниками. Последнее было особенно важно в период развернувшейся полемики о Крестовоздвиженском трудовом братстве, идейным организатором и вдохновителем которой стал М. О. Меньшиков⁴². Известный публицист и некогда убежденный либерал в обращении к учрежденным Н. Н. Неплюевым школам и братству, получал возможность проаппони-

⁴¹ Дризен Н. В. Литературные воспоминания // Весь мир. 1918. № 39. С. 8–11.

⁴² См.: Абрамов И. Неплюевская школа. Письмо из Глуховского уезда // Русское богатство. 1899. № 7. С. 177–194; Абрамов И. Неплюевское братство. Второе письмо из Глуховского уезда // Русское богатство. 1900. № 3. С. 1–27.

ровать *самому* Л. Н. Толстому⁴³.

В разделе «Отклики» газеты «Неделя» М. О. Меньшиков, литературное творчество которого к этому времени, по откликам коллег, стало отличаться особой беспринципностью⁴⁴, стал преподносить читателям свои суждения о деятельности Неплюева якобы в ответ на их личные к нему обращения:

«“Важные причины заставляют меня писать к вам. Не буду распространяться о том, как много я вам доверяю и как много от вас жду, — вы давно об этом знаете. Смотрите же, не обманите моих надежд!” Так начинается полученное мною на днях очень длинное письмо от одной пожилой, лично мне не известной, но по письмам давно знакомой дамы из одного северного города. Опускаю целую страницу любезных комплиментов, имеющих целью убедить меня, что я должен помочь решению одной новой грандиозной задачи. “Я не одна, нас дружеский кружок, среди членов которого есть светлые головы, способные творчески мыслить; есть люди ремесленных знаний, привычные к мускульному труду и в то же время способные подняться до идеи, которая всецело завладела ими и воодушевляет их. (И ими сделано уже

⁴³ М. О. Меньшиков, некогда увлеченный идеями Л. Н. Толстого, имел с ним многолетнюю переписку. В «Дневнике последних лет» Л. Н. Толстой упоминает, что М. О. Меньшиков находился в числе наиболее враждебно относящихся к нему личностей.

⁴⁴ За глаза коллеги называли М. О. Меньшикова «Иудушка».

несколько шагов по пути к осуществлению). Идея эта – объединение товарищей-работников в земледельческо-промышленную кооперацию на началах братской взаимопомощи. В деле нравственного умственного развития и широкая пропаганда кооперации на этих началах словом и примером среди страждущих под гнетом капитализма рабочих масс и среди всех униженных и оскорбленных во имя их экономического нравственного освобождения”...

Прочитал я эти энергично подчеркнутые строки и умилился: что за свежесть, что за впечатлительность этой представительницы 60-х годов! А главное – сколько еще пылкой веры в формулы, вычитанные из книг! Но дальнейшее чтение письма повергло меня в грусть. Оказывается, что дружеский кружок хотя и существует, но к нему нужно “силою слова – горячего и убежденного – вызвать сочувствие в обществе и материальную помощь”, так-так “начинающие пионеры – пролетарии, и без этой поддержки вся их энергия и энтузиазм могут разбиться о суровую действительность”... Меня именно выбрали как пробудителя общественного сочувствия и привлекателя капиталов к этому пролетарскому предприятию. Мне предоставляется действовать всеми средствами и, между прочим, указывается на Англию. “Там живет Человек; вот этот человек, без сомнения, может оказать существенную помощь началу дела своими материальными средствами; а потом оно будет развиваться само по себе, вырастая и накапливая

производительные силы и средства”. Когда я дочитал до ожидания помощи от Человека из Англии, рассмеялся...

“Что касается меня лично, – продолжает моя почтенная корреспондентка, – то я глубоко верю в жизненность идеи нашего инициатора и так много от нее жду... Ведь тогда могло бы случиться то, что вся наша обширная Русь зажила бы новой жизнью, а по лицу земли русской кооперации вырастали бы как грибы. Тогда песенка капитализма была бы спета; Давид победил бы Голиафа его же оружием; дайте только сначала в руки Давида *праиц* да не препятствуйте сражаться под знаменем лозунга *во имя Бога и человека за мирный труд и прогресс!*”. В *postscriptum* прибавляется, что новую идею разделяет другой мой сочувственник и корреспондент, фотограф, забракованный в солдаты за глухоту на одно ухо. “Теперь он всем своим существом отдался новой идее и готов жизнь положить за нее”, хотя он “был толстовцем с головы до пяток”.

Прочел я это письмо, и невесело мне стало на душе. Хотя и незнакомые, но расположенные мне люди, люди, вероятно, очень хорошие, пылкие энтузиасты, требуют у меня сочувствия. Их осенила “идея”, показалась им великой, и я должен дать громкое выражение. Но, друзья мои, простите меня, я такой идее не сочувствую. Не могу, сколько бы ни убеждал себя, понять ее величия. Мне эта идея кажется ошибочной и пустой. Если я понимаю

верно, суть этой идеи в том, чтобы убедить какого-нибудь капиталиста подарить кружку пролетариев некоторый капитал, на который будет куплена земля и устроена трудовая община, цель которой – борьба с капитализмом и поражение его. Сомневаюсь, чтобы нашлись такие наивные “капиталисты”, которые стали бы организовывать пролетариев в ущерб себе. Мечтать о таких благодетелях просто забавно. И забавна, и возмутительна одна черта почти всех наших “великих идей”, предлагающихся для общественного спасения: все они требуют “денежного пособия”. Иначе как на чужой счет они не могут выдержать даже короткого опыта. На свой счет мы умеем устраивать только нелепо, только отвратительно, – когда же захотим устроиться “разумно” и “честно” – сейчас же требуем субсидии, если не от казны, то от частных благотворителей. Казалось бы, наоборот: если “идея” жизненна и верна, она сама по себе сила огромная и подобно усовершенствованной машине быстро вытесняет все неуклюжие, зачаточные механизмы. Если бы кооперация, о которой пишет дама, была возможна при современных условиях, она давно была бы осуществлена, так как в каждый данный момент осуществляется лишь то, что возможно. На деле мы видим, что предлагаемая дамой кооперация в разных углах России возникала много раз – и без всякого успеха. “Идея” эта вовсе не новая, вспомните энгельгардтовские и так называемые толстовские колонии (говорю “так называемые”, потому что не

думаю, чтобы Л. Н. Толстой им сочувствовал). Всегда все эти попытки возникали искусственно и на чужой счет, и всегда лопались. В настоящее время существуют три известные попытки этого рода: В. В. Еропкина на Кавказе, Н. В. Левитского на Юге и Н. Н. Неплюева в Черниговской губернии. На разные манеры, но все эти деятели осуществляют уже немало лет ту самую идею, которая вдохновила мою северную корреспондентку. Всех этих трех представителей я знаю лично и люблю, как людей интересных и энергичных. Но со всеми тремя, взглядевшись в дело их, я совершенно не согласен и не имею ни малейшей веры в их “идеи”. Дело в том, что во всех трех случаях общинная братская жизнь сама себя не окупает; колония близ Новороссийска требует постоянной помощи от своего основателя, который для добывания средств должен работать где-то на фабрике, т. е. в капиталистическом производстве, которое его община должна бы отрицать. Артели Левитского — они и основаны на пожертвования, и ими же да субсидиями земства держатся. “Трудовое братство” г-на Неплюева, как видно из отчетов, тоже себя не окупает и требует присутствия неоскудевающей руки. Во всех трех случаях, очевидно, опыт держится только личной энергией названных лиц: с их смертью, как я глубоко убежден, дело их рухнет, как исчезло замечательное движение, вызванное А. Н. Энгельгардтом, автором “Писем из деревни”. Я, конечно, безусловно, сочувствую трудовой жизни в деревне и братской взаимопомощи, но столь же

решительно убежден, что искусственно, на чужой счет ничего нельзя устроить. Я верю в полную осуществимость даже Царства Божиего, но на свой счет и своими усилиями тех, кто войдет в него. Мне кажется, прежде чем не явятся элементы, вполне пригодные для хороших коопераций, прежде чем не явятся честные трудолюбивые люди, – сколько-нибудь прочные трудовые общины невозможны. Это лучше всех понял Н. Н. Неплюев, воспитывающий членов своего братства посредством особой сети приютов и школ. Но и у него – так как воспитание идет “на чужой счет” – грех искусственности сказывается во многом, особенно в непрочности общинной жизни. Около четверти приготовленных к новой жизни братчиков, несмотря на соблазн наследовать огромное состояние, все-таки ушли из братства. Еще хрупче артели г-на Левитского, а колония г-на Еропкина представляет сплошное крушение; тут столько раздоров и разрушенных надежд, что и не счесть. А о более мелких «колониях» я и не говорю; по всем рассказам, они распадаются; не слышал ни об одной общине, которая процветала бы. А люди во главе их становились незаурядные. Н. Н. Неплюев, В. В. Еропкин, Н. В. Левитский не только идеалисты, но и хорошие практики и далеко не пролетарии. У всех у них есть связи, образование, умение вести пропаганду своих убеждений и печатно, и устно, и, наконец, люди они пожилые, т. е. с жизненным опытом, который стоит хорошей школы. И все-таки дело у них идет неважно. Приходится

не только материально нести убытки, приходится в самой идее допускать тяжелые компромиссы, которые обесмысливают иногда все дело. Новороссийские, например, колонисты выделывают, между прочим, вино на продажу; христианское трудовое братство г-на Неплюева держит два винокуренных завода. Общины, стремящиеся осуществить нравственный идеал жизни, эксплуатируют окружающее население, торгуют всяким товаром без разбора и вступают во всякие союзы, хотя бы с сомнительным назначением. Начатые с целями возвышенными и чистыми, общины очень быстро или распадаются, или принимают вид уже существующих коопераций, основанных только на выгоде. Чем объяснить этот грустный факт? Ошибкою ли в самом принципе братской жизни? Конечно, нет. Идея земледельческих и вообще трудовых общин прекрасна; хоть и не часто, но встречаются случаи вполне удавшихся колоний – стоит назвать меннонитов или закавказских духоборов. У них при невероятно плохих внешних условиях, в изгнании, на почве бесплодной и суровой, очень быстро земля превращается в Ханаан и все жители ее богатеют. Они не требуют ни горячих статей в печати, ни общественной благотворительности, ни субсидий от земства, ни “помощи человечества из Англии”, ни винокуренных заводов. Они сами себя окупают и дают большие избытки (которые, кстати сказать, часто и губят их дело – внося нравственный разлад). У них и природа, и скот, и сами люди приобретают вид пышный, роскошный, а главное,

в общине держится высокий дух действительного, не теоретического, не книжного, а живого братства, которое и творит это чудо счастливой жизни. Да, но это не достигается так просто, как кажется иным мечтателям. Это и в самом деле почти чудо, т. е. явление, требующее силы почти не здешней, и силы нравственной. В удавшихся кооперациях все держится на нравственном принципе, на одушевлении веры горячеей, на неудержимом стремлении к жизни новой, свежей, безукоризненной, Люди такого закала, когда сходятся вместе, непременно образуют прекрасную группу; без всякого плана, “устава”, статей и дебатов. Хорошие элементы входят только в хорошие же сочетания: как их не разместить, все выйдет красиво, сильно и жизненно. Зачем тут “лозунги” и “знамена”? Хорошие люди, если бы и хотели, то не могут сорганизоваться плохо. Наоборот, люди, нравственно не подготовленные, в самое идеальное сочетание внесут нечто такое, от чего оно рассыплется. Нынче много говорят об “организации добра”, но я сколько ни видел подобных организаций, вынес убеждение, что добро нельзя организовать искусственно. Добро само по себе есть сила организующая, которая, раз она есть налицо, непременно сама сорганизуется; она сложится так, как и представить трудно. *Дух дышит, где хочет*⁴⁵, и можно ли ему начертать программу? Поэтому, когда я вижу истинно хорошего человека, мне за него не страшно; он непременно выйдет из

⁴⁵ Ин. 3, 8.

дурных общественных союзов и войдет в хорошие, он кооперируется с подобными ему людьми естественно и просто, не имея даже представления о лозунгах и девизах. Если же человек “так себе”, со слабостями и без трудовых привычек, то я уверен, что он ни в одной общине не будет нужным. Особенно плохо верю я в наши “интеллигентные” начинания. Если вступают в трудовую кооперацию крестьяне — это вещь естественная и осуществимая; крестьяне с младенчества готовятся к общинной и трудовой жизни. Сотни тысяч общин живут искони веков, сложившись без печатной пропаганды и без “помощи человечества из Англии”, они живут потому, что это так же естественно для них, как деревьям составлять лес или животным — стадо. Но когда трудовую кооперацию затевают интеллигенты, двигавшие всю жизнь не сохою, а пером, я боюсь, что из их порыва ничего не выйдет. Редкие (редчайшие) исключения возможны, но правило, мне кажется, убийственное для нас. Мы очень уж испорчены, расслаблены, засорены, заржавлены — где нам составить правильный механизм? Нас, как отдельные части заржавленных часов, прежде чем сблизить в кооперацию, нужно тщательно чистить и шлифовать, а многие и совсем безнадежны. При нынешнем нравственном состоянии общества я не вижу шансов на процветание трудовых братств. Даже народные братства, сельские общины рушатся вследствие порчи нравов. Как ни симпатичны добрые намерения моих корреспондентов, но я не

могу верить в их столь легкую осуществимость. Искусственно же поддерживать, привлекать внешние “средства” к явлению, не имеющему внутренней силы жить, мне противно. И без того мы насквозь проедены паразитизмом: плодить новых паразитов едва ли нужно»⁴⁶.

В своей следующей публикации от общих измышлений М. О. Меньшиков перешел непосредственно к нападкам на Н. Н. Неплюева:

«Я уже имел случай высказать мое общее отношение к учреждениям г-на Неплюева. Мне тяжело писать против этого почтенного деятеля, с которым меня связывают хорошие личные отношения, но боюсь, как бы мое молчание не было сочтено за знак согласия с ним. Своим участием в журнале, где печатается г-н Неплюев, я мог дать повод считать себя его единомышленником, что совершенно неверно. Самый принцип деятельности г-на Неплюева я считаю большой ошибкой, которая будет признана когда-нибудь – если не им самим, то публикой. Когда несколько лет тому назад я впервые прочитал брошюру г-на Неплюева о трудовом братстве в Черниговской губернии, то пришел в восторг и собрался писать о братстве, но, к счастью, что-то мне помешало. Затем года три тому назад г-н Неплюев посетил меня и подарил свои сочинения. Из многочисленных бесед с ним я вынес уже некоторое разочарование, из сочинений его – еще большее,

⁴⁶ Меньшиков М. Отклики // Неделя. 1899. № 19.

стихотворения же его учеников, изданные в его честь, показались мне нескромными в выражении обожания. Я слушал лекции г-на Неплюева о его братстве (в частных домах) и убеждался из них как раз в противном тому, что он доказывал. Наконец, по просьбе Николая Николаевича, я посетил его черниговское братство и провел в нем, в начале августа прошлого года, неделю. Я присутствовал при приемных экзаменах, выпускном акте, собраниях братства, молитвах, музыкально-литературных утрax, богослужениях в церкви, обедах, молебствиях на дому, беседах, осмотрел внимательно все, что мне показали, обошел все семьи и учреждения братства, бывал с управляющим на полевых работах, осматривал заводы, мастерские, скотные дворы, ездил на хутор, – словом, старался – сколько доступно моим силам – взглядеться и уяснить себе истинный дух деятельности г-на Неплюева. Нечего говорить, что от меня не скрывали ничего, что всего лучше рекомендует братство. И при всем том – как это ни грустно было для меня – я вынес окончательно разочарование, которое не скрыл от моих любезных хозяев. Меня пригласили лично ознакомиться и высказать свое мнение, – я это и сделал, как мог. Г-н Неплюев и его поклонники могут доказывать, что я грубо ошибаюсь, – я против этого спорить не буду. Я только высказываю то убеждение, которое во мне составилось обдуманно и прочно.

Когда-нибудь, если это будет нужно, я изложу подробно мои впечатления, вынесенные из знакомства с неплюевской общиной; цель же этой заметки – дать мое

категорическое мнение о ней. Самого Н. Н. Неплюева я считаю человеком замечательным, в своем роде, религиозным утопистом, исполненным самых благих намерений, — но, к сожалению, не только благих. Мысль его — устроить жизнь на началах христианского братолюбия — прекрасна, но средства для этого взятые, как мне кажется, не безупречны. В черниговском братстве я не встретил тех начал, которые считаю христианскими. Опять же скажу, что, может быть, не г-н Неплюев ошибается, а я; в спор вступать не буду, — но мне хотелось только сказать, что между нашими понятиями о христианстве лежит пропасть. У г-на Неплюева я нашел огромное, многомиллионное имение с цветущей экономикой, литейными, сахарными и даже винокуренными заводами, — что-то около 20 000 десятин земли — среди крайне стесненного землею населения. Это очень бедное и невежественное население обрабатывает и свою землю, и дает возможность существовать неплюевской общине. Сама себя она не вполне прокармливает. Братство со своими школами, приютами и пр. состоит большею частью из крестьянских же детей (по строгому выбору), но перевоспитанных немного на барский лад. Мне очень понравилась сначала тишина, благопристойность, чинность жизни в братстве, чем-то монастырским — но хорошим монастырским повеяло на меня. Но затем я увидел, что эти дети народа уже навсегда оторваны от народа и не возвращаются к нему, увидел, что к родному крестьянину они относятся с интеллигентным

пренебрежением, что их идеалы, вкусы, привычки – не народные, и мне показалось, что я вижу мужицких детей, переделанных на шляхту. Они еще принимают участие в полевых работах, но все стремятся в учителя, управляющие, конторщики, бухгалтеры, приказчики и т. п. Все они порядочно образованы, начитаны; некоторые из них пишут стихи, прекрасно декламируют, играют на скрипке и т. п. Все они связаны материальным соблазном – огромное богатство г-на Неплюева дает им не крестьянскую, вполне обеспеченную обстановку в настоящем и надежды в будущем (г-н Неплюев имел, как известно, намерение оставить свое состояние братству). Живут в общине довольно дружно, что достигается беспощадным выбрасыванием за борт всех, кто только не повинуется порядкам общины беспрекословно. С первого взгляда можно подумать, что законом жизни здесь служит взаимная любовь, но затем вы замечаете внутренние, как бы прикрытые гирляндами хороших слов железные механизмы личной воли г-на Неплюева, замечаете самую суровую, деспотическую дисциплину. Она поддерживается, конечно, не наказаниями, а системой взаимного надзора и страхом изгнания. Тут почти каждый имеет наблюдателя своей души, и всем вменено в обязанность разыскивать сучки в глазу у братьев своих. Поступки друг друга собираются, записываются в нарочно заведенные книги, публично обсуждаются и оберегаются от забвения. Около трети окончивших школу не выносят этого нравственного удушья и, не

смотря на указанные соблазны, по окончании курса не вступают в братство. Между теми, кто остается, я не заметил искренней любви (в большей степени, чем всюду среди товарищей), не заметил искренней радости жизни...

Правда, никогда в жизни я не видел столь бесчисленного, повального целования друг с другом, стольких рукопожатий, речей приветственных и даже слез (на церемониях акта), – но все эти изъятия любви были, как оказалось, заранее обдуманы, определены программой, установлены обычаем. Никогда в жизни я не слушал столько нравоучений и повторения слов “Бог – любовь”, – но того, чтобы сама жизнь здесь была нравоучительна, чтобы она безмолвно обнаруживала этого Бога – я не заметил. Н. Н. Неплюев делает, кажется, все возможное для того, чтобы братство сложилось в христианскую идиллию, но ошибка его в том, что ему хочется сохранить и все то, что эту идиллию отрицает, все так называемые “соблазны мира сего” – богатство, комфорт, почет и мир со всеми. Является необходимость в компромиссах с совестью, и самых широких. Получается фальшь – откровенно скажу – для меня казавшаяся невыносимой. Я бесконечно далек от того, чтобы считать себя истинным христианином, но мое представление об истинном христианстве мне очень дорого, и это представление было возмущено тем, что я видел. Если бы г-н Неплюев признал смиренно, что практика его отрицает христианский идеал, то мы

имели бы в его лице замечательный пример человека, стремящегося к христианству. Но г-н Неплюев утверждает обратное и видит в своей деятельности именно то, чем должно быть христианство, а потому и крайне преувеличивает достоинства своих учреждений. Было хорошее время, когда Н. Н. Неплюев, никому не известный отставной дипломат, засел в деревне, окружил себя мужицкими ребятишками и скромно учил их тому, что сам знал, заботился о них, как о своих детях. Это было дело христианское, прекрасное. Но прошли года, отошло смирение, явилось желание показать всем свое доброе дело, явилась необходимость придать ему грандиозную видимость – и наступил период, как мне кажется, упадка. Дни черниговского братства, по-видимому, сочтены. Живое начало в нем замирает, – для меня, по крайней мере, это несомненно. Община могла бы существовать очень долго, если бы ее оживляла какая-нибудь великая идея – религиозная или нравственная. В черниговском братстве я такой идеи не заметил, хотя “на бумаге” она и числится. Повторяю – мне очень не хочется обидеть кого-нибудь этой заметкой. Она вынуждена: Н. Н. Неплюев естественно стремится сделать свое личное дело – общественным. От меня требуют моего мнения об этом деле – и я его высказываю»⁴⁷.

Н. Н. Неплюев стал живым примером того, как отдельные мнения, основанные большей частью на личных впечатле-

⁴⁷ Меньшиков М. Отклики // Неделя. 1899. № 49.

ниях и собственных идеологических установках, возводятся в принципы, за которыми следует либо восхваление, либо порицание. Мало кто пытался понять возникшее явление, потрудился изучить его основательно. И это при условии, что существенные особенности учреждений Неплюева, проявлявшие себя уже в период становления, заставляли придавать им несравненно большее значение и большего от них ожидать.

Оппоненты Н. Н. Неплюева не давали ему, как это чаще всего и бывает, главного – времени, а ведь только оно могло обнаружить, насколько практичны учреждения Крестовоздвиженского трудового братства. Но какой бы ни оказалась их жизнеспособность или, наоборот, утопичность ввиду чрезвычайно высоких требований, предъявляемых к ним их создателем, – и педагогическая система, и православная трудовая община навсегда остались бы интереснейшей попыткой в истории стремлений человечества к облагораживанию своего социального строя и замечательным усилием частного лица в культурном возрождении своего народа. На этом пути непременно должны предполагаться немалые ошибки, но не они составляют главное; важность не в ошибках, а в том положительном и хорошем, что прибавляет новаторская деятельность к уже достигнутому и найденному ранее.

Те, кто не ценили в подвижнической деятельности Н. Н. Неплюева положительного и хорошего, отказали ему в возможности развития, поступили неблагодарно и неблаго-

разумно, продолжили *сетовать* на отсутствие социальной инициативы у частных лиц, *обвинять* представителей имущего класса в том, что они тратят свои средства на удовлетворение лишь своей прихоти, *возмущаться* тому общественному состоянию, при котором гибнут в зародыше многие добрые начинания и торжествует злая рутина.

«У нас, — писал Неплюев, — не признают еще за собой обязанности понимать, любить и оберегать человеческое достоинство, а считают своим неотъемлемым правом заподозривать, злословить и всячески оскорблять и вредить»⁴⁸. И потому он заявил своим противникам лаконично, категорически и буквально по пунктам:

1. Дело трудового братства есть дело веры, мира и любви, дело воспитания детей на принципах добровольной и сознательной дисциплины любви и организации всех видов труда на началах братолюбия;

2. Пусть нас обвиняют в жестокости, отсутствии христианской любви и узости наших педагогических принципов, но тех, кто захочет *храм братства и храмы школ наших обратить в вертепы разбойников*, непременно будем исключать и из братства, и из школ. Все это по той причине, по которой нельзя допускать в церкви человека, выступающего с акробатическим представлением, как нельзя оставить в хоре человека, который бы вздумал проявлять свою свободную индивидуальность пением камаринской во

⁴⁸ Неплюев Н. В защиту братства // Неделя. 1899. № 51.

время херувимской;

3. Наличие винокуренного завода не считаем себе за грех, бессистемной благотворительности не сочувствуем, покупать общественное мнение показным комфортом казарм для наемных рабочих не собираемся;

4. К церкви и государству относимся с искреннею любовью, не видя в этом для себя никакого компромисса;

5. Никогда и ни при каких обстоятельствах вновь принимаемые члены трудового братства от родителей не отрекались;

6. Никогда не было обычая целования мне руки ни после молитвы, ни когда бы то ни было;

7. Приемы в кружки и братство совершаются исключительно священником церкви, следовательно, ни о каких мистериях вне церкви не может идти даже речи;

8. Мы, верные сыны православной церкви, ни в чем от нее не отделяемся, и лишь желаем, чтобы буква не преобладала над животворящим духом, а наше братство не обратилось в фарисейское учреждение;

9. Никогда я в ризы не облачался и никаких богослужений не совершал, а, по благословению епископа⁴⁹, с церковной кафедры обращался с поучениями, облакаясь в стихарь, и то до тех пор,

⁴⁹ Облекаться в стихарь и произносить поучения с церковной кафедры благословил Н. Н. Неплюева соответствующею грамотою преосвященный Сергей, епископ Черниговский и Нежинский.

пока в нашем храме Воздвижения Креста Господня не появился настоятель;

10. Нет ни малейших оснований обвинять членов братства в неискренности и корыстных побуждениях, как и говорить о его разложении. Трудовое братство постепенно возрастает как в численном отношении, так и нравственном⁵⁰.

⁵⁰ Неплюев Н. Н. В защиту братства.

Глава IV. Братьям-мирянам

Н. Н. Неплюев приходил в уныние при любой попытке кого бы то ни было проводить аналогии между Крестовоздвиженским трудовым братством и иными братскими объединениями людей в России, но особенно за границей. Чаще всего ему приписывали попытку внедрить в Российской империи опыт Силезии по образу и подобию братства графа Люттихау. Для прекращения подобных инсинуаций Неплюев обращается в редакцию Черниговских губернских ведомостей с открытым письмом, в котором пытается расставить акценты. В частности, он свидетельствует, что графа Люттихау уважает, дружбу с ним почитает себе за честь, но «заимствовать от него основную мысль и, тем более, учреждать трудовое братство по образцу того, что видел у него, не мог уже по тому одному, что познакомился с ним, когда все дело братства трудового было уже закончено, и что никакого трудового братства, по типу нашего братства, ни в Силезии, ни в какой-либо другой стране Европы не существует. Напротив, во время моего пребывания у графа он созвал представителей многих, основанных им религиозных союзов и просил меня рассказать им о нашем трудовом братстве, желая дать им возможность учредить подобное братство, существование которого он признает весьма желательным для церкви и

христианского государства»⁵¹.

Больно и обидно было истинному православному христианину Н. Н. Неплюеву выслушивать в свой адрес суждения о вредных иностранных и иноверных влияниях, оказываемых на него в ущерб *верности православию и доброму русскому христианскому патриотизму*. Основаниями для обвинения Неплюева в якобы его исключительных симпатиях к протестантскому католическому миру послужили сочувственные статьи о Крестовоздвиженском трудовом братстве английской писательницы Кру (Crewe) в журнале «Армия церкви», издаваемом представителем англиканского духовенства Карлейлем (Carlyle), католического аббата Можиса (Maugis) в бюллетене общества Святого Мартина и протестантского пастора Гутера (Houter) в марсельском журнале «Внутренняя миссия».

Н. Н. Неплюев со всей свойственной ему деликатностью объяснял, что часто ездит за границу и приобрел там много друзей, считает долгом своей христианской совести поддерживать дружеское общение с добрыми христианами всех народов и всех исповеданий. Он искренне радуется тому, что своей просветительской деятельностью приобрел для России и Русской православной церкви много новых друзей. Неплюев неоднократно был свидетелем тому, как сам факт его деятельности и учрежденного им трудового братства совершен-

⁵¹ Неплюев Н. Н. Письмо в редакцию // Черниговские губернские ведомости. 1897. 4 февраля.

но менял взгляды некогда убежденных врагов России и Русской православной церкви на диаметрально противоположные.

В очередной раз Неплюева обвинили в том, что он, дескать, ослепленный гордыней, в своих мыслях и чувствах вынашивает идею стать *исправителем церкви*. Что и как было отвечать на эти подозрения человеку, во всех своих сочинениях, во всех своих делах и поступках, наконец, во всех своих помыслах исходящему из святости и непорочности Церкви Христовой?!.. Он запирался у себя в кабинете и писал очередные открытые письма, воззвания, обращения к братьям-мирянам вернуться в лоно Церкви Христовой с тем, чтобы неукоснительно следовать заповедям ее главы – Спасителя мира, и тут же получал обвинения то во враждебности к монастырям, то в *самодовлеющем аскетизме* организованной им жизни.

Умудренный тяжелым опытом и просто доведенный до отчаяния Неплюев начинает оправдываться в том, что он не враг монастырей, что с глубоким уважением относится ко многим представителям иночества, что он никогда не соглашался с теми, кто осуждал монашество за некоторые из *немощей* и требовал его упразднения. Неплюева глубоко возмущало, когда люди, не сочувствующие насилию вообще, с крайнею непоследовательностью выражали сочувствие насилию в конкретной форме. Для них у него наготове были слова апостола: «Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для

чего моей свободе быть судимой чужою совестью?»⁵². Тот или иной инок сам по себе может быть далек от желаемого идеала, но сами монастыри пронесли сквозь тьму веков идею трудового братства, за их стенами преодолевается человеческая корысть и стяжательство, признается духовное родство выше родства телесного. Что же касательно якобы *насаждаемого* в Крестовоздвиженском трудовом братстве *аскетизма*, то он отнюдь не *самодовлеющ*, т. к. не является самоцелью, а выступает лишь средством достижения *свободы духа и торжества любви*.

Помимо злых и подчас надуманных публикаций Н. Н. Неплюева стали сопровождать ложные, но упорно распространяемые слухи. Одни говорили, будто Неплюев, изгнав приходского священника, сам ведет церковные службы, другие – будто члены братства вообще отказались от ношения крестов и стали безбожниками... Николай Николаевич пытался в борьбе за общественное мнение рассеивать всякого рода слухи и домыслы, горячо желая, чтобы осуществляемое им *дело мира и любви* поставлено было в нормальные условия, как для *блага* братства, так и для *достоинства* церкви поместной. Стремясь, чтобы братство, как дело общецерковное, находилось в положении *любимого и законного детища*, Неплюев умолял рядовых служителей церкви стать миротворцами и выступить защитниками правды. С этой целью он даже обратился с письмом к редактору Черниговских

⁵² 1 Кор. 10, 29.

епархиальных ведомостей:

«...При воздвиженской сельскохозяйственной школе я на свои средства выстроил и содержу православный храм во имя Воздвижения Креста Господня. При этом православном храме учредил православное трудовое братство. Братство это с доверием поставил под покровительство православного епархиального епископа. В храме нашем совершаются каждое воскресенье и во все важнейшие праздничные дни православные богослужения. О благолепии православного богослужения в нашем храме заботимся по мере сил, украшая служение внятным чтением и стройным пением соединенного хора обеих сельскохозяйственных школ (мужской и женской) и трудового братства. Священником при нашем храме, законоучителем обеих школ и духовником всех членов братства состоит кандидат богословия Московской духовной академии.

22 июля 1895 года на церковном торжестве открытия трудового братства, во время соборного служения, на нас православным священником были надеты братские кресты, которые мы и носим по праздничным дням, дорожа ими, как вещественным изображением принятого нами на себя креста невещественного – стройной организации жизни и труда на началах завещанного Главою Церкви, Христом Спасителем, братолюбия; дорожим и как вещественным знаком признания дела нашего и благословения его церковью поместною.

Казалось бы, всего этого с избытком достаточно для того, чтобы не могло возникать никаких сомнений в верности нашей церкви и признании ее авторитета.

К сожалению, слишком многие в недоброжелательстве своем доходят до изобретения и распространения самых нелепых слухов, и слухи эти, несмотря на очевидную их нелепость, слишком многими принимаются с доверием...

В защиту трудового братства я вынужден был сказать многое, что может стать источником новых нареканий на меня и братство. Не гордость говорит во мне, так как я глубоко убежден, что мы ничего не можем сами по себе, но что все может Бог живой сделать через нас, *во всякой немощи проявить силу свою*⁵³, когда добрая воля позволяет Ему действовать через нас, не насилуя свободы воли своих созданий. Дело трудового братства не наше изобретение и не наше исключительное дело. Трудовыми братствами были и христианские братские общины времен апостольских, и общежительные монастыри. Это дело общецерковное, которое Господь *благоволит творить в немощи нашей* только потому, что мы имели добрую волю отдавать жизнь и силы наши на это дело, имеем и веру в правду, и осуществимость завета братолюбия, веру, сдвинувшую уже многие горы на нашем пути.

Мы сами — люди слабые, немощные, только

⁵³ Ср.: Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова (2 Кор. 12, 9).

постепенно воспитывающиеся на деле, которое делаем, от веры в веру, от любви в любовь. Чего мы желаем, это того, чтобы нам прощали немощи наши, как Господь нам их прощает, благоволя творить силу в немощи нашей, желаем, чтобы к нам относились с доброжелательным доверием и не отказывали нам в братской любви, несмотря на немощи наши, ради любви к общецерковному делу братства трудового, которому мы служим по силе разума и по требованиям христианской совести нашей»⁵⁴.

Но болезненнее всего для Н. Н. Неплюева был толстовский контекст рассмотрения его идей. Именно здесь он усматривал отказ российского общества в признании искренности его убеждений, *чистоте* замысла, новизне действий. Отдавая должное вкладу Л. Н. Толстого в дело пробуждения в русской интеллигенции религиозного интереса, Н. Н. Неплюев был далек от его взглядов, т. к. неизменно был, что называется, лично верен *классическому* православию, восходящему к Святым Отцам, и доброму христианскому патриотизму, всегда оставался верным сыном русской православной традиции и Русской православной церкви. Так что, любое соединение мысли и дела Толстого и Неплюева воедино не только не соответствовало истине, но и порождало определенного рода недоразумения.

Были ли личные контакты между Неплюевым и Толстым,

⁵⁴ Неплюев Н. Н. Письмо редактору // Черниговские епархиальные ведомости. 1897. 4 февраля.

когда и при каких обстоятельствах виделись эти два человека, каков был характер их переписки – сказать сегодня трудно, а точнее, вообще не представляется возможным. Со слов Н. Н. Неплюева можно судить о том, что специально Л. Н. Толстого он не посещал и в Ясную Поляну к нему никогда не ездил. Документально подтвержден лишь факт, что 12 ноября 1893 года из Воздвиженска Неплюев направляет графу Толстому письмо, в котором излагает свои религиозные взгляды. 10 декабря 1893 года из Москвы последовал ответ Толстого:

«Многоуважаемый Николай Николаевич, я очень рад был вашему письму и тому доброму расположению, которое вы в нем выражаете мне. Поверьте, что хотя я только один раз видел вас, я знаю про вас столько хорошего, что это чувство совершенно взаимно! Но старому лгать, что богатому красть. Я очень люблю эту пословицу, она так ясно выражает часто испытываемое мною в старости чувство. Жить остается недолго, как же скрыть то, что перед Богом считаешь правдой, такой правдой, которой живешь и с которой предстанешь на суд тому, кто послал нас сюда. Я бы не стал вам говорить того, что считаю правдой, если бы, за что я вам очень благодарен, вы не сочли нужным высказать мне то, в чем вы не согласны со мной. Но раз вы сказали это, с моей стороны была бы ложь промолчать.

Я думаю, что ученье Христа есть прежде всего ученье истины, как он сам сказал это, и что поэтому все, что отделяет нас от истины, усложняет, путает

понимание ее, все это мешает нам соединиться с Христом, с Богом, а потому и друг с другом. В вашем же исповедании есть много лишнего, мешающего вам самим, такого, что вы с трудом можете облечь в понятную, удобовоспринимаемую форму. А это опасно. Я знаю и перестрадал ту страшную дилемму, которая становится перед каждым человеком, проснувшимся к религиозному чувству и начинающим устанавливать свое отношение к Богу: отделиться от людей, но не принять ничего лишнего, или остаться с людьми, загромоздить свое понимание Бога сложными, ненужными, застилающими Бога верованиями, стараясь придать им искусственный смысл. Выбор второго выхода опасен. В деле веры нельзя удовлетвориться *à peu près*⁵⁵. Истина всегда ясна и проста. И я избрал первый выход; сначала остался один, но, как я верю, с Богом; но потом оказалось, что я не только не один, но со всеми теми людьми и прошедшего и настоящего, с которыми более всего желал единения. Боюсь же за вас того, что вы, желая остаться с людьми и для них сделав уступки, почувствуете себя одиноким, потому что сближение, единение людей только в одной любви, в одном Боге; ни в Христе, ни в Магомете, ни в Будде, а в Боге.

Пожалуйста, кротно и сердечно отнеситесь к моим словам, главное не забывая того, что я не себя защищаю, не на вас нападаю, не имею никакого при этом личного чувства, а одну мысль, что, войдя в общение, и

⁵⁵ Приблизительно.

любовное общение с искренним человеком, как вы, я поступил бы дурно, если бы не сказал того, что думаю и чувствую.

Если вам покажется несправедливым все, что я сказал, простите меня, если же что-нибудь из этого пригодится вам, буду очень рад. Поклонитесь от меня милым технологам⁵⁶, которых я искренне полюбил.

Делу вашему я сочувствую всей душой и желаю ему продолжения успеха»⁵⁷.

Сохранились еще два свидетельства обращения Л. Н. Толстого к Н. Н. Неплюеву. В письме к Л. Ф. Анненковой (19 августа 1895 года, Ясная Поляна) Толстой пишет:

«...Рассказывал мне Сергей Терентьевич, что у вас был разговор о Неплюеве и пользе, которую приносят его приюты и тому подобное, и что вы или еще кто-то говорит, что он бы больше принес пользы, если бы не делал уступок для успеха своего дела, а показывал бы пример твердости. Я и с этим не согласен. Вопрос о пользе должен быть совсем оставлен христианином. Никто не может знать, какую и чем и кому он может принести пользу. Польза вся вне нашей власти; но знать, что мы должны делать для исполнения воли отца, это мы знаем и это должны делать. Я пишу это, потому что часто про это думал и говорил в последнее время и

⁵⁶ Студенты-технологи: Иван Степанович Проханов, впоследствии глава и руководитель петербургской общины евангельских христиан, и его товарищи.

⁵⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 66. С. 446–447.

считаю это очень важным...»⁵⁸.

В конце июня 1909 года Л. Н. Толстой получил письмо от крестьянина Федора Андреевича Абрамова – организатора симбирской «Общины свободных христиан». В нем, в частности, говорится:

«В будущую весну мы намерены открыть земледельческую школу, как у Неплюева в трудовом Крестовоздвиженском братстве, для этого мы хотим войти с ним в близкое общение. Вам, конечно, известна Неплюевская школа, будьте так добры, не знаете ли вы за ней каких-либо недостатков»⁵⁹.

⁵⁸ Там же. Т. 68–69. С. 141.

⁵⁹ Там же. Т. 38. С. 529.

Глава V. Понимание и поддержка

От душевных травм, связанных с наветами и непониманием, Н. Н. Неплюева спасало, как всегда, Евангелие, нравственно и экономически прирастающее Крестовоздвиженское трудовое братство, верные сторонники и единомышленники. Духовно наставлял и молитвенно поддерживал Николая Николаевича в трудные минуты преосвященный Макарий, епископ Калужский и Боровский. Всем был памятен его приезд в Воздвиженск 10 мая 1900 года и то, с какой любовью и простотой он общался и с членами братства, и с воспитанниками школ. Уезжая, владыка выразил желание стать членом православного Крестовоздвиженского трудового братства (преосвященного Макария избрали первым почетным членом братства 7 января 1901 года) и вскоре прислал Н. Н. Неплюеву свое стихотворение-посвящение:

Я был в гостях в семье духовной.
Прекрасная настала ночь,
В природе было все спокойно,
И время шло уж за полночь.

Сияли в небе звезды ясно,
И аромат несли цветы,
Гремели хоры сладкогласны,
И громко пели соловьи.

И две картины лучезарных
Тогда предстали предо мной:
Детей собрание благонравных,
И мир с небесною красой.

И братством та семья зовется,
Сияет крест над ней честной,
Она путем любви ведется
И крепнет верою святой.

Когда б таких семей духовных
Побольше стало б на земле,
Во градах и селеньях скромных
Престал бы мир лежать во зле⁶⁰.

Понимание и поддержку Н. Н. Неплюев находил и у членов императорской фамилии. 5 марта 1900 года, после приема у принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, он имел счастье удостоиться продолжительной аудиенции у ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны, оставившей о себе неизгладимое впечатление «вдумчивым отношением к обстоятельствам русской жизни и любовью к русскому народу»⁶¹.

И. И. Барановский, друг Н. Н. Неплюева и убежденный

⁶⁰ Отчет блюстителя православного Крестовоздвиженского трудового братства от 14 сентября 1899 года по 11 сентября 1901 года. Глухов, 1901.

⁶¹ Там же.

сторонник его дела, обратился к отцу Иоанну Кронштадтскому с просьбой вступить за православное Крестовоздвиженское трудовое братство и написать статью в его защиту. По убеждению Неплюева, этот поступок Барановского ставил в неловкое положение и отца Иоанна и братство. С одной стороны, усматривалось злоупотребление добротой уважаемого пастыря, которого просят о защите дела, ему лично совсем незнакомаго. С другой стороны, само братство становилось в странную позицию, точно хотело спрятаться от нападков на него под защиту авторитетного, всеми уважаемого человека. Эти размышления заставили Николая Николаевича послать отцу Иоанну телеграмму с просьбой принять его для личных объяснений.

К большой радости Неплюева, такая встреча состоялась.

«С полковником Семенским, — вспоминал Н. Н. Неплюев, — у которого в доме я переночевал, мы пошли к ранней обедне в Андреевский собор. Меня провели в алтарь, где я и присутствовал на служении отца Иоанна. Извещенный обо мне отцом Андреем Шильдским, отец Иоанн во время чтения *часов* подозвал меня к себе и, благословив, сказал: “Пойдем к жертвеннику, там помолимся”. Пройдя к жертвеннику, отец Иоанн спросил: “О чем особенно помолиться?”. Я ответил: “Прошу помолиться о том, чтобы через меня воля Божия совершалась. Мне предстоит завершить устройство братства трудового, основанного мною в моем имении. Искренне желаю, чтобы все совершалось

по воле Божией. Боюсь, чтобы, заботясь о будущих судьбах братства, мне не ошибаться, принимая личные желания за волю Божию”. “Вот это хорошо и, думаю, чувственно”, – сказал отец Иоанн, обнимая меня. Потом мы оба стали на колени и молились. Когда мы встали с молитвы, подошел полковник Семенский и сказал: “Прошу Вас, батюшка, после обедни пожаловать к нам, Николай Николаевич хотел бы с вами поговорить наедине”. “Приеду, друже, приеду непременно”, – ответил отец Иоанн, обращаясь ко мне и положив руку на мое плечо.

После обедни отец Иоанн действительно приехал. Нас оставили наедине. Я сказал, что мне обидно думать, что его уважаемое имя будет причастно к полемике по поводу таких статей, на которые и сам я отвечать не хочу, что для меня гораздо дороже будут его святые молитвы о братстве и обо мне. Кратко рассказав ему о затруднениях внутренних и внешних, я просил его помолиться особенно о том, чтобы Господь дал остатку *верных* в братстве и мне терпение, великодушие, кротость, смирение и любовь, в которых мы так сильно нуждаемся в настоящее время. Все это отец Иоанн выслушал с любовью, обнял меня и потом довольно долго говорил, утешая, ободряя и лаская меня. Не все, сказанное отцом Иоанном и что память хранит в сердце моем, я считаю себя вправе предавать гласности. Между прочим он сказал: “Пошел за Христом, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидели за имя Его. Радуйся тому. Это доказательство, что ты служишь

делу Божию, а не делаешь дело человеческое. Терпи. Даст Бог, смягчатся сердца гонящих тебя, и тебе даст Господь и терпение, и великодушие, и кротость, и смирение, и любовь”.

После того отец Иоанн отслужил молебен с водосвятием, а затем мы удостоились с ним позавтракать. Подав мне рюмку вина, он сказал: “Выпей чару, друже”. С негодованием он говорил о тех, кто “дерзает сеять зло и возбуждать против добра”. Уходя, он сказал: “Да даст тебе Господь успех во всех добрых начинаниях твоих”. Когда я провожал его, уже отъезжающего на лестнице, где по обыкновению многие стремились подойти к нему и получить от него благословение, он, обернувшись, сказал: “Рад, что с тобою познакомился, я нашел в тебе истинно русского дворянина, занимающегося истинно дворянским делом”»⁶².

⁶² Там же.

Глава VI. Мировое возрождение

В смутные для России времена начала XX века Н. Н. Неплюева все больше захватывает идея осуществления *все-российского братства*, объединяющего людей доброй воли для мирного возрождения страны в духе живой православной веры и любви. Работает он и над созданием партии *мирного прогресса*.

«Отечество наше, – пишет Неплюев, – переживает трудное время. Нет достаточного единения между главными участниками жизни государства: народом, интеллигенцией, высшими классами общества, властями и иерархией церкви православной. Более того – нет сознательного стремления к сознательному единению, не может быть и дисциплины любви, без которой государство обречено на внутренний вооруженный мир, не менее разорительный и опасный, чем вооруженный мир международный. Разлад пустил глубокие корни, мировоззрения, идеалы, этика, программа жизни разные...

Никакие репрессивные меры, никакая борьба, как бы искусно она ведена ни была, помочь горю не могут. Можно заставить молчать, можно временно подавить всякое внешнее проявление недовольства и протеста, но к духовной гармонии, к взаимному добровольному согласию, доверчивой

любви, единомыслию и единодушию это не приведет, а без этой духовной гармонии не может быть и дружной совместной деятельности на пользу общую, не может быть спокойного и мирного развития государственного организма, не может быть благоденствия союза мира и любви. Необходимо убедить умы, привлечь сердца, пробудить сознательное стремление к единению.

Без этого все язвы нашего общественного организма: разлад умов, ожесточение сердец, стремление к наживе, безумная роскошь и удручающая бедность, презрение к тяжелому производительному труду, грубая борьба за легкий, выгодный и почетный труд, голодовки, волнения молодежи, стачки рабочих, массовые отпадения от православия одних и призрачная принадлежность к нему по букве других, все это станет явлением заурядным, недугом хроническим»⁶³.

Среди отличительных особенностей положения России конца XIX – начала XX вв., чреватых комплексом социальных противоречий, обострение которых в любой момент могло вызвать революционные события, Н. Н. Неплюев выделял следующие:

1. *Россия – государство православное и самодержавное*, но многие явления ее внутренней жизни находятся в полном противоречии с этим принципом.

2. Строй семейной, общественной, трудовой, а также личной жизни российских граждан недостаточно согласован с

⁶³ Неплюев Н. Н. В единении сила // Всероссийское братство. СПб., 1907.

верой.

3. В народе нет достаточного *церковного самосознания*, что выражается в крайней мировоззренческой неустойчивости людей. Слишком многие православные люди не достаточно понимают, в кого веруют, веруют более формально, нежели сознательно, не понимают нравственной ответственности мирян перед церковью, считая церковью одно лишь духовенство и делая его за все ответственным.

4. Нет в народе и достаточного *государственного самосознания*. Большинство российских подданных не сознает громадного и благотворного значения *Божией милостью* самодержавия, отчего во всех слоях общества происходит *шатание умов и сердец*, как в отношении управления страной, так и в созидании жизни.

5. Сознательное и бессознательное, явное и тайное *отступничество интеллигенции от истинного православия*. Слишком многие представители интеллигенции оказались неспособными устоять против атеизма, индивидуализма и прочих антиправославных основ западно-европейской культуры.

6. Сознательное и бессознательное, тайное и явное преклонение отдельных слоев российского общества перед конституционными, ультрадемократическими, республиканскими и даже анархическими западно-европейскими теориями: слишком много врагов принципа самодержавной власти среди русской интеллигенции; слишком много бессо-

знательных анархистов среди народа.

7. Современная печать и русская литература, за малым исключением, проникнуты *слепым доверием* к западно-европейским ценностям и более или менее бессознательно *отравляют этим ядом* умы и сердца наших соотечественников.

8. Так называемая консервативная печать показывает обществу, не имея никакой определенной программы мирного прогресса, свою *неразборчивость и крайнюю беспринципность*. В своем отрицании необходимости какого-либо стремления к лучшему будущему она лишь компрометирует самые святыя и очевидные истины.

9. В российском обществе *слишком мало единомыслия и единоподушия, слишком мало гармонии и возможности единства действий* между разными его составляющими. Нет достаточной гармонии между верой, разумом и жизнью. Нет достаточной гармонии между иерархами Русской православной церкви, гражданскими властями, просвещенными слоями российского общества и массою русского народа.

10. Идеи православия и принципы самодержавной власти не в достаточной степени осуществляются в русской жизни, правда их не в достаточной степени ясна для умов, дорога для сердец граждан, составляющих русский народ.

11. Мало-помалу умы и сердца русских людей, *порабощаемые западно-европейским демонизмом*, теряют свою русскую православную самобытность; государство же россий-

ское, втягиваясь в рутину западно-европейской культуры, *уклоняется от самобытного пути*, назначенного ей Провидением.

12. Если *букве православия и самодержавия* не будет соответствовать дух жизни русского народа, *буква эта станет мертвящею*⁶⁴ и не будет иметь силы оградить Россию ни от *атеистического индивидуализма*, ни от *прогрессивной анархии в жизни*⁶⁵.

Деля анализ социально-политического состояния Российской империи, Н. Н. Неплюев приходит к неутешительному выводу: «В умах и сердцах миллионов людей хаос анархии, едва сдерживаемый внешнею, насильственной дисциплиною страха и корысти. Для того, чтобы от этого состояния вооруженного мира перейти к гармонии доверчивой любви, необходимо ослабить репрессию. Это неизбежно приведет к обнаружению духовной анархии, и власти, под страхом неисчислимых осложнений, будут вынуждены прибегнуть к репрессивным мерам, которые опять приведут к ожесточающей борьбе и все тому же разорительному, опасному и никого не удовлетворяющему вооруженному миру»⁶⁶. Как же разорвать этот порочный круг? Для Неплюева

⁶⁴ Ср.: Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит (2 Кор. 3, 6).

⁶⁵ См.: Неплюев Н. Н. Путь к лучшему будущему // Всероссийское братство. СПб., 1907.

⁶⁶ Неплюев Н. Н. В единении сила.

ответ очевиден: «Вывести правительство из этого крайне затруднительного положения может само общество в лице своих наиболее здоровых и честных элементов. В единении сила. Необходимо, чтобы соединились все люди доброй воли и сознательно приняли на себя роль живой совести и миротворца»⁶⁷. Для умиротворения самых разных слоев российского общества, по мысли Николая Николаевича, необходимо в ускоренном темпе осуществить ряд мер, направленных на восстановление христианской правды жизни. Во-первых, создать в лоне православия, исконно русской религии, нравственно оздоравливающую атмосферу в обществе. Во-вторых, вернуть авторитет Русской православной церкви через пропаганду несравненной высоты и жизненной правды ее идеалов. В-третьих, немедленно приступить к осуществлению в жизни каждого человека идеалов православной церкви, выраженных в подвиге веры, подвиге любви и подвиге труда, оказывая деятельную нравственную и материальную помощь всем родственным частным починам. «Многие мечтают о радости веры и любви, не желая приступать к соответствующим подвигам. Радость есть венец подвига и не дается тем, кто не хочет принять на себя крест подвига. Зато христианский подвиг непременно приведет к радости того мира, которого никто не отнимет у нас, он один может вывести наше отечество и все человечество из всевозможных осложнений

⁶⁷ Там же.

и затруднений»⁶⁸.

Н. Н. Неплюев обращается к гражданам России, к своим соотечественникам и единоверцам:

«В лоне церкви православной во всех слоях русского общества есть много людей доброй воли, искренне скорбящих о нестроениях жизни, искренне желающих стройной организации добра, стройного согласования жизни с живым духом веры. Таких людей может быть больше, чем думают, но они разрознены, затеряны в массе людей равнодушных, себялюбивых и своекорыстных, без надежды быть понятыми и найти нравственную поддержку в окружающих, слишком часто без ясного понимания того, что и как делать для практического осуществления желанного добра в жизни. Они страдают, болеют ежеминутным разладом между совестью, самыми дорогими желаниями сердца, собственной жизнью и рутиной жизни, их окружающей. В конце концов, с ними случается одно из двух: или они замыкаются в самих себя, обрекают себя на пожизненную скорбь духовного одиночества и нравственной неудовлетворенности, или, что, к сожалению, случается гораздо чаще, теряют всякую надежду на возможность осуществления в жизни излюбленных идеалов, отворачиваются от них, как от несбыточных утопий, издеваются над тем, что было дорогою святынею и стало *сентиментальными бреднями*, из разряда сынов света переходят в разряд

⁶⁸ Там же.

представителей власти тьмы. Кому неизвестно это грустное явление, так называемое заедание средою! Кому неизвестно, сколько молодежи гибнет, избирая дурные пути, озлобляясь, ожесточаясь или капитулируя перед злом, из непрактических идеалистов переходя в разряд *практических дельцов*, стремящихся к созиданию собственного благополучия в ущерб благу жизни церковной, государственной, общественной и семейной!

Не может быть застоя в живой Церкви Бога живого. И православным людям естественно непрестанно стремиться к высшему от того, что есть, к тому, что было далеко, к высшему пониманию правды Божией, к высшему осуществлению ее в жизни.

Стремиться к лучшему можно только двумя путями: путем борьбы со злом или путем созидания добра. Первый путь – опасный, слишком часто приводящий к ожесточению, вражде и разъединению. Второй – умиротворяет, гармонизирует жизнь, осуществляет добро. В интересах и церкви и государства необходимо, чтобы прогресс в жизни совершался именно этим вторым путем.

Для нас, христиан, добро и любовь – синонимы, потому что Бог – любовь. Пока не осуществляется любовь в жизни, не осуществляется и вера наша. Пока мы неустойчивы и нелогичны в любви, мы не способны на стройную организацию добра в жизни.

Не имея определенного понимания православия, не имея добрых духовных навыков устойчивой любви,

без которых, и желая, и понимая добро, невозможно приступить к осуществлению его в жизни, остается только отдаться той критике зла и борьбы со злом, которая так вредно отражается на жизни церкви и государства, приводит к ожесточению и разъединению, воспитывает целые поколения в привычках равнодушия, жестокости и заносчивой гордости.

Результаты такого положения вещей и истин прискорбны и в высокой степени опасны для мирного и нормального развития церковной и государственной жизни.

В единении сила! Необходимо, чтобы люди доброй воли соединились вместе, оказали бы нравственную поддержку друг другу, выработали бы совместно определенную программу практического осуществления добра в жизни и немедленно приступили к осуществлению этой программы, поощряя и поддерживая согласные с ней почины частных лиц и собственной деятельностью указывая те добрые пути, на которых, без опасности для блага церковного, государственного и общественного, могут быть осуществлены идеалы истинной христианской жизни.

Мы глубоко убеждены, что это насущная потребность и церкви и Отечества нашего в переживаемую нами историческую эпоху.

Для слишком многих животворная истина идеалов церкви православной недостаточно ясна, слишком

многие верят на слово тем самозванным ревнителям православия, которые клеветают на него, выдавая за традиции церкви и за православный взгляд на вещи нечто совершенно чуждое любви, разуму и духовной свободе. В результате массовые отпадения от церкви среди интеллигенции и простого народа: раскол и разные секты. Не умея примирить с требованиями веры возникающие и с каждым днем все более и более осложняющиеся требования разума и практической жизни, не находя нравственного удовлетворения в том строе жизни, который они ошибочно почитают согласным с истинным православием, они или явно отпадают от церкви, переходя в секты и расколы, или тайно отрицают ее, продолжая носить имя православных, не имея ни веры, ни любви и никакой иной духовной связи с нею. Увеличивается рознь в жизни, многие становятся на путь разъединения и вражды в то время, как, найдя нравственное удовлетворение на лоне православия, поняв жизненную правду истинного православия, они не нарушили бы союза мира и единения любви с миллионами соотечественников и могли бы быть особенно полезными и деятельными членами церкви православной.

Не понимая высокого достоинства любви, не имея навыков устойчивой любви, они не могут быть способны на добровольную дисциплину любви (когда из любви к Богу и ближнему не хотят делать зло), не будут способны на смиренное самоотвержение трудолюбия.

Мы видим массовое движение, вполне естественное при таких обстоятельствах, уйти из деревни в город, уйти от тяжелого деревенского труда на труд более легкий, приятный и выгодный. Жизнь с каждым днем приобретает все более характер биржи и все отношения – характер биржевых сделок. Еле научившись грамоте, считают себя привилегированными представителями интеллигенции и спешат возможно дороже продать свою привилегию на ярмарке жизни, с презрением сторонясь от тяжелого физического труда. Говорят о перепроизводстве интеллигенции; на самом же деле можно говорить только о перепроизводстве людей неспособных на самоотвержение подвига любви, ищущих повода променять труд наиболее полезный для общества на труд наиболее выгодный и приятный для себя.

Пока вера и любовь не станут живой основой жизни и отношений, ничего иного и быть не может. Грубая борьба за выгодное, приятное и легкое существование, озлобляющая критика зла без умиротворяющего и гармонизирующего жизнь созидания добра, – вот что будет явлениями нормальными, неизбежными.

Братья по любви! Вы, которые понимаете животворную христианскую любовь, как основу веры, нравственности и жизни, вы, которые хотите любить и быть логичными в любви, соединитесь в одно всероссийское православное братство, заявите громко ваше понимание православия, которое есть правда любви по вере в Бога-Любовь, вера,

действующая любовью; выработайте определенную программу мирного осуществления этой святой правды в жизни, приступите не медля к осуществлению этой программы. Вы сохраните для церкви православной многих алчущих и жаждущих правды Божией, вы оградите многих юношей от ожесточения и измены добру, вы поддержите многие добрые начинания, во многих пробудите энергию, подготовите возможность сознательного самоотвержения, подвига любви в деле труда.

Государь император призвал народы на мирное совещание, большие союзы в Западной Европе преследуют благословенные цели всеобщего мира. Без торжествующей любви невозможен мир. Злоба и корысть всегда найдут причину и оправдание для нарушения мира, для разделения, для борьбы и насилия. Любовь – основа и животворящий дух мира. Факт мира в жизни – логическое следствие, неопровержимый признак торжествующей любви. Соединимся же на дело, единоедушное благому почину нашего царя! Соединимся во имя любви в дело любви! Подготовим по мере сил эру мира!

Мы немощны и слабы, но сила Божия безмерно превышает немощи наши. Приступим к святому делу стройной организации добра на лоне православия, отдадим себя в руку Божию, и да будет святая воля Его в нас, с нами и через нас!»⁶⁹.

⁶⁹ Неплюев Н. Н. Дорогие соотечественники! Дорогие единоверцы! //

Н. Н. Неплюев был убежден, что цели умиротворения и единения в обществе могли бы быть достигнуты деятельностью организации, соединяющей людей доброй воли на всем пространстве обширной Российской империи в их общем стремлении пробудить общественную совесть, – всероссийским братством. Предполагалось создание братских союзов с оздоравливающей духовной атмосферой во всех городах и селах, т. е. везде, где *найдется хоть несколько человек доброй воли, живого духа и живой любви*. Таким братские союзы должны были считаться отделениями и действовать под руководством, контролем и покровительством центрального управления, расположенного в Петербурге.

Существуют клубы для танцев, клубы для игры в карты, клубы для всякого рода спорта... Что мешает учредить собрания для интеллигентной молодежи, для людей разных возрастов и разного умственного развития, «на которых можно было бы духовно отдохнуть от суеты окружающей жизни, дружески обменяться задушевными мыслями, найти нравственную поддержку, без всякой официальности обсудить вопросы веры и жизни, примирить требования разума и жизни с требованиями веры»⁷⁰. На такого рода собраниях могло бы устанавливаться самое благотворное общение между лучшими представителями мирян и лучшими представителями духовенства, общение *доверчивое и непринуж-*

Всероссийское братство. СПб., 1907.

⁷⁰ Неплюев Н. Н. В единении сила.

денное, способное порождать живую связь между людьми.

Всероссийское братство, по мысли Неплюева, могло бы оказать благоприятную помощь в деле организации братских союзов в учебных заведениях, открытия детских общежитий при сельских школах, в оказании материальной поддержки сельским священникам, учителям и учительницам. Не менее значимой могла бы быть и помощь в деле организации всякого рода труда: земледельческого, промышленного, торгового... А именно, в возвращении к забытым традициям церкви – трудовым общинам времен апостольских, когда дружно и бескорыстно работали на общую пользу, в подвиге веры черпая силы для подвиг труда.

Вместе с учреждениями и структурами всероссийского братства постепенно сформировалась бы и партия мирового прогресса, к главным программным постулатам которой Н. Н. Неплюев относил следующее:

1. *Православие, Божией милостью самодержавие и народность* как принцип независимой самобытности русской культуры и жизни.

2. В русской православной культуре сосредоточена высокая и глубинная жизненная правда, а не в мерах полицейского ограничения и полицейского устрашения, которые не исцеляют, а лишь создают социальный строй, *наводя внешнюю позолоту порядка и тишины на реальную анархию умов, сердец и жизни.*

3. *Власть должна быть сильна* и проявлять свою мощь

в тот момент, когда это необходимо для поддержания порядка и *ограждения основ русской государственной жизни от насилия и поругания*. Однако надеждой России должны быть мирная гармонизация веры, разума и жизни в русской жизнедействительности, пробуждение церковного, государственного и национального самосознания. Власть должна проявлять свое могущество только в тех случаях, когда надо оградить самые основы русской самобытной жизни и свободы действий поборников этих основ.

4. Для пробуждения самосознания и выяснения совершенно определенной программы мирного, самобытного прогресса, необходимо учредить орган печати, который мог бы быть знаменем и соединительным звеном для всех честных элементов русского общества, желающих блага России и самобытного мирного прогресса для нее.

5. *Отношения к инородцам и иноверцам, входящим в состав Российской империи, должны быть полны братской любви и уважения к свободе их самобытности*. Насилие не может убеждать, не может внушать любовь и уважение, а может только вызывать упорство и враждебность.

6. Братской любви и уважения должны быть полны и *отношения к любым самостоятельным народам*. Нельзя навязывать им чужие основы жизни, но должно ревниво и стойко отстаивать в отношениях с ними *самобытность русской жизни* и проповедовать *русскую правду*, не столько бесплодной критикой их заблуждений, сколько честным и строй-

ным осуществлением *русской правды* в собственной жизни и *братской поддержкой родственников по вере и национальности народов*. Не следует обособляться от других народов, но перенимать от них все лучшее, гармонизируя с основами русской жизни⁷¹.

Новые идеи Н. Н. Неплюева получили широкий общественный резонанс. В январе 1907 года накануне Собора Русской православной церкви он приглашается в Московскую духовную академию с циклом лекций для преподавателей и слушателей по идеологии и организации трудового братства как составной части всероссийского братства людей доброй воли и партии мирного прогресса.

К осени 1907 года Неплюевым был подготовлен устав всероссийского братства, для согласования и утверждения которого он прибыл в ноябре в Петербург. Пробыв в столице около месяца, Николай Николаевич тяжело заболел и по возвращении в Воздвиженск 21 января (3 февраля) 1908 года скончался.

Похоронили Н. Н. Неплюева с огромными почестями на сельском кладбище православного Крестовоздвиженского трудового братства, установив возвышающийся над всеми простой деревянный крест. В посаженных на могиле цветах читалась фраза: «Ты со Христом». Непрекращающимся потоком шли соболезнования и отклики. Православная Россия

⁷¹ См.: Неплюев Н. Н. Путь к лучшему будущему // Всероссийское братство. СПб., 1907.

прощалась со своим верным сыном, даже не предполагая, что вскорости грядет время полного забвения.

Глава VII. Свидетельства былого

А что же православное Крестовоздвиженское трудовое братство? Еще порядка десяти лет оно продолжало свою деятельность и официально прекратило свое существование лишь в 1917 году. С началом социалистических преобразований в стране на материальной базе трудового братства Н. Н. Неплюева была организована коммуна имени Октябрьской революции. С 1918 по 1929 год коммуна еще управлялась бывшими воздвиженцами. Однако политические и экономические санкции новой власти привели к постепенному разорению хорошо налаженного хозяйства, и к 1930 году коммуна перестала существовать. В окончательном виде с ней разделались, как с *коллективным кулаком*.

Новые времена рождали новые приоритеты. Идеи и дела Н. Н. Неплюева были подвергнуты официальному забвению. Однако *свет неплюевского братства* не погас, он стал пробиваться к людям через семейные архивы, оберегавшие духовную память потомков. И вот в моих руках альбом. Он необычен. Это не привычный для современного человека набор фотографий. По дням, месяцам и годам в альбоме расположены почтовые открытки-письма. Их около 200, составивших целую *поэму любви* парня из казачьей семьи Матвея Овчаренко и простой крестьянской девушки Ули (Иулиании по Святцам) Машир.

Первая мировая война... Почти каждый день Матвей Овчаренко пишет своей невесте с фронта в Крестовоздвиженское трудовое братство. Но, что удивительно, войны в письмах нет. В них искрящийся свет любви и всепобеждающей жизни. Может быть, поэтому Ульяна никогда не расставалась с этими весточками из 1914, 1915 годов, трепетно обращалась к ним вновь и вновь в трудные минуты. Теперь, через многие годы, мы имеем возможность перелистать отдельные страницы *заветной книги*, услышать биение двух оберегающих друг друга любящих сердец:

23 июля 1914 года

Дорогая, бесценная моя Уля! Так хочется видеть тебя. Так соскучился без тебя. Прочел твоё письмо и после этого особенно грустно стало. Хоть бы на один миг промелькнула, хотя бы одно слово сказала, и все грустное оставило бы меня. Мое счастье, моя радость. Как мне хочется теперь выразить тебе свою любовь, простую, горячую. Твой Тима.

30 июля 1914 года

Милый мой Тима, дорогой мой жених, радость моя! Вечером получила твою открытку и без слез не могла читать ее. Ты все тоскуешь, как пойманная птичка, все рвешься ко мне. Пленник мой дорогой, я тоже тоскую здесь и рвусь к тебе, хотя бы на минуточку увидеть и утешить тебя. Все это время я не могу ничего делать, все хожу и думаю о тебе, каждый день хожу на дорогу, что возле больницы и дальше туда, за лес, вспоминаю, как

я с тобой ехала там, вспоминаю наши прогулки в лесу, когда я жила в больнице, все мельчайшие подробности, и, мне кажется, будто бы я поговорила с тобой. От этого мне делается на душе легче, твой дорогой, милый образ встает передо мной и умиротворяет душу тоскующую, ласкает, дает ей счастье. Да благословит тебя Господь. Твоя Уля.

11 сентября 1914 года

Милая Уля! Как ты чувствуешь себя, моя голубка? Если я буду знать, что ты не грустишь и терпеливо ждешь конца, то и я успокоюсь совсем и покорюсь неизбежному, и терпеливо буду ждать. Моя дорогая! У меня теперь словно первая любовь появилась. Ты опять стала не живая, а точно мечта сладкая. Я мечту эту с любовью лелею и покорно жду превращения в живую. Твой Тима.

21 сентября 1914 года

Дорогой, родной, горячо любимый Тима! Как бесконечно благодарна я тебе за твое последнее письмо, а особенно за карточку, мне очень понравился снимок. На меня глядели дорогие, милые черты, и я долго целовала их. Карточка та будет дорогой памятью, что пережили мы за это время. Теперь были чудные лунные ночи. Вчера, стоя у окна, я долго, долго смотрела на луну и в душе беседовала с тобой, мне не было грустно, нет, наоборот, было как-то мирно, спокойно, думы о тебе вливали радость в душу, я представляла

тебя то героем на поле битвы и уже даже с крестами отличия, то думающим обо мне, то по окончании войны вернувшимся домой. Ты улыбнешься и скажешь, что это моя фантазия, но ведь ты же рано или поздно уйдешь из Глухова, может быть, даже с этой новой конницей, которая организуется теперь, и потом вернешься ко мне, мое счастье, мой дорогой герой и воин. Твоя Уля. Горячо, всей душой целую моего милого друга.

1914 год

Милый мой, нежный друг Уля! С твоими последними письмами пришла ко мне часть тебя. В каждом слове я вижу дорогой, милый образ твой. Каждый вид на карточке говорит мне про твою прекрасную душу. Эти уединенные уголки, этот чистый образ отдыхающей девушки так хорошо гармонирует с твоим миром душевным. Моя кроткая голубка! Благодарю тебя за твою нежную, горячую любовь ко мне, за все те способы выражения этой любви. Все это заставляет и мое сердце биться ответным чувством горячей и нежной любви к тебе. Твой Тима. Моя прекрасная нимфа, целую тебя.

28 сентября 1914 года

Милая моя, дорогая голубка Уля! Успокой меня, я вновь страдаю. У тебя есть что-то грустное на сердце. Скажи мне, я хочу знать. Ты целый день вчера была не такая, как раньше, не веселая. Скажи мне, кто или что смутило твою радость. Быть может, я причина твоей

грусти, то скажи, чем я тебя огорчил. Я все сделаю, лишь бы ты хорошо себя чувствовала. Милый мой друг, радость моя и все мое счастье, развей мою печаль. Утешь меня словом ласки, освети мою душу надеждой счастья. Моя славная, вчера особенно не хотелось с тобой расставаться. Так грустно, грустно было. Тима.

19 октября 1914 года

Дорогая, славная, хорошая моя Уля! Спешу написать тебе. Сейчас выходим в Шостку. Целая рота 135 человек. Я шлю тебе все твои письма. Это самое дорогое мое сокровище. Я боюсь брать их с собой – передаю тебе на хранение. Очень не хочется ехать туда, лучше на Германскую границу. Тима.

23 октября 1914 года

Моя дорога, славная, далекая Уля! В той мимолетной встрече я даже не успел наглядеться на тебя. Приехал в Шостку и на другой день пошел в караул к пороховым погребам. Ночь была холодная. Кругом лес шумит да тоскливо, монотонно издали доносится гул машин завода. Скучно и тоскливо. Теперь я уже буду писарем здесь в нашей команде. Спешу тебе написать. Сейчас много работы. Мне пиши по адресу: Шостка, 439 почта, Черниговская дружина, 3 рота. Матвей. Крепко целую мою хорошую. После напишу. Мы будем здесь долго.

24 ноября 1914 года

Моя самая милая, моя самая дорогая Уля! Я не

сказал тебе, что обещал. Не успел, уехал. Мне кажется, тебе очень хочется видеть меня прославленным героем. Ты убеждена в том, что я, будучи в опасности, останусь цел и невредим. В этой области твоя постоянная мечта и твоя горячая фантазия, вероятно, уже успела создать не одну картину. Тебе очень хочется знать мое мнение, мои мысли на этот счет. Я же постоянно удерживаюсь, не хочу высказываться о том, что для меня неизвестно. Я на все готов и всегда буду полагать все мои силы. Твой Тима.

4 марта 1915 года

Дорогой, милый друг мой, бесконечно любимый Тима! Получила сегодня твое письмо, фотографическую карточку, мне очень нравится, ты вышел хорошо, только как похудел ты сильно за это время, здоров ли ты был? Твое письмо, такое чудное, полное красоты, поэзии, горячих нежных чувств и любви беспредельной, горячей любви! Нежный, горячий, мой мечтатель, я также прошлым часто живу, многое вспоминаю и много мечтаю, но больше уже о будущем, о нашем счастье. Я знаю, как сильно ты будешь любить меня, твою верную, дорогую подругу, а я тебя, мой любимый, родной, люблю и буду любить так нежно, горячо, без конца ласкать милого единственного друга. Крепко, крепко тебя целую, да благословит тебя Господь. Будь добрый, терпи, не скучай. Твоя Уля.

26 июня 1915 года

Милый друг мой Уля! Получил твоё письмо, спасибо, голубка моя дорогая, за добрые чувства, за горячую твою любовь. Как чаруют и нежно ласкают мою душу твои слова любви. В них я чувствую своё полное, тихое счастье. За него благодарю я Бога и тебя, моя ненаглядная дорогая подруженька. По твоему письму я почувствовал, что ты уже успокоилась и у тебя все хорошо. Как рад я этому. Пусть Господь хранит мою любимую, дорогую Улю! Шлю тебе свои ласки горячие, нежные. Много раз целую милые глазки, губки. Твой всегда Тима.

7 августа 1915 г.

Зачем я не чайка, не ветер степной,
Не тучка лазури далекой,
Лететь бы, лететь, повидаться с тобой,
Отрада души одинокой.

Давно не встречала я взор дорогой,
Не слышала голос родимый,
Давно не смеялась любовью одной
С тобою, мой сокол любимый.

Не слышишь ты ласки и речи моей,
Их грозно тебе заменили
Пальба роковая зловещих гостей,
Что счастье Руси отравили.

Меняется вечер на темную ночь,

И утро подходит за нею,
И множество дней, улетающих прочь,
Живу я с печалью моею.

Не стану я чайкой и ветром степным,
И тучкой не буду на воле,
Зову я покорность страданиям земным,
Земной неутешенной доли.

Придет ли свиданье и что впереди,
О том вопрошать я не смею,
Прошедшее время, восторги любви,
Я все, как святыню, лелею.

Уля⁷².

Матвей и Ульяна обвенчались 24 июля 1916 года. Жизнь складывалась трудно. Наберется ли с десятков лет, когда они были вместе и счастливы? Дороги первой мировой войны для Матвея стали дорогами войны гражданской. Побег из немецкого плена. Плен у Махно. От смерти спас тиф (упал до расстрела, и махновцы бросили). Чудом добрался до родного дома. Мать выходила. Деникинская мобилизация. Уход в Красную армию. В 30-е годы арест как бывшего царского офицера. Тюрма. Архангельский лесоповал. А Ульяна *поднимала на ноги* детей, спасала их в Путивле от голода и жда-

⁷² Документы предоставлены дочерью Матвея и Ульяны Овчаренко В. М. Васильевой. Первая публикация: Малышевский А. «Дорогая, бесценная моя Уля!» // С. – Петербургские ведомости. 1993, 14 августа.

ла... ждала...

А теперь мы листаем дневник выпускника сельскохозяйственной школы и члена православного Крестовоздвиженского трудового братства предпоследней волны Ивана Бугримова (1888–1958). В нем не только история братства в так называемый посленеплюевский период, но уже и *специфически советская переоценка былых ценностей*.

«Мне уже исполнилось 67 лет, и за этот период жизни вспоминаются события пройденного пути, о которых и хотелось бы изложить здесь. С одной стороны, излагая события, я подвергну критике и себя, и тех, кто участвовал в событиях, а с другой стороны, в зрелом возрасте и даже в преклонном многое прожитое выглядит в ином свете и с иными выводами о значении этих событий по сравнению с молодым возрастом...

Право на существование и образ человека я получил, родившись 19 (6) января 1888 года в селе Соловьевка Чуровичского района Брянской области. В то время эта местность принадлежала Куршановичской волости Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Родители мои были бедняки, крестьяне; отец Иван Данилович Бугрим и мать Ирина Карповна Рубан, по мужу Бугрим. <...> С ними я прожил до 16-ти лет <...>.

В семье я был второй мальчик, и у меня были старший брат Михаил, младший Климентий и сестра Зина. Были и еще две сестры, но они умерли в возрасте 5-ти и 8-ми лет. В семье был дедушка по матери

Карп Анисимович Рубан. Страстный охотник, хороший плотник, любитель выпить, но беспечный и с ленцой.

Наша крестьянская хата находилась на улице Боровка в ряду других крестьянских построек и впоследствии сгорела. На месте сгоревшей хаты братья Михаил и Климентий построили в 1918 году две добротные новые хаты, и эти последние также сгорели в 1920 году; на их месте получился пустырь.

Село Соловьевка ничем не примечательно за исключением того, что живущие в нем усердные труженики крестьяне, которым вечно не хватало земли, и они брали в аренду землю в соседнем селении Новый Ропск, а впоследствии при советской власти землю Новый Ропск частично навсегда подрезали соловьевцам, чем и ликвидировано безземелье моих односельчан. Воспоминания о родном селе неизгладимы, и мне вспоминаются две улицы, параллельно расположенные друг другу. По ним до шестнадцатилетнего возраста я ходил и бегал с ребяташками, залазил в огороды и сады. Село было расположено примерно так: две улицы, посреди одной из них (большой) церковь, дом священника и дьяка. Между улицами по шляху сельская школа, где я учился и окончил ее в 1902 году. На краю села помещичья земля Воладковских и винокуренный завод. Крестьянских хат насчитывалось до 200, и это считалось большое село. В нем были богатые крестьяне и бедные, и абсолютно из крестьян никто и нигде не учился до момента моего поступления в воздвиженскую

сельскохозяйственную школу в 1904 году.

Свои первые шаги я помню с 5-ти лет. До этого возраста я перенес все детские болезни; дифтерит, скарлатину, чесотку, всевозможные нателные нарывы, что пятном осталось у меня на всю жизнь... Это результат того, что матери некогда было за нами детьми ухаживать и ограждать нас от всяких заболеваний; ей нужно было трудиться в крестьянском полуторанадельном хозяйстве и добывать нам хлеб. Отец же мой к этому времени ушел из дома и оставил детей матери и ее отцу, т. е. моему дедушке. Помню, дедушка пахал еще сохой, и я, по просьбе матери, однажды принес ему на поле молочный суп в горшочке, обвязанном крестообразно полотенцем. Поднеся к дедушке обед, я крикнул: “Дедушка! Я обедать принес!” Но дедушка крикнул: “Ешь сам”, – и погнал свою кобылку с сохой допахивать оставшуюся полоску. Я, пользуясь таким разрешением, сел под телегу и, пока дедушка возвратился с сохой, взял ложку, кусок хлеба и съел суп. Дедушка остановил лошадь и говорит: “Ну, давай мне, внук, обедать”, – и хотел садиться под телегу. Но я предупредил его, сказав: “Я уже поел суп”. Дедушка рассердился и хотел меня ударить кнутовищем, попал по телеге, и я выскочил невредимым. Придя домой, я рассказал это матери, и она, узнав, что в поле осталось допахать примерно шага два шириной, сказала: “Ну, ничего, он допашет и придет домой, я ему оставила обед, но смотри, берегись дедушки, он тебе отомстит за это, ты его не понял,

дедушка иногда говорит все наоборот, и ты его не знаешь”.

Действительно, однажды, в тот же год дедушка возвращался вечером с поля домой, и я, не открыв ему ворота, присел сзади на телегу и хотел подъехать. Дедушка сам открыл ворота и возвращался к лошади, неожиданно для меня ударил меня кнутовищем (сошницею) по голове, и я свалился с телеги наземь. Долго я лежал, и все постройки хат, сарая и ворот у меня кружились в голове. Так в головокружении пролежал всю ночь, мать плакала и все что-то говорила дедушке. На другое утро мать понесла меня на другую улицу к бабушке *Чайке* лечить. Положила меня у ног бабушки и других женщин, и они все кружились вокруг меня. *Чайка* внесла меня в хату, долго промывала мне голову холодной водой и все что-то шептала. От *Чайки* мама меня принесла домой, и недели через две я поправился. Головокружение прекратилось. Впоследствии я с дедушкой сдружился и носил ему из криницы Владковского мягкую воду для питья. Дедушке эта вода нравилась, и он меня хвалил за послушание.

Учиться я начал с восьмилетнего возраста, но окончил школу через шесть лет. Одну зиму пропустил, находясь в пекарне Чуровичи, где низал бублики, другую зиму варил бублики, на третью помогал печь булки хозяину в Климовой. У хозяина был сын, возрастом равным моему, и учился хорошо. Я сравнил себя с ним и дал слово закончить сельскую школу. В ту

же зиму бросил печь булки, ушел от хозяина и поступил в третью группу, и закончил школу довольно успешно. Учителем был некто Пожарский из Нового Ропска и хвалил меня за прилежание. Я дал слово учиться дальше и не мог никуда после сельской школы попасть. Держал через год экзамен в новоропское двухклассное училище, но сделал в диктанте девять ошибок и не поступил.

Все же я готовился к какой-то учебе и всегда находился возле лошади, читая книги, писал диктант, решал задачи, и страстно хотелось учиться. Наконец, в нашем селе появился учитель Иван Яковлевич Дусев из Нового Ропска и посоветовал мне поступить в воздвиженскую сельскохозяйственную школу, где учились его сестры, находясь на полном иждивении сельскохозяйственной школы, и что я мог бы туда также поступить, нужно только подготовиться. Я день и ночь готовился и не спал ночами, решая задачи. Дедушка мой ругал меня, тушил лампу и не давал заниматься, вследствие чего я развил у себя пожизненную близорукость <...>.

Летом я сходил в Новый Ропск к учителю Дусеву и просил его помочь мне подготовиться, для чего я буду к нему за 15 километров через день приходить и заниматься так, как требуется для сельскохозяйственной школы. Учителю, по-видимому понравилась моя настойчивость, и он обещал за две недели до отъезда в сельскохозяйственную школу подготовить меня в соловьевской школе, куда он

придет сам, и что я должен подыскать еще учеников, которые со мной также были бы согласны. Я подыскал трех учеников, и учитель приступил к подготовке. Две недели готовились, и в заключение Дусев сказал, что у меня неплохой результат, можно ехать. Надо отметить человеколюбие Дусева, он бескорыстно потруился для меня, бедного мальчика, и даже свой рубль дал мне на дорогу. Уехал я держать экзамен с группой в пять человек соловьевских мальчиков и одной девочкой. Отвез нас соловьевский гражданин Носовец, сын которого Евсей также держал экзамен. Я был поражен изобилию воздвиженской сельскохозяйственной школы, которая расположена в дубовом парке имения Николая Николаевича Неплюева.

Я непрерывно готовился и подыскал учеников школы, которые помогли разобраться во многом за три дня до экзаменов, многое приобрел нового, о чем в соловьевской школе мне не показывали. Один из учеников школы определил, что я обязательно поступлю, так как, по его взгляду, я хорошо подготовлен и имею непреодолимую настойчивость к учебе. Это обеспечивает успех. И действительно, я был принят в числе двадцати пяти человек, державших экзамен, из восьмидесяти приехавших. Мои товарищи – соловьевцы уехали обратно, не выдержав экзамен. Впоследствии два из них поступили только при третьем экзамене, когда я уже в сельскохозяйственной школе находился в третьем классе при переходе в четвертый,

т. е. на четвертом году учебы <...>.

Воздвиженская сельскохозяйственная школа <...> до моего поступления сделала 20 выпусков, снабжая своих питомцев аттестатами неопределенного звания: то ли агрономов, то ли управляющих имениями господ помещиков. В аттестате только указывалось, что такой-то окончил сельскохозяйственную школу в течение пяти лет с такими-то успехами, и больше ничего <...>.

В школе я был не последним учеником, и в пятом классе при выходе из школы меня избрали старостой класса и старшиною школы. Под моим председательством происходили школьные совещания, где обсуждались вопросы, относящиеся к поведению учеников, заслуживающих исключения из школы, или вопросы, относящиеся ко всему педагогическому совету и школе в целом. К практическому труду я также был прилежен и окончил сельскохозяйственную школу в 1909 году с похвальным листом от имени всей школы.

Идеи Неплюева меня увлекли, и я остался в сельскохозяйственной артели (*братстве*), где и потрудился, не покладая рук, с 1909 года – по февраль 1914 года.

К моменту моего вступления в сельскохозяйственную артель в 1909 году, она насчитывала взрослых мужчин 150 человек, женщин 181 и детей 139; всего 470 человек. Этого отряда далеко было недостаточно для обработки пяти тысяч десятин переданного имения; поэтому имелись наемные рабочие, в большинстве сезонные,

в количестве 200 человек. Мы, члены артели, жили в особых благоустроенных общежитиях, где каждому женатому отводилась комната, а холостяков помещали по несколько человек в одну комнату. Здесь же, в общежитии была общая столовая, кухня, умывальник, детская комната – ясли и туалетная. Во главе этого общежития был старшина-эконом. Женщины еженедельно дежурили по кухне и готовили обед, ужин, завтрак. Дети оставлялись для присмотра в яслях, и родители уходили на работу спокойно. Труд летом начинался с 4-х часов утра и заканчивался в 9 часов вечера, т. е. до темноты. На поля нам, членам артели, обед и завтрак вывозился. Рабочим питание готовилось на поле в котле и было похуже нашего артельного. Еженедельно в субботу каждое общежитие – семья обсуждала хронику за неделю. Эту хронику вел один из членов общежития по дежурству. Подобная организация мне понравилась, и я по выходе из школы с жаром принялся за труд, но вскоре, примерно через месяц, обжегся, и горячность моя была охлаждена. Охладили меня старые члены артели, которые считали себя непогрешимыми и всевластными владыками. Их избаловал Неплюев, дав им большие права... Я в уставе не разбирался и попал впросак.

Меня и со мною Лазаря – старика на пяти подводах снарядили привезти из Глухова от Конопельки 150 пудов гречневой крупы. Никто ничего не сказал о задании, кроме того, что еще нужно было заехать в магазин потребкооперации и взять

посуды и ложек. Со стариком я выехал рано, но на протяжении двадцати километров испытал большие неудобства в подгонке лошадей. Нас, погонщиков, было двое, а лошадей с повозками – пять: подогнав первых, отставали последние; подогнав последних, останавливались первые. Наконец, приехали в Глухов. Конопелько, к которому было письмо об отпуске крупы, объявил, что крупы у него нет и что крупарушка у него стоит на ремонте, но что он, Конопелько, советует нам заехать к Каплуна – другому круподеру и получить у него крупу, дабы не гнать обратно лошадей не погруженными. Так было и сделано, но на это ушло дополнительное время. Возвратились с крупой в 11 часов ночи. На утро я пошел докладывать старшему члену артели Цвелодубу Ивану Андреевичу о том, что крупы у Конопельки не оказалось, и что я на свой риск взял крупу от Каплуна, и что, по заключению нашего кладовщика Юрия Михайловича, крупа 1 сорта, не хуже Конопелькиной. Цвелодуб, почти не выслушал меня, заявил, все это пустяки, а самое главное – задание выполнено недобросовестно, лошади возвращены поздно, и что теперь их нельзя использовать на посеве ржи. Я еще раз объяснил ему, в чем дело, но он упорно подчеркивал мою недобросовестность. Я был удивлен и здесь же сказал: “С этим я не согласен, задание выполнено добросовестно, а вот если бы я лошадей пригнал в 9 часов вечера и без крупы, то это и было бы недобросовестно”. Цвелодуб сердито сказал: “Ну, если не согласен, то

иди отсюда”. Это было в конторе сельскохозяйственной артели в присутствии бухгалтера. Я ответил: “Вы, Иван Андреевич, наверно не дорожите авторитетом молодого члена сельскохозяйственной артели и не нуждаетесь в его труде”, – и вышел из конторы.

В тот же день я решил уехать на родину, домой, и заняться более полезным трудом. Переживание было ужасное. Я ходил целый день и обдумывал, что делать. Ведь с этим падали мои все идеалы и смысл жизни. Потому я решил все доложить Марии Николаевне Уманец, как председателю сельскохозяйственной артели – братства. К этому времени Н. Н. Неплюев уже умер, и на его пост избрана была его сестра. Мария Николаевна меня выслушала и пообещала выяснить, в чем дело. Поговорив с Иваном Андреевичем Цвелодубом, она меня вызвала и объявила, что Цвелодуб прав и что он, как старый член сельскохозяйственной артели, да к тому же полноправный, имел право сделать в отношении моего труда такой вывод и что мне следует извиниться перед Цвелодубом. Этого я не ожидал и извиняться не хотел. Это было против моей совести. Я еще долго обдумывал и решил извиниться. Цвелодуб выслушал меня и подчеркнул то, что у нас не простая сельскохозяйственная артель, а братство, и что следует прислушиваться к голосу старших руководителей, и тогда не будет происходить конфликтов, подобного со мной.

Вскоре со мной произошел снова печальный

случай. Я дежурил на ямпольском лесоскладе, проверял нанятых сторожей. Вечером в конторе, когда завскладом и его помощник уехали, обойдя сторожевые посты, я зашел в контору и решил написать родителям письмо. На столе была ручка и чернила, но бумаги не оказалось. Я открыл ящик стола и хотел взять лист бумаги. На бумаге лежал браунинг, забытый заведующим. Я не удержался, вынул браунинг, положил его на стол и стал осматривать его устройство. Осмотрел и хотел снова положить на место, но в этот момент один из сторожей, бывший бравый солдат Федор, зашел в контору и, увидя браунинг, сказал, что это браунинг Захария Ерофеевича и что он, по-видимому, забыл его. Взял браунинг из моих рук, вынул обойму патронов и щелкнул. Раздался выстрел, пуля ударила возле меня в стол и рекошетом пронизала две рамы окна, и вылетела куда-то в поле. Этот сторож, хотя и знал обращение с браунингом, но не предусмотрел в нем оставшегося одного патрона и выстрелил по ошибке.

На другой день я рассказал заведующему о случившемся. Он выслушал меня, и в ближайшее общее собрание сельскохозяйственной артели мне М. Н. Уманец был объявлен выговор от имени думы сельскохозяйственной артели перед общим собранием. Факт изложила в превратном виде: браунинг, якобы, я взял из кармана заведующего, затем игрался с ним и, не зная устройства, выстрелил, и что я что-то искал в столе и хотел что-то взять. Эта информация меня унижала и ставила в положение какого-то вора. Я решительно

запротестовал и на общем собрании сказал о том, как было дело, и что выговор я принимаю, но информацию отвергаю.

Это не понравилось правлению сельскохозяйственной артели, и я в приеме был оставлен на следующий год, а мои соклассники в количестве пяти человек были приняты. Так я из школы вышел первым, старшиною школы, а очутился в последних рядах. Эти случаи меня не обескуражили, я и в дальнейшем работал честно, старательно и каких только работ не попробовал. Зимой кормил коров, выпаивал телят, вывозил навоз на поля и т. п. Летом от зари до зари находился на полях, пахал, сеял, жал жатками и сноповязалками. Работал в садах артели и своими руками, с помощью наемных работников, посадил за два года 50 гектаров плодового дерева. Работа в садах происходила под руководством опытного садовода, ранее на пять лет меня окончившего воздвиженскую сельскохозяйственную школу Семена Федоровича Черненко⁷³, ныне мичуринца, доктора сельского хозяйства, профессора Мичуринского плодового института.

Я заметил со стороны многих членов сельскохозяйственной артели погоню за теплыми местечками. Приведу один из примеров. В Ямполье в детском приюте был учителем один из наших

⁷³ Речь идет, по-видимому, о Семене Григорьевиче Черненко – известном селекционере, профессоре, лауреате Государственной премии СССР, Герое Социалистического труда.

членов — некто Пушенко Василий Аксентьевич, и как-то пьяным валялся на улице Ямполя. Его дума сельскохозяйственной артели решила исключить, и Пушенко, стоя на коленях перед общим собранием, просил со слезами оставить его снова в сельскохозяйственной артели, дать ему какую угодно работу, и он докажет свою верность, и что он по ошибке очутился пьяницей. Его оставили и прислали работать на скотный двор, где я заведовал всеми работами. Я дал работу Пушенко постоять на воротах, ведущих в парки имени Неплюевых, дабы туда при выпуске на прогулку скот не попал бы на цветники. Пушенко этого не выполнил, и скот ушел вместо кошары в парки и только случайно не потоптал цветники. Один из работников скотного двора это заметил и вовремя завернул скот. Я был удивлен и спросил Пушенко, почему он не стал на посту, мною указанному. Пушенко ответил: “Потому что ты еще молодой и не можешь руководить делом”. Я решил о поведении Пушенко передать в правление сельскохозяйственной артели, но Пушенко уговорил меня не передавать этого дела, и что он вообще меня не понял и в будущем докажет свою верность даже в самом грязном и тяжелом труде. Все это было на словах и не искренне. Он, Пушенко, забежал наперед к посещаемым скотный двор руководителям сельскохозяйственной артели, давал объяснения, информировал о происходящих на скотном дворе событиях и извивался перед ними, как змей. Противно было смотреть на подобное

подхалимство и, в конце концов, этими путями добился того, что его снова по осени назначили учителем в ямпольский детский приют.

Многие члены начали уходить из артели, разочаровавшись в ее идеалах. Один из ближайших моих друзей Георгий Маркович Любченко, хороший писатель, поэт. Он еще в школе воспевал смысл жизни трудовой именно в этом братстве, а когда увидел погоню и чехарду за легкими местечками, то резко изменил свое суждение и ушел, унося огорчение в сердце. Я крепился и считал подобные действия молодухином, и рассматривал это как дезертирство из важного фронта осмысленной жизни, основанной на принципах равенства и свободы. Считал свой труд необходимым для будущего поколения, труд, направленный к коммунистической жизни на основах братства и совместного усилия разумных и образованных людей для осуществления формы жизни осмысленной и вполне отвечающей коммунизму христианской общины. Я стал верующим христианином и увлекся этим учением.

Зимой 1912 года я предложил работать там, где ни один рабочий не мог больше двух дней проработать. Это там, где возле винокуренного завода варится картофель для свиней. Меня предупредили и сказали, что я не выдержу этой работы, что там не выдерживает ни один рабочий, но я настоял на своем и взялся за эту неблагодарную и, казалось, тяжелую работу. Оказалось, очень просто: цилиндр

установлен был неправильно на шарнирах. Нижняя часть чепца-запарника с картофелем весила больше, нежели верхняя, и при опрокидывании требовалось большое усилие – не под силу одному человеку. Я сделал лебедку и стал опрокидывать с помощью веревки, перекинутой через блок, и не замечал никакой трудности. Таким образом, доказал то, что всякую работу можно облегчить с помощью техники и разума.

Отработал я здесь целую зиму, и все удивились моей настойчивости. После снятия свиней с откормки меня поставили засаливать окорока и делать колбасы, а осенью назначили учиться на ректификатора при новой непрерывно действующей колонне, которую привезли из Москвы за 30 000 рублей и установили в винокуренном заводе. Я помогал при установке монтеру и в течение месяца под его руководством изучал колонну и производил сгонку спирта, и овладел этой профессией в совершенстве. Внес два изобретения к колонне, одним отразил с помощью зеркал с 3-го этажа на 2-й спирт, идущий из ректификационной колонны в первую колонну для повторной перегонки, и вторым закрывал кран с помощью блока и шнура по трубе, дающей сток воды, идущей во двор из колонны. Эти изобретения владелец заводов в Москве, некто немец Вебер, внедрил в выпускаемые им аппараты и обещал мне выдать премию. Но произошло одно событие, которое не только эту премию, но и меня вывернуло из этого одурманенного религией коммунизма.

Уехал московский монтер, и я остался на его

месте, производил сгонку ректификаката. Подучил себе двух помощников из наемных рабочих винокуренного завода. После ночного дежурства я в общежитии так сладко уснул. Меня тревожно разбудили и сказали, чтобы я немедленно шел в винокуренный завод. Придя, я увидел возле аппарата на втором этаже, где сосредоточено управление ректификационной колонной, группу начальствующих лиц: управляющего акцизными сборами черниговской губернии, который специально приехал посмотреть новый ректификационный аппарат, с ним глуховский уездный акцизный чиновник, заводской акцизный чиновник, управляющий винокуренным заводом Михаил Михайлович Наконечный, подвальный, механик завода и его помощник, и среди них винокур Портянко Афанасий, который как угорелый метался от колонны до колонны и, когда я появился, то он мне грозно и начальнически крикнул: “Беги наверх и посмотри, как идет спирт!”. Я посмотрел и, возвратившись на второй этаж, хотел прибавить воды в дефлегматоры, но Портянко крикнул: “Не нужно этого! Да и вообще, я вижу, ты ничего не понимаешь, и я напрасно тебя вызвал!”. И тут же начал подкручивать краны и совершенно расстроил колонну, спирт пошел в колонне обратно, и часть его была испорчена, и с водой попал во двор, получился отвратительный запах, и я видел, как покорило это управляющего акцизными сборами и всю комиссию, перед которой благодаря грубому и дерзкому заявлению винокура я

стоял как профан. Не выдержал я такого оскорбления и решительно подошел и заявил: “Я к Вам обращаюсь, Михаил Михайлович, как к управляющему заводом, разрешите мне здесь же, в вашем присутствии и в присутствии всей комиссии поработать возле аппарата всего один час, и пусть Портянко стоит в стороне и понаблюдает, как надо управлять ректификационным аппаратом, а мои помощники пусть идут отдыхать, я не нуждаюсь ни в какой помощи, и тогда увидите, кто здесь знает работу на аппарате, я или винокур”.

Наконечный спросил: “Афанасий Александрович, слышите, что говорит Иван Иванович?”

– Да, слышу, – последовал ответ.

– В этом случае, Иван Иванович, приступай, – сказал Наконечный, и я приступил.

Прежде всего, я остановил работу колонны, своих помощников уснул спать, а сам сел за стол и ожидал 7 минут отдыха колонны. Потом из первой колонны во вторую перелил спирт сырец. Первую колонну подготовил к принятию бражки. Во второй колонне, т. е. в ректификационной, спирт хорошо пропарил, загрузил им верхи колонн и, когда увидел все нормальные показатели как первой, так и второй колонны, дал движение бражке из красильного чана, а затем и открыл движение на контрольный снаряд спирта ректификата, который, пройдя в количестве 19 ведер, установился нормальным крепостью 95,5 градусов.

Вся комиссия просмотрела результаты моей работы, и управляющий акцизными сборами, расхохотавшись,

ушел в заводскую квартиру, а за ним ушла и вся комиссия.

Я остался у колонн и закончил стонку. Мне потом передавали о том, что управляющий акцизными сборами в квартире завода долго смеялся и говорил: “Я словно в театре просмотрел работу новоизобретенного аппарата под именем *Раузер и Вебер*. А вообще вы, руководители винокуренного завода, не знаете своих людей и не можете ими управлять”.

После этого случая я свободно, без помех и понуканий, закончил ректификацию спирта из картофеля, и завод остановился на ремонт с тем, чтобы потом перейти на спиртокурение из отходов сахароварения – патоки. Я со своими помощниками подготовил колонну, промыл ее, почистил, подтянул и, где нужно было, заменил флянцы и тому подобное и полагал дня два отдохнуть. Но мой винокур Портянко, как обескураженный моим смелым выступлением и поставившим его в неловкое положение перед заводской комиссией, стал преследовать меня и придумывать для меня самые нелепые работы. Обязал меня с рабочими вырубывать накипь в котлах. Я вырубал целых 5 дней и попросил его разрешения уйти на отдых. Моим помощникам он этот отдых дал на целую неделю, а мне сделал распоряжение почистить дымоходы в винзаводе. У меня не было для этого спецодежды, да и не хотелось без отдыха лазить под дымоходами в саже. Я сказал: “Это не мое здесь дело, для этого у нас существуют кочегары”.

Портянко рассердился, стукнул кулаком по столу и сказал: “Завтра же тебя уберут отсюда, как нарушителя труда в сельскохозяйственной артели”. Я ответил: “Зачем убирать, я и сам завтра могу не явиться сюда. Ведь я свободный гражданин и работаю здесь по своей воле. Если это не нравится Вам, можете на мое место поставить кого угодно”. На другой день в завод я не вышел. Хотел бороться за свой престиж, но совесть подсказала: “Махни на все рукой и уходи из этой помещицкой сельскохозяйственной артели”. Так я поступил.

Четырнадцатого февраля 1914 года я ушел из братства. Об этом я заявил старшине Андрею Григорьевичу Коломейченко, который не верил в возможность моего ухода. Коломейченко отослал мою лошадь обратно и сказал подождать его и что после данного им урока в женской школе (где Коломейченко был преподавателем) поговорим и выясним, в чем дело. Коломейченко ушел в школу, а я тем временем взвалил на себя тюк своих личных вещей и вышел из общежития черным ходом на огороды, где шагнул через канаву и направился в деревню Гремячка, что в 2-х километрах.

Я не стал дожидаться возвращения Коломейченко, не захотел бороться за свои права в винокуренном заводе и ушел от закабаленной догматами религии буржуазно-помещицкой жизни Воздвиженска, где я отдал пять лет учебе и пять лет отработке за эту учебу, оброку за нее сельскохозяйственной артели – трудовому братству.

По дороге в Гремячку я думал: “Вот все, что я нажил

за 10 лет. Иду, как нищий и бездомный, одинокий, и что меня ждет впереди?” Но на сердце так легко, и свободно дышит грудь. Сброшены цепи рабства, сброшен религиозный догматизм, закабаливший меня...»⁷⁴.

В Киеве у родственников Павла Константиновича Федоренко – известного украинского ученого-историка хранится рукопись его повести «Серебряные нити» – о православном Крестовоздвиженском трудовом братстве, и, как предполагают, подлинник неизвестного исследователя письма Л. Н. Толстого, адресованного Н. Н. Неплюеву⁷⁵. П. К. Федоренко и его старший брат Василий – выходцы из большой семьи лесника, в которой было 8 человек детей: 5 братьев и 3 сестры – подростками поступили в воздвиженскую сельскохозяйственную школу; в 1890 году старший, а в 1893 году младший из братьев.

Василий Федоренко окончил пятилетнюю сельскохозяйственную школу в братстве, затем историческое отделение глуховского учительского института, после чего учительствовал в братстве. Еще юношей В. Федоренко начал заниматься литературным творчеством; свои первые стихи, рас-

⁷⁴ Документ предоставлен дочерью И. И. Бугримова Л. И. Кирилловой. Первая публикация: Неплюев Н. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. – СПб., 2007. В настоящий момент подлинник дневника И. И. Бугримова хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

⁷⁵ См.: Федоренко Л. Далекий свет Неплюевского братства // Новая литературная газета Челябинской области. 1992. № 1.

сказы, пьесы публиковал в различных изданиях под псевдонимом Василь Кручина⁷⁶.

В 1898 году Н. Н. Неплюев брал В. Федоренко с собой в Польшу, а затем во Францию, где они вместе занимались общественно-просветительской деятельностью. По приезде в Россию между Неплюевым и В. Федоренко произошел мучительный разрыв, который они оба очень переживали. Любимец Неплюева и лидер в братстве В. Федоренко был к тому времени уже не согласен со многими идеями своего наставника и в 1900 году ушел из Воздвиженска. После выхода из трудового братства В. Федоренко поступает в Киевский университет, который оканчивает в 1916 году с предложением остаться на историко-филологическом факультете. Но жизнь распорядилась иначе. После Октябрьской революции 1917 году он уезжает из Киева и начинает работать в педагогическом институте города Глухова, где преподает историю украинской и русской культуры, социологию. С 1924 году В. Федоренко с женой и двумя сыновьями уезжают в Ленинград – в город, в котором он умер в Ленинградскую блокаду 1942 года и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище.

Павел Федоренко посвятил себя научно-исторической и литературной деятельности. В 1930 году был репрессирован

⁷⁶ В библиотеке академии наук в Санкт-Петербурге хранится сборник стихов В. К. Федоренко «Первые песни», изданный в 1897 году и посвященный православному Крестовоздвиженскому трудовому братству и его основателю Н. Н. Неплюеву.

за участие в организации «Союз освобождения Украины», руководителем которой был академик Ефремов. По делу было осуждено 45 человек, затем еще 2 000 на местах, в основном гуманитарная интеллигенция. Был репрессирован еще дважды, в 1934 и в 1937 годах, пробыв в тюрьмах и ссылках в общей сложности около 15 лет. В 1959 году был полностью реабилитирован ввиду отсутствия состава преступления. Умер в Киеве в 1962 году.

Сколько их еще, свидетельств тех далеких времен, связанных с Николаем Николаевичем Неплюевым? Кто скажет!..

Глава VIII. Духовные универсалии

Если практическая деятельность Н. Н. Неплюева представляет собой в подлинном смысле пепелище, то большое литературное наследие сохранилось полностью⁷⁷. В «Хри-

⁷⁷ «Историческое призвание русского помещика» (М., 1880), «Совесть» (М., 1881), «Хлеб насущный» (СПб., 1883), «Что есть истина» (Лейпциг, 1893), «Трудовое братство» (Лейпциг, 1893), «Христианское мировоззрение» (Берлин, 1895) и др. К 100-летию памяти общественного деятеля, писателя и религиозно-го мыслителя вышло собрание сочинений: Неплюев Н. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. СПб., 2007. Все тексты были отредактированы и приведены в полное соответствие с нормами современного русского литературного языка при сохранении их авторской стилистики, передающей как авторский стиль Неплюева, так и дух эпохи, в которой он жил. По сути, это было первое академически выверенное издание. Работы, составившие первый том собрания сочинений, – «Христианское мировоззрение», «Христианская гармония духа» и «Историческое призвание русского помещика» – это отношение Н. Н. Неплюева к социально-политической и социально-экономической ситуации в развитии России второй половины XIX века, политической, экономической и социальной ответственности дворянства перед Отечеством и своим народом. Здесь же изложена стройная система воспитания в духе православия и христианско-православного патриотизма. Содержанием второго тома стали религиозно-философские работы Н. Н. Неплюева «Что есть истина?» и «К лучшему будущему». В них освещены взгляды Неплюева на проблемы жизни, истины, науки, литературы, искусства, а также различные социальные институты, такие как государство, школа, церковь и т. д. Том третий включает в себя работы Н. Н. Неплюева, собранные под общими названиями «Трудовое братство» и «Путь веры». Они касаются практического воплощения Неплюевым евангельского образа мышления в способе христианско-православной жизни Крестовоздвиженского трудового братства.

стианском мировоззрении», «Христианской гармонии души», «Историческом призвании русского помещика» – выражено отношение Н. Н. Неплюева к социально-политической и социально-экономической ситуации в развитии России второй половины XIX века. Это мысли о политической, экономической и социальной ответственности дворянства перед Отечеством и своим народом. Здесь же изложена стройная система воспитания в духе православия и христианско-православного патриотизма.

Религиозно-философским работам Н. Н. Неплюева – «Что есть истина?» и «К лучшему будущему». В них освещены взгляды Неплюева на проблемы жизни, истины, науки, литературы, искусства, а также различные социальные институты, такие как государство, школа, церковь и т. д.

Многочисленные публикации Н. Н. Неплюева, собранные под общими названиями «Трудовое братство» и «Путь веры», касаются практического воплощения евангельского образа мышления в христианско-православной жизни Крестовоздвиженского трудового братства.

Всей своей практической и публицистической деятельностью Н. Н. Неплюев продолжал дело выдающихся русских мыслителей-славянофилов, положивших в первой половине XIX столетия начало самобытной отечественной философии, основанной на живой православной вере и опыте восточнохристианской аскетики.

Более всего, на наш взгляд, взгляды Неплюева сродни

взглядам Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) и Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), стихи которого он считал вершиной русского поэтического творчества⁷⁸.

Русская философская традиция XIX века базируется, прежде всего, на признании того факта, что кризис России зиждется на разрушении органической связи между такими феноменами как Человек, Образование, Религия, Культура, а точнее: между русским человеком и православной верой – с одной стороны, российской образовательной системой и православной церковью – с другой. И это не просто культурно-социальная особенность развития России в так называемый послепетровский период времени, здесь во всей своей полноте присутствует культурно-исторический аспект проблемы.

Конечно, общеисторический контекст развития русского общества объясняет далеко не все аспекты его противоречивости. Понять ее – это не просто *подключиться* к общему порядку мира, к общемировому процессу. Здесь необходимо восстановление русской национальной духовной традиции, поиск внутренне присущих причин и оснований становления и развития особого типа мышления, который можно обозначить одним емким понятием *русский духовный путь*. Во-первых, российскую, если так можно выразиться, интеллектуальную традицию определяло соединение немецкой учености и русской духовности, европейский рациона-

⁷⁸ См.: Неплюев Н. Н. Что есть истина?

лизм с его тягой к синхронизации – упорядочению и художественность восприятия, пробивающаяся из народных глубин русской литературы. Во-вторых, через духовные искания русских мыслителей XIX века, европейская философская мысль впервые протянула руку православию как основе русского национального духа, породив полемику славянофилов и западников, растянувшуюся чуть ли не на столетие и ставшую, в определенном смысле, затянувшейся болезнью русского общественного сознания.

Для русских мыслителей XIX века русский народ не был чисто европейским или чисто азиатским народом. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира; всегда в русской душе борются два начала – восточное и западное. Симбиоз двух культурных регионов, постоянный диалог между ними в пределах одной страны определил сущность русских. Их предназначение – европейская цивилизация и азиатская самобытность. Отсюда характерная черта, подмеченная Ф. М. Достоевским, – всемирная отзывчивость, т. е. способность откликнуться на чужую беду, пережить ее как свою, помочь, порадоваться радостью другого, принять его в свою среду, перевоплотиться самому. «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не эконо-

номическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском? Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспейанию и развитию европейской интеллигенции нашей, возвысившейся над народом нашим, сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд?»⁷⁹.

Русским, при всей их безудержной устремленности к крайнему и предельному: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расточительству и наоборот, – присущи открытость другим культурам, терпимость, стремление понять и принять инакодумающего и инаковерующего, ужиться с ними.

Отсюда мечта о соборном единении человечества как суть русской идеи, центральное понятие русской православной философии, суть творчества русских православных мыслителей, включая Н. Н. Неплюева.

В глубине идеи *собора* лежит мысль о православной церкви. В храм Божий приходят все вместе, следуя общему ритуалу, оставаясь при этом самими собой. Каждая душа сама по себе *внемлет Богу*, отвечает перед ним за свои поступки. Эту

⁷⁹ Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Дневники. 1880 год, август. Гл. первая. // Собр. соч. в 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 417.

мысль наиболее продуктивно выразил А. С. Хомяков. «В вопросах веры, – писал он, – нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия»⁸⁰.

Вот откуда истоки отношения Н. Н. Неплюева к православно́й вере и церкви, к русскому Отечеству и народу – понятиям для него абсолютно тождественным.

«Будучи верным сыном церкви православно́й, – не устал повторять Неплюев, – я признаю и с величайшим уважением отношусь ко всем ее догматам, авторитету и правам священной иерархии, равно и к установленному ею чину богослужения и обрядности...

По долгу верности православию, в противность протестантским, лютеранским и всем другим рационалистическим заблуждениям, высоко дорожу союзом мира и любви со всею великою церковью православно́й и всем сердцем желаю, чтобы дело братства нашего было делом общецерковным, церкви православно́й во благо и во славу.

⁸⁰ Из истории русской гуманистической мысли: Осмысление русской национальной идеи и исторической судьбы России / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. М., 1999. С. 6.

По долгу верности православию, вполне признавая исключительные права церковной иерархии, не забывая и необходимости для мирян церковного самосознания, активного отношения к делу вечного спасения и стройной организации по вере жизни церковной.

По долгу верности православию, не могу считать возможным противопоставлять церковь православную вечному главе ее – Христу, ни учения церкви православной – заветам Спасителя мира и потому всегда считал, считаю и буду считать, что церковь православная, оставаясь верною *краеугольному камню своего – Христу*, не отменила высшей заповеди Его – царственного закона любви, не развенчала эту заповедь, не низвела ее на уровень дисциплинарных мер...

По долгу верности церкви православной и по логике церковного самосознания, не могу не понимать, не исповедовать громко, что благо церкви поместной, нашего Отечества и всего человечества главным образом и зависит от того, насколько честно и стройно осуществляется в жизни нашей этот высший, царственный закон о любви к Богу и нелицемерного братолюбия. Именно об этом всегда возносились молитвы в православных храмах, именно это проповедовали представители православной иерархии, все остававшиеся верными животворящему духу церкви и заветов ее главы...»⁸¹.

Именно дело православной веры, любви и повиновения

⁸¹ Неплюев Н. Н. Отношение к церкви // Всероссийское братство. СПб., 1907.

церкви, составляющее для Н. Н. Неплюева самую суть и духовный смысл деятельности основанных им приютов, школ и Крестовоздвиженского трудового братства. Воспитание детей и юношей в добровольной дисциплине труда, взаимные отношения и труд на основе любви к Богу и нелицемерно-го братолюбия – вот для Неплюева идеал осуществления соборности Русской православной церкви не только в храме, но и в повседневной жизни. «Чувствовать себя признанными, верными и любимыми чадами церкви православной и дело наше признанным делом полезным, дорогим, общецерковным, составляет потребность любви нашей и необходимое условие для того, чтобы дело наше было воистину тем делом мира и любви, каким мы желаем ему быть, не только для нас, но и для всех единоверцев наших, и могло принести наибольшую пользу для всей великой православнорусской семьи»⁸².

Русская соборность особенно почиталась мыслителями так называемого славянофильского направления, именно в ней виделось великое преимущество русского народа, возносящее его над народами Европы. Но в отличие от большинства русских философов XIX века для Н. Н. Неплюева важно было не столько осознавать соборное величие русского народа, сколько созидать его. Высшее проявление храмовой соборности православного человека для него было важно распространить на все Отечество. В этом он видел про-

⁸² Там же.

явление своей любви к России.

«Искренне и сознательно любя мое Отечество и русскую народность, я горячо желаю для них мирного преуспевания и самобытного развития в направлении честного осуществления церковной правды. На это дело мира, единения и братолюбия готов служить самоотверженно до конца жизни под неперменным условием сознания моей солидарности с церковью и государством...

Любовь к Отечеству и русской народности полагаю не в том, чтобы находить прекрасным все русское, в смысле современной русской жизнедействительности, как и любовь к церкви полагаю не в том, чтобы оправдывать рутину жизни людей, именующих себя православными, не в том, чтобы находить дурным все в укладе жизни всех иностранцев и иноверцев, а в том, чтобы, сознавая высокие качества русской души и высшую правду православия и самодержавия царя православного, способствовать стройному и честному осуществлению этих идеалов в жизни путем мирного устроения самой жизни на этих основах. Другими словами, любя Россию, желаю не оправдания ее современной жизнедействительности, а светлого преображения жизни ее путем бесконечного, самобытного прогресса.

Любовь к Отечеству заставляют меня строго порицать многие явления жизни, вносящие *вредную*

закваску⁸³, элементы раздора и разложения. Так, я не могу не порицать всех тех, которые, хотя бы и из возвышенных побуждений, нарушают союз мира и любви с церковью и государством, как то делают сектанты в области религиозной и революционеры всяких оттенков, до критиканствующего либерализма включительно, в области политической. Не могу не порицать и легкомысленного преклонения нашей интеллигенции и литературы перед современной атеистической и индивидуалистической западноевропейской культурой, столь противоположной по самому духу своему вере и единению в братолюбии. Не могу не порицать и грубого фанатического шовинизма, воображающего, что может внушить любовь и уважение к Отечеству хвастовством, грубою требовательностью и кулаком, вместо честного осуществления Божией правды в жизни и убеждения умов и сердец в истине этой правды, именно путем честного ее осуществления. Оставаясь верным духу мира и любви, я желаю протестовать против всего этого не путем критики зла и словопрений, а путем исповедования правды и стройного осуществления ее в жизни.

Любовь к моему Отечеству побуждает меня не

⁸³ Ср.: Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины (1 Кор. 5, 6–8). Малая закваска заквашивает все тесто (Гал. 5, 9).

к тому, чтобы противопоставлять интересы России интересам всех других народов, а к тому, чтобы способствовать моему Отечеству осуществить высшую правду и этим путем стать *светом мира и солью земли*⁸⁴ – светочем человечества. Для этого я горячо желаю ей самостоятельности и самобытности, желаю благоразумной осторожности, умеренности в отношениях с Западом, имеющим такое растлевающее влияние на современную нашу интеллигенцию, способного внести в жизнь русского народа яд атеизма, индивидуализма и дурно понятой свободы, ту *вредную закуску*, которая, как духовная гангрена, *распыляет* человечество и разъедает государственные организмы на Западе.

Любовь к Отечеству дала мне возможность оценить по достоинству отличительные качества славянского племени, которому предстоит осуществить в жизни царство любви, как англосаксы осуществили царство разума, а народы романского племени – царство ощущений. Согласно с этим я сознательно не желаю для моего Отечества ни увлечения рационализмом, ни увлечения осложняющим жизнь материальным комфортом.

Любовь к Отечеству, желание для него мира и единения в братолюбии, побуждает меня желать

⁸⁴ Ср.: Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 13–14).

объединения всех народностей, его составляющих, путем добровольного и сознательного слияния с господствующею расою, того, что принято называть обрусением, и именно потому не сочувствовать насильственному обрусению путем гонения на инородческие языки, одежды и учреждения, что может только возбуждать враждебность и таким образом отдаляет возможность мирного, добровольного соглашения.

Любовь к моему Отечеству заставляет меня горячо желать, чтобы православный русский народ возрос духовно до ясного самосознания высшей правды своих основ: православия, самодержавия и народности, в смысле самобытного прогресса, путем честного и стройного осуществления своих идеалов, доказал их жизненную правду и тем покори́л этой правдой умы и сердца всех других народностей, входящих в состав Российской империи, а затем и всего человечества»⁸⁵.

Это понимание значимости прогресса, осуществляемого на ниве русской самобытности, особенно роднит Н. Н. Неплюева с И. В. Киреевским. Правда, если для Киреевского главной была идея *очищения* ума, возвращение его в исконный святоотеческий контекст, то для Неплюева было характерно восприятие личности, личного духа русского человека как еще недостаточно пробудившегося в народе. В воспри-

⁸⁵ Неплюев Н. Н. Отношение к Отечеству // Всероссийское братство. СПб., 1907.

ятии Николая Николаевича личность русского человека была еще слишком погружена в природную стихию народной жизни. Поэтому соответствующее, что называется, практикоориентированное обучение основам христианского мировоззрения, воспитание в духе православной нравственности, трудовое братство как модель будущей общероссийской православной жизни.

Все познания человеческие, в совокупности своей, составляют один общий организм, одно, так сказать, тело ума человеческого. Господственная часть этого тела, голова этого организма, заключается, без сомнения, в религиозных и нравственных убеждениях – вот главная мысль И. В. Киреевского, которую он успешно развил в трех своих очень значимых для него и актуальных для потомков сочинениях: «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», «Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России» и «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах»⁸⁶.

В отличие от Н. Н. Неплюева И. В. Киреевский никогда не ставил перед собой задачу духовно-нравственного преобразования крестьян, собственником которых он являлся. Однако вопросами образования народа он занимался и зани-

⁸⁶ См.: Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Сост. А. Ф. Малышевский. Калуга, 2006; Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4-х т. Т. 1 / Сост., научн. ред. и коммент. А. Ф. Малышевского. М., 2020. Электронное и печатное издания.

мался непосредственно. Дело в том, что в 1839 году Киреевский был выбран почетным смотрителем Белёвского уездного училища⁸⁷ и эту должность занимал до своей кончины.

Приняв на себя обязанности почетного смотрителя, И. В. Киреевский должен был не только заботиться о материальном благосостоянии училища, держать под надзором его хозяйственную часть, но и следить за его управлением, присутствуя на педагогических советах. Однако более всего его волновало нравственное воспитание подрастающего поколения через православную веру, так как подлинная, правильная и истинная жизнь человека обретается в православии.

В этом вопросе особо важен глубинный смысл православия, *вскрытый* Киреевским и *подхваченный* впоследствии Неплюевым. Православие сформировало многие черты национального своеобразия, определило доминанты русской культуры, литературы и искусства. Именно православие сформировало пристальное внимание человека к своей духовной сущности, стало основой русского миропонимания и русского способа бытия в мире. *Западный человек*, – для Киреевского, – *искал развитием внешних средств облег-*

⁸⁷ Для справки: уездные училища назывались так по месту своего нахождения (в уездных городах). Уездные училища считались начальными учебными заведениями 2-й ступени (после приходских училищ) и предназначались для обучения мещанских и купеческих детей (в течение трех лет). В уездных училищах преподавались Закон Божий и священная история, русский язык, арифметика и геометрия, география, русская и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование.

чить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд.

Для И. В. Киреевского, жившего в первой половине XIX века, а потом и для Н. Н. Неплюева – человека второй половины XIX – начала XX вв., было важно, чтобы подлинная суть православного мироосмысления стала сущностью первоначального образования народа, делавшей школу преддверием церкви в нравственно-этическом ее значении. Киреевскому в особенности не давали покоя, приводили к мучительным раздумьям вечные вопросы, стоящие перед российской школой: «Что если понятия, получаемые народом посредством грамотности, будут неистинные или вредные? Если вера вместо своего утверждения и развития встретит только запутанность и колебание? Если нравственность классов высших хуже народной, и, следовательно, большее сближение с ними ослабит нравы и привычки добрые, вместо того чтобы просветить и просветлить их? Если, выходя из прежнего круга понятий, <человек> не находит другого круга сомкнутого, полного и удовлетворительного, но встречает смещение познаний, без опоры для ума, без укрепления для души? Что если прежнее состояние так называемого невежества было только состоянием безграмотности? Если, может быть, народ уже прежде имел и хранил в изустных и обычных преданиях своих все корни понятий, необходимых для правильного и здорового развития духа? Если его ошиб-

ки против нравственности были не столько следствием ложных мнений, сколько следствием человеческой слабости, сознающей, впрочем, свою незаконность, – слабости, которая обыкновенно только увеличивается посредством грамотности? Если большее познание законов не увеличит чувства законности? Если, основываясь на худшей нравственности, оно произведет одно желание – подыскиваться под буквальность форм и пользоваться познанием закона только для безопаснейшего уклонения от него? Если словесность государства или ее часть, доступная народу, представит ему пищу для ума бесполезную, не представляя необходимой, и выведет его любопытство из сферы близкого и нравственного в сферу чужого, смешанного, ненужного <...>?»⁸⁸.

Для И. В. Киреевского было важно одно, чтобы видимое смягчение нравов не заменило разврата нравственности, улучшения внешние не заменили упадка внутреннего, наслаждения чувственности – страданий душевных, а все вместе не привело к утрате личного достоинства. В этой связи, направления первоначального образования сводились к следующему:

- направление народного образования должно стремиться к развитию чувства веры и нравственности преимущественно перед знанием;
- лучшее средство к сей цели есть изучение славянского

⁸⁸ Киреевский И.В. Записка о направлениях и методах первоначального образования народа в России.

языка, дающее возможность церковному богослужению действовать прямо на развитие и укрепление народных понятий;

– методы преподавания в школах должны сообразоваться с самой целью первоначального обучения;

– вследствие этого изменения методы должны клониться к быстрейшему сообщению возможно больших сведений о предметах нужных при возможно меньшей книжности и к соединению истин практических с нравственными.

И. В. Киреевский видел становление русской православной школы как основы процветания русской православной культуры в претворении в жизнь святоотеческой мудрости. Он почувствовал, а преподобные Оптиной пустыни укрепили его в помыслах, что высшее познание истины связано с целостностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека.

Познание истины должно быть пребыванием в истине, то есть делом не одного лишь ума, а всей жизни... Только в мышлении верующего происходит, как отмечал И. В. Киреевский, двойная работа: следя за развитием своего разума, он вместе с этим следит и за самим способом своего мышления, постоянно стремится возвысить разум до того уровня, на котором бы он мог сочувствовать вере. Знание живое приобретает по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в душе одну наружность своей фор-

мы. Таким образом, духовное просвещение в противоположность логическому знанию связано с нравственным состоянием души и потому требует подвига и нравственного напряжения. Живые истины не те, которые составляют мертвый капитал в уме человека, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и, по природе своей не могут быть явными, общими для всех, ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного прикосновения.

Эти истины, выведенные И. В. Киреевским, к сожалению, не стали уделом ни повседневной российской жизни, ни образовательной практикой. Внести свой вклад в преодоление выявленного русской православной философией противоречия было предоставлено Н. Н. Неплюеву. Читая сочинения Неплюева, поражаешься, насколько глубина и сила мысли Киреевского приобрела в них актуальную значимость и ярко выраженный практический посыл:

«Невозможно достичь благоприятных результатов, смешивая дело воспитания с делом дрессировки, корыстную дисциплину с дисциплиною добровольною, устрашающие наказания и подкуп наград с бескорыстием любви и нравственным влиянием.

Воспитание умственное и физическое должно быть

приведено в стройную гармонию с воспитанием нравственным, составить с ним одно целое, дисциплинируя и улучшая разум, тело и волю.

Невозможно воспитывать волю, ограничиваясь проповедью нравственности и благими советами. Необходимо, чтобы добро было стройно организовано в жизни детей... так, чтобы дети могли немедленно прилагать на практике даваемые им советы.

Так, проповедуя детям вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всем этом показывали им добрый пример, чтобы внутренняя жизнь школы и все отношения в ней были стройно организованы на этих началах, чтобы воспитанники приучались быть им верными в мелочах повседневной жизни и имели практику истинно братских отношений. Только при этих обстоятельствах они могут постепенно возвышаться до высоты нравственного преобразования, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тех, кто раньше находил естественными злобу, безразличие и разнузданность.

Первая ступень стройной организации добра в жизни школы состоит в организованном союзе между всеми детьми доброй воли, составляющими братский кружок, что может создать здоровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи в деле нравственного самоусовершенствования.

Вторая ступень – старший братский кружок, объединяющий все лучшие нравственные силы школы

на дело систематического нравственного воздействия на младших летами и духом товарищей.

Наказания и награды должны быть заменены еженедельными собраниями, подводящими итоги нравственной жизни школы, долженствующей иметь характер единоклубной, тесно сплоченной семьи, все члены которой настолько любят и уважают друг друга, что высшим наказанием для них является порицание собрания, а лучшей наградой – его одобрение. Даже самые трудные в воспитательном отношении дети могут быть терпимы в школе до тех пор, пока их дурное поведение зависит от легкомыслия или дурных привычек. Они должны быть исключены, когда начинают проявлять нелюбовь и неуважение к школе и становятся таким образом *вредною закваскою* для нее»⁸⁹.

Новая практика воспитания детей должна стать и новой практикой организации их труда. В этой дихотомии весь Н. Н. Неплюев. Для него после воспитанного и обученного на началах православия человека, его *труд должен быть стройно организован на начале братолюбия, без чего в экономической области неизбежны грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный мир, которые приведут к разъединению и озлоблению, сделают бесплодными и смехотворными все попытки, более сентиментальные, нежели разумные, исправить зло, с одной стороны – пропо-*

⁸⁹ Неплюев Н. Н. Конгресс единого человечества. СПб., 1900.

ведью мира и единения, с другой – беспорядочную благотворительностью.

«Вопрос не в том, чтобы найти работу для тех, которые в ней нуждаются, не в том, чтобы поднять заработанную плату тех, у кого работа есть. Все это входит в разряд благотворительности и улучшает положение отдельных лиц и семей, не изменяя характера общего положения дела, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренций, борьбы, разъединения и озлобления.

До тех пор, пока работа самая тяжелая и неприятная будет с тем вместе и наименее выгодною и почетною, борьба за положения почетные, выгодные и приятные будет неизбежна.

Необходимо, чтобы сам характер работы совершенно изменился, чтобы работа перестала быть средством наживы и карьеры, что глубоко безнравственно и приводит неизбежно к ожесточенной борьбе со всеми теми, кто одновременно желает наживаться и делать свою карьеру, приводит общество к обману вооруженного мира между конкурентами.

Необходимо, чтобы труд стал насущною потребностью любви, актом братского героизма, совершенно свободным от всякого принуждения, от всякой эксплуатации, особенно от всякого характера продажности и корысти. Надо, чтобы все роды труда давали одинаковые права на совместно вырабатываемые ценности и чтобы труд самый тяжелый

и неприятный вознаграждался общественным мнением, особою общественною благодарностью и уважением, когда он совершается в духе самоотвержения, смирения и любви.

Необходима трудовая община, стройно организованная на истинно братских началах, для того, чтобы труд находился в этих условиях. Только трудовая братская община и представляет истинное разрешение социальной задачи, может стройно организовать жизнь, отношения и все роды труда на основе мира, любви и единения.

Между богатыми все люди доброй воли те, которых не забавляют легкие победы среди жизненной борьбы, те, кто искренне желает общего блага, должны понять нравственное преимущество этого мирного разрешения социального вопроса. Отдавая таким трудовым общинам в аренду свои земли и заводы, они в бесконечно большей степени, нежели это есть в настоящее время, почувствуют себя в гармонии с идеалами, со своею совестью и общим благом»⁹⁰.

Исследуя творчество и И. В. Киреевского, и Н. Н. Неплюева, все больше понимаешь, что в истории России слишком много субъектов. Это и многочисленные ландшафты, и не менее многочисленные народы, населяющие их, и российская государственность, и российская интеллигенция с ее мятущимся сознанием как особые образования, собирающи-

⁹⁰ Неплюев Н. Н. Организация труда // Конгресс единого человечества. СПб., 1900.

еся в понятия природа, народ, государство, церковь, человек, личность, дух...

Вслед за Киреевским Неплюев хотел преодолеть состояние какофонии, в котором пребывают субъекты российской истории, через преодоление в российском обществе какофонии структурно-функциональной и гуманистической концепций обучения и воспитания, закрепленных в европейском сознании следующими историческими аналогиями. Так, в эпоху греко-римской античности бремя истины приходилось на долю учителя, который должен был подчиняться целому комплексу правил, чтобы говорить истину и чтобы истина могла произвести должный эффект. Напротив, в основании древнейшей христианско-православной традиции лежит представление о том, что истина исходит не от того, кто наставляет душу. От ведомой души требовалось говорить ту истину, которую может сказать лишь она одна, которой обладает она одна, и которая является одним из основополагающих элементов той операции, посредством которой изменяется способ ее существования. Следовательно, суть христианско-православной духовности времен Отцов Церкви заключается в том, что ведомый субъект должен присутствовать внутри истинного суждения как объект своего собственного истинного суждения. В суждении ведомого субъекта высказывания должен быть референтом высказывания.

Я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих.

Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню.
От всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы
хранить слово Твое;
От судов Твоих не уклоняюсь, ибо Ты научаешь
меня⁹¹.

Для И. В. Киреевского и Н. Н. Неплюева была ясна глубинная философско-антропологическая суть конфликта. Так, греко-римская античность настаивает на тождестве человека со всемирно-космической субстанцией. Человек есть малый мир, микрокосм (термин, впервые встречающийся у Демокрита), повторяющий в менее совершенном виде образ космоса. Натурализм у досократиков, а затем атомистов растворяет человеческий мир в стихиях космоса и потому фактически ликвидирует антропологическую проблему.

Эпоха софистов и Сократа, сменяющая досократовскую натурфилософию и предваряющая платоновско-аристотелевскую метафизику, так называемый антропологический период греческой философии, определила человека как меру всех вещей (Протагор); основой гражданского общежития должны стать не законы богов, единосущные законам космоса, но человеческая природа. Сократ с еще большей решительностью требовал перейти к исследованию дел человеческих; внутри человеческого сознания он усматривал, однако, объективно значимые инстанции, которые лежат для него в человеческом разуме. Злая воля, по Сократу, есть просто

⁹¹ Пс. 118, 99–102.

ошибка ума, ложное умозаключение человека о том, что есть для него благо.

В платонизме человек осмыслен как носитель духа, но сам дух оказывается внеличным, субстанциальным. Платонизм понимает человека как комбинацию двух сущностно разнородных начал: души и тела. Душа принадлежит к миру бестелесных богов-идей, и ее приход в здешний мир – всего лишь падение. Аристотель, в противоположность Платону, настаивает на взаимопредназначенности души и тела. Плотин разворачивает платоновское представление о *мировой душе* в теорию монопсихизма (душа, единая в своей сущности, только на уровне явления дробится на индивидуальные души).

Позднеантичная мистика создает учение о первочеловеке как божественном существе, вмещающем всю смысловую структуру космоса (рассматриваемого уже как вторичное по отношению к первочеловеку); этот образ переходит в христианский гностицизм и в иудейскую мистику, совмещая мотивы платонизма с новой, повышенной оценкой человека сравнительно с космосом.

Христианско-православная традиция зиждется на иных основаниях, имеющих в отличие от греко-римской античности не головной, а сердечный характер (только в Ветхом Завете сердце упоминается 851 раз). Человек в ней осмыслен как пересечение противоречий между Богом и миром, разворачивающихся во временном историческом процессе. В

своей сотворенности он противостоит несотворенности Бога, в своей вечности – абсолютному *Я* Бога. Но если его тело сделано как вещь, то его душа есть дуновение самого Бога, и в качестве не-вещи человек противостоит Богу как партнер в диалоге. Власть Бога над человеком осуществляется как словесно выраженный в заповеди приказ от одной воли к другой, и поэтому человек может послушаться Бога. Человек удостоен образа и подобия Божия, но, в отличие от природных существ, которые не могут утратить своего богоподобного образа, человеку дано самому разрушить свое богоподобие. Его путь, начатый грехопадением, разворачивается как череда драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно.

Но главное отличие греко-римской антропологии от антропологии христианско-православной состоит в том, что последняя неизменно строится на предпосылке библейской веры. Христианство учит о грехопадении человека как его тягчайшей космической вине и об ответном вочеловечении Бога ради искупления и прославления человеческого рода. В лице нового Адама, сына человеческого – Христа человек вмещает в себя всю полноту Божества: если Христос – Богочеловек по естеству, то каждый христианин потенциально есть Богочеловек по благодати. Не случайно именно в христианско-православной традиции откristаллизовывается термин *сверхчеловек*. В гносеологической плоскости самопознание признается источником богопознания. Но бо-

жественный статус человека в эмпирической плоскости закрыт покровом его морального и физического унижения. Если образ Божий присутствует в человеке как его неотъемлемое, хотя и ежечасно оскверняемое достояние, то подобие Божие не столько дано, сколько задано человеку. Человек оказывается разомкнутым в направлении как божественно-сверхчеловеческих возможностей, так и бесовских внушений, расщепляющих волю. Это мучительное раздвоение внутри человеческого *Я* и эсхатологическая жажда преодолеть его особенно ярко выражены в Посланиях святого апостола Павла.

Конечно, в контексте исторического развития христианско-православной теологии есть устойчивые аналогии между схемой человеческого существования, исходящей из полярности благодати и греха, и схемой античной идеалистической антропологии с ее противоположением духа и тела, идеи и материи. Однако подлинное размежевание И. В.

Киреевский, а вслед за ним и Н. Н. Неплюев видят для христианско-православной антропологии не между материальной и нематериальной субстанциями в человеке, а между духовным человеком, у которого и тело также духовно, и плотским человеком, в котором и дух отмечен безвольно-своевольной внушаемостью плоти (термин *σαῶξ* в послании апостола Павла не тождествен термину *тело*, он означает именно принцип греховного своеволия).

Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его,

то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. <...> А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. <...> Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены⁹².

Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. <...> Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть. <...> И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным. <...> Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. <...> Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. <...> Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному

⁹² Рим. 6, 5–7; 8, 10; 12, 4–5.

истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены. <...> И если я раздам все имение мое и отдам тело

мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. <...> И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. <...> Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное⁹³.

И все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем⁹⁴.

Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования. <...> Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. <...> И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром

⁹³ 1 Кор. 6, 13, 16; 9, 26–27; 10, 17; 11, 23–24; 12, 8–27; 13, 3; 15, 37–38, 42–44.

⁹⁴ Гал. 1, 22–23.

учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству оболыщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви⁹⁵.

Наше же жительство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё⁹⁶.

Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь. <...> Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело — во Христе. <...> не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим⁹⁷.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа⁹⁸.

Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы,

⁹⁵ Еф. 3, 6; 4, 4–6, 11–16.

⁹⁶ Флп. 3, 20–21.

⁹⁷ Кол. 1, 24; 2, 16–17, 19.

⁹⁸ 1 Фес. 5, 23.

через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! <...> Посему Христос, входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. <...> Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над домом Божиим, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший⁹⁹.

Преодоление плоти – не высвобождение духа из плена телесности (как в неоплатонизме, гностицизме, манихействе и т. п.), но одухотворение самого тела.

Для И. В. Киреевского, в частности, не менее важно было и другое обстоятельство. А именно то, что и в самой патристике вырабатывается типологическое различие между двумя подходами к проблеме человека. Тип христианской антропологии, исходящей из идеи всечеловеческого соборного *Я* (заданного как единство *полноты души*), представлен у Григория Нисского и впоследствии характерен для право-

⁹⁹ Евр. 9, 13–14; 10, 5–6, 19–23.

славия. Тип христианской антропологии, исходящей из идеи индивидуального *Я*, в своем одиночестве раскрытого абсолютному *Я* Бога, представлен у Августина и впоследствии характерен для католицизма и протестантизма. Второе типологическое различие (выявляющееся в антропологии западного Средневековья) – соперничество между платонической (Августин) и аристотелианской (Фома Аквинский) традициями в трактовке взаимоотношения души и тела.

Диспропорция в российской жизни и в российском образовании греко-римской античности и христианско-православного начала имеет для И. В. Киреевского принципиальное значение. В ней он видел суть разупорядоченности России с Западом, породившей в российской государственности стремление синхронизировать время и российское пространство. Не менее значим этот разрыв был и для Н. Н. Неплюева. О современном ему положении западных стран он писал буквально следующее:

«Близкое знакомство с Западом привело меня к убеждению, что он большими шагами идет к неизбежной анархии, что это не зависит от случайных, неблагоприятных обстоятельств, которые могут быть изменены, а логично вытекает из самых основ современной западноевропейской культуры, от которых отравленное ими человечество не откажется раньше, чем скорбным опытом изведает всю силу их зловердности.

Главная из этих основ *индивидуализм*, возведенный

в главенствующий принцип, в неотъемлемое право человека. Второстепенные догматы, логично вытекающие из этого верховного догмата: 1) неотъемлемое право всякого человека на всестороннее развитие своей индивидуальности и широкое ее проявление, *независимо от нравственного достоинства самой индивидуальности* и требований общего блага; 2) неограниченная свобода индивидуальности в смысле неограниченного своеволия.

Это и есть истинный *демонизм*, гораздо более опасный, чем тот грубый *демонизм*, который выражается в служении обедни сатане и в официальном подготовке антихриста небольшою сектою изуверов во Франции и Англии. Этот бессознательный демонизм насчитывает миллионы последователей, возводящих в принцип эгоизм и своеволие, признавая их неотъемлемыми правами человека, во имя их отрицая всякую религию, всякую нравственность, всякий порядок, всякую организацию. Этот бессознательный демонизм древен, как мир, который *весь во зле лежит*¹⁰⁰. Первым индивидуалистом был сатана, провозгласивший свое право на безграничную свободу индивидуальности, ради нее нарушив единение мира и любви, ради нее изменив Богу и великому Братству Царства Его.

Быстрые успехи в области наук и прикладных знаний до того отуманили умы и сердца, по гордости

¹⁰⁰ Ср. Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19).

и злобе грешного человечества, что оно почти поголовно страдает манией величия, воображает себя Богом, Творцом, Спасителем и Утешителем. Именно это настроение и выразилось в догмате свободы индивидуальности, который и налагает печать свою на всю современную культуру и воспринимается бессознательно миллионами людей, как необходимая принадлежность истинной культуры и истинной интеллигентности.

Ближайшими последствиями демонического культа безграничной свободы индивидуальности в области мысли является атеизм, проповедь безверия и безнравственности, осмеяние всякого авторитета и всякой организации, поругание всякой святыни, всего возвышенного, вытравление высоких чувств любви, смирения, благоговения. Все это признается предрассудками, мешающими широкому проявлению свободной индивидуальности.

Ближайшими последствиями его в области практической жизни является, по сознанию одного из умнейших представителей современной Франции, *распыленность человечества, ставшего ни на что негодную индивидуальную пылью*, для которой тягостны и ненавистны всякая организация, всякое соглашение, всякий порядок. Отсюда неизбежность бесконечной, ожесточенной, грубой борьбы свободных индивидуальностей, вооруженный мир не только в области международной, но и во внутренней жизни государства, в области социальной, даже в семейном

быту.

Атеизм лишает практической возможности найти какие-либо объединяющие начала; *индивидуализм* отнимает всякую практическую возможность самоограничения, *свобода*, понимаемая в смысле *своеволия*, делает практически невозможными всякую организацию, всякий порядок.

Распыленное человечество естественно, по наклонной плоскости, стремится к анархии и, только пережив все ужасы хаоса, может быть, покается и откажется от своих излюбленных кумиров.

Всякие попытки в направлении коллективизма со стороны правоверных исповедников свободы индивидуальности – простое недоразумение, которое на практике неизбежно разобьется об эту самую свободу индивидуальности.

Противоположные течения религиозные и гуманитарные, которые есть, которых много, которые проявляют лихорадочную деятельность, окажутся бессильными по следующим причинам: 1) представители этих движений по большей части задорны в полемике из-за принципов и очень робки в деле их осуществления, *довольствуются паллиативами* и бессистемною благотворительностью вместо того, чтобы стройно организовать жизнь на началах веры, любви и братства; 2) *в неравной борьбе* со своими противниками они всегда будут побеждены, если не изменят своим принципам и не сравняются с ними в беспринципности и грубости орудий борьбы;

3) *нет власти* достаточно независимой, авторитетной и сильной, которая могла бы обеспечить за ними возможность мирного житья среди окружающего хаоса.

Марксизм, как его теперь понимают, нитцшенианство, Ибсен в литературе – особенно яркие проявления этого духа времени, все разрушающего ради свободы индивидуальности и ничего не способного создать из верности тому же принципу»¹⁰¹.

Западный опыт внедрялся в российскую действительность многократно, внедрялся властными структурами сверху, насильственно. Он не был органичен для традиционной почвы, а скорее выглядел как трансплантация, как искусственный орган, внедряемый в чужую культуру. Он трансформировал ее, сталкиваясь с противоречащими ему традициями. Соппротивление традиций обычно приводило к откату после реформ, а иногда и к смутным временам; но оно полностью не зачеркивало нового опыта. Сложная его ассимиляция приводила затем через некоторое время к всплеску культурных движений, обогащающих европейскую и мировую культуры. Так было и после петровских реформ, эхом которых в российской культуре стал золотой XIX век. Поэтому то, что трансплантировалось и затем усваивалось, возвращалось в Европу в виде новых достижений. Но Россия после всех этих многократных трансплантаций Европой не стала,

¹⁰¹ Неплюев Н. Н. Современное положение Запада // Всероссийское братство. СПб., 1907.

она осталась гибридом. Ведь формальные образования в известном смысле есть антиобразования, так как нацелены на остановку, стабилизацию формы.

Такая уверенность продиктована тем, что русская культура, при всех сложностях и перепетиях ее существования есть культура книжная, освященная идеалами православия и зародившаяся, по словам И. В. Киреевского, с первым ударом христианского колокола. Но при этом важно, чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении святой православной церкви, вполне проникли в убеждения всех степеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своей полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие, и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России¹⁰². Иными словами, русская культура не имеет ценности без ценностей духовных и нравственных. Она в основе своей духовна, ибо является культурой духа. Эта духовность имеет всеохватывающее значение и проявляется во всем укладе жизни, в обычаях, в исканиях мыслителей, в народном творчестве и в классической литературе... В этом же контексте Н. Н. Неплюев подчеркивал особую духовно-стабилизирующую роль российского самодержавия:

¹⁰² См. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России; Неплюев Н. Н. Что есть истина?

«Верноподданный моего государя, я искренне и всем сердцем желаю, солидарно с государственною властью, работать на благо Отечества, признавая это благо вполне солидарным с честным осуществлением правды Божией в практике жизни православной России. Сознать, что моя деятельность одобряется верховым вождем России, на лоне которой я действую, составляет потребность моей любви к государю и уважения к авторитету власти его. Жить и действовать в доме, сознавая себя в разладе с его хозяином, я считаю настолько нечестным, неблагородным, унижительным, что чувствовал бы себя совершенно парализованным и не мог бы помириться для самого себя с таким положением.

Самодержавие *Божией милостью* православного царя считаю наилучшею формою правления, наиболее гарантирующею возможность мирного прогресса и дружной гармонии всех составных элементов государственного организма. Так думаю не по обязанности, не страха и угодничества ради, не по рутине традиций рода, более шестисот лет служившего престолу и Отечеству, а по совести и по опыту жизни и близкого знакомства с положением вещей в конституционных и республиканских государствах Западной Европы.

Самодержавие *Божией милостью* прямо противоположно самовластию языческого или свободомыслящего деспота. Это лучшее и худшее, день и ночь, причем центр тяжести, животворящий дух,

решающий нравственное достоинство власти и формы правления, заключается не в слове *самодержавие*, а в словах *Божией милостью*.

Самодержавие *Божией милостью* царя православного есть лучшая гарантия уважения к правам всех подданных без различия классов и партий, лучший залог мирной и солидарной деятельности всех элементов государства на пользу общую. Никакая хартия, никакой договор не может быть гарантией равносильною сознанию венценосного помазанника, что он получил власть свою от Бога-Любви, высшего разума мира, является делегатом Его на земле, обязан осуществлять правду Его в жизни своих подданных и утрачивает все права свои, становясь крамольным по отношению к *Царю царствующих и Господу господствующих*¹⁰³.

Самодержавие *Божией милостью*, по мере своего самосознания, гарантирует уважение к человеческой личности более всяких деклараций о правах человека, гарантирует от фаворитизма, неизбежного в разгар партийной борьбы и от развращающего влияния избирательной агитации, столь губительно действующей на нравственность

¹⁰³ Ср.: Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе соблудности заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь (1 Тим. 6, 13–16).

современных народов, обладающих либеральными учреждениями, гарантирует свободу всех в бесконечно большей степени, нежели свобода борьбы между партиями, желающими свободы каждая для себя и признающими право на свободу только за собою.

Самодержавие *Божией милостью* не только не требует гордого обособления верховной власти от народа, не только не мешает проявлению воли народной путем выборов, совещательных земских собраний, но даже по самой сути своей требует сердечного единения, единомыслия и единодушия всей великой семьи с Богом данным царем-батюшкой.

Самодержавие *Божией милостью*, более всякой другой формы правления, для правильного хода государственной жизни требует ясного самосознания как от представителей власти, так и от массы народной. В этом самосознании гарантия взаимных чувств любви и уважения, единомыслия и единодушия, духовной устойчивости, самобытного мирного прогресса и непреодолимой мощи православной России. При этом народ сознает святым долгом своим искренне и честно исповедовать жизненную правду, откровенно и доверчиво высказывая сердечные желания свои, с любовью и уважением признавая в то же время за самодержцем право соглашаться с желаниями меньшинства, каждый раз как желания эти, более желания большинства, совпадают с правдой Божией, а

следовательно, и с общим благом»¹⁰⁴.

Несмотря на духовные искания русских православных философов первой половины XIX века, в сознании правящих кругов России как метод развития укоренилась так называемая догоняющая модернизация, основанная на заимствовании фрагментов технологической культуры Запада и внедрении ее достижений в социальное тело России. Однако появление новых форм техники и технологии, новых способов общественного разделения труда не привело к преобразованию системы мировоззренческих универсалий народа, к смене его глубинных смысложизненных ориентиров, разве что деформировало их. В последней четверти XIX столетия это прекрасно почувствовал и во всей своей полноте выразил Н. Н. Неплюев.

Знакомясь с жизнью и трудами Николая Николаевича Неплюева, мы имеем прекрасную возможность не только получить представление об оригинальности и глубине русской православной культуры, почувствовать стремление утвердить русскую философию на ее собственном фундаменте – православии, но и проследить во всей своей полноте *столкновение* европейского опыта и традиционной русской социальности, *прикоснуться*, тем самым, к корням извечной русской проблемы взаимосвязи просвещенных слоев общества и народа.

¹⁰⁴ Неплюев Н. Н. Отношение к престолу // Всероссийское братство. СПб., 1907.

Приложение

Н. Неплюев. Христианская гармония духа¹⁰⁵

Глава I. Христианское мировоззрение

§ 1. Бог Отец

Ибо хотя и есть так называемые боги или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им¹⁰⁶.

Бог есть Альфа

Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был, и грядет, Вседержитель.<...>Я был в духе в день воскресный и

¹⁰⁵ Составление, научная редакция и примечания А. Малышевского. Все тексты Н. Неплюева приведены в соответствие с нормами современного русского литературного языка при сохранении их авторской стилистики.

¹⁰⁶ 1 Кор. 8, 5–6.

слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний <...>. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой¹⁰⁷.

Все существующее создано Богом, всеблагим (высшая любовь), всеведущим (высший разум), всеправедным (высшая святость), вечным, всемогущим, всеведующим, неизменяемым, вседовольным и всеблаженным.

Как высшая любовь, Господь Бог все создал для блаженства вечного и благими путями ведет к этой благой цели.

Как высший разум мира, Господь Бог все создал вполне разумно и разумными путями ведет к разумной цели.

Как высшая святость, Господь Бог добровольно совершенен и не может ни мириться, ни уживаться со злом.

Воля Божья, как воля высшей любви и высшего разума, есть не только высшее, но и единственное разумное благо в мире, вмещает в себе все добро и одно добро. Все, что согласно с волей Божьей, и есть разумное и единый разумный путь к высшему благу, соответствуя разумному и благому пути к разумной и благой конечной цели бытия.

Вне воли Божьей одно зло и *томление духа*¹⁰⁸; все, с волей

¹⁰⁷ Откр. 1, 8, 10; 21, 6.

¹⁰⁸ ...*томление духа*... – Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа! <...> И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает

Божьей несогласное, есть неразумное и злобное уклонение от разумного и благого пути к разумной и благой конечной цели.

Во все перечисленные свойства Божьи мы верим и не можем не верить не только потому, что они поведаны нам Откровением, но и потому, что нельзя разумному существу разумно отвергнуть хотя бы одно из них, продолжая верить в разумность бытия и возможность разумной жизни, потому что нельзя доброму существу отвергнуть хоть одно из них, не впадая в беспросветное отчаяние абсолютно безнадежного пессимизма.

Попробуем отказаться от веры в одно из поведанных нам свойств Божьих и вникнем в неизбежные логичные результаты нашего неверия для ума, сердца и жизни нашей.

Предположим, что мир не создан Богом любящим. Отвергнем благодать Божью. У нас не останется никакого разумного основания верить в конечную победу добра и стремиться к нему; самая любовь перестанет быть разумною, те-

скорбь. <...> И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! <...> И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа! <...> Не во власти человека и то благо, чтобы есть, и пить, и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него? Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость, и знание, и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа! (Еккл. 1, 14, 17–18; 2, 11, 17, 24–26).

ряет свое место в общей экономии мира, нисходит до степени неразумного инстинкта и вредного в деле борьбы за существование предрассудка. Разумная любовь превращается в неразумную сентиментальность; надежда на конечную победу добра не имеет никакого разумного основания, и жизнь превращается для доброго человека в бессрочную каторгу и бессмысленное прозябание, среди безразличных и равноправных явлений окружающей жизни. Только любовь Творца дает разумный, вечный смысл и любви творения, делает разумными надежду и самоотвержение. Неверие в благость Творца узаконивает, делает разумным грубый эгоизм и мрачное отчаяние; при таких обстоятельствах неизбежен выбор между благородным самоубийством безнадежной любви и подлым прозябанием ради пьянства жизни, уживающегося со злом.

Предположим, что мир не создан Богом разумным. Отвергнем всеведение Божье. Не признавая разумность Творца, мы не имеем никакого разумного основания признавать разумность творения, разумность жизни мира, разумность скорбей и страданий, разумность конечной цели бытия. Не признавая разумность целого, не имеем никакого разумного основания признавать разумным и часть этого неразумного целого – человечество и часть этой части – самого себя.

В результате хаос мысли и жизни среди хаоса материи. Именно хаос, не становящийся разумною гармонией оттого, что изучают свойства этого хаоса. Даже теория машинооб-

разности мирового организма не имеет никакого разумного смысла без веры в разумного Творца этой мировой машины.

Предположим, что мир не создан Богом святым. Отвергнем всеправедность Творца. Само понятие о правде и святости теряет для нас всякий разумный смысл. Святость – ведь это устойчивая гармония духа, при которой разум, подчиняясь любви, самодержавно властвует над ощущениями, – гармония духа столь трудно достижимая среди дисгармонии духа и жизни этого *мира, который весь во зле лежит*¹⁰⁹.

Только твердая вера в святость Творца и может дать спасительное убеждение в том, что святость есть явление нормальное, более того – необходимое условие того высшего блага, которое и есть конечная цель творения; без этого убеждения мы не имеем никакого разумного основания верить в саму возможность святости, никакого разумного основания путем трудных самоограничений и многих скорбей к ней стремиться.

Неверие во всеправедность, в святость Творца логично приведет к убеждению, что святость – наивная утопия, стремление к ней – благо глупость и наивная сентиментальность; что разумная практичность состоит в том, чтобы как можно выгоднее и приятнее устроиться среди хаоса и дисгармонии, совсем не задаваясь гордою мечтою достигнуть святости и водворить гармонию в жизни.

¹⁰⁹ ...мира, который весь во зле лежит... – Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19).

Только вера в святость Творца претворяет стремление к святости в духе и жизни из гордого безумия в разумное смиренное согласование воли своей со святою волею Бога святого.

Замечательно, что и непонимание святости Божьей приводит верующих так называемую простою верою к тем же результатам, как и неверие в это свойство Божье. Они неизменно строят все свои расчеты на успокоительной надежде на милосердие Божье, совсем не принимая в расчет Его святость: зачем им делаться святыми и свято устраивать свою жизнь, когда Богу можно угодить и без святости. Вопрос о том, как достигнуть святой гармонии духа, стать братом духовным для жителей рая и тем дать право Богу всеправедному допустить нас в святое братство Царства Божьего, подменяется вопросом о том, какую цену купить благоволение Бога и право на вход в Царство Небесное. Стать святым, работать на освящение себя, других и всего строя жизни бесконечно трудно, когда любовь не занимает в жизни нашего духа место первое; гораздо легче соблюдать обряды внешнего культа, выполнять благочестивые упражнения и делать так называемые богоугодные дела.

Предположить, что мир не создан Богом вечным, всемогущим, вездесущим и неизменяемым, и тотчас ускользает у нас почва под ногами: нет разумного основания верить в конечную и прочную победу добра, нет и разумного основания чем-либо жертвовать ради достижения этого мифического

добра на час.

Если Бог не вечен, не вечно и добро, не вечно и то блаженство, вера в которое живет в глубине каждой живой души, придает разумный смысл его сознательно скорбному земному бытию и каждому мгновению его жизни разумный, вечный смысл, дающий право жить.

Если Бог не всемогущ, где разумное основание надежды на то, что Творец может довести до благой конечной цели свое творение. Может ли жить при такой неуверенности разумный и добрый человек и не возненавидеть свое бессмысленное бытие, свое подлое прозябание среди зла, невольные компромиссы с которым облагораживаются исключительно тем характером великодушия к слабому противнику, который, без твердой уверенности в конечную победу добра, переходит в бессрочную гнусную уживчивость со злом.

Если Бог не вездесущ, Он не может быть и всемогущ. Где же тогда гарантия того, что человек не есть атом забытый, затерянный в громаде мира, что жизнь его души имеет значение в общей гармонии мира, что разум его не одинокий *глас вопиющего в пустыне*¹¹⁰, что любовь его не дым, бесследно

¹¹⁰ ...*глас вопиющего в пустыне*... – Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]; ибо уста Господни изрекли это (Ис. 40, 3–5). Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Мф. 3, 3). Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Мк. 1, 3). И он проходил

развеваемый ветром вечности. При таких обстоятельствах разумно жить нельзя, а можно только прозябать изо дня в день, развлекаясь пестротой приятных ощущений.

Если Бог неизменен, неизменна и воля Его, неизменны и истина, и добро, и правда. Только вера в неизменность Бога и есть разумное основание убеждения в совершенной определенности конечной цели бытия, в неизменности определенного смысла земной жизни человека, а следовательно, и единственная гарантия для него возможности жить разумно, разумно согласуя свои мысли, чувства и поступки с разумным и определенным планом достижения разумной определенной цели.

Мы не должны забывать, что благо и разумность не абсолютны только для нас, а не для Бога. Воля Божья есть высшее благо и высшая разумность, при том абсолютно высшая. Если бы было благо еще более высокое, всеведущий Господь не мог бы не знать об этом и не мог бы предпочесть ему благо меньшее. Вот почему и воля Божья по самому существу своему неизменна, как абсолютно высшее благо мира.

Предположим, что Бог не вседозволен или не всеблажен. Воля Божья есть абсолютное добро и абсолютная мудрость.

по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, как написано в книге слов пророка Исаии, который говорит: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему <...> (Лк. 3, 3–4). Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия (Ин. 1, 22–23).

Как же может всемогущий Бог не быть всегда доволен Собой и всеми своими делами? Как же может всеведущий Бог терять блаженное спокойствие духа, когда за мимолетным уклонением от правды, добра и счастья Он непрестанно видит конечную победу добра и вечное блаженство, которое и есть неизменная, согласная с волей Его правда бытия, та благая и разумная цель, к которой Он благими и разумными путями ведет Свое творение.

Если мы усомнимся в том, что Творец мира вседоволен и всеблажен, мы должны усомниться и во всех остальных свойствах Его, усомниться в самом существовании Его, отнять у разума всякую опору и у сердца всякую надежду.

В Боге откровения весь разумный смысл нашего бытия, все основания тихой, спокойной радости нашего сердца, достоинство и сила наша.

Первопричина Бытия

Все существующее есть сознательное проявление разума Божьего. Бог творил и сознавал, что все его творение разумно и прекрасно.

Высшая любовь могла ли не создать живые существа, разумные и любящие для вечного блаженства причастия любви Его и созерцания чудесных проявлений Его мудрости?

Кроме любви и разума необходимо было одарить их и свободой воли, без чего это были бы только куклы, заведенные

на добро, но заслуживающие любви высшего разума мира, а следовательно, и не способные на вечное блаженство, которое и состоит в причастии этой любви.

И вот Господь создал целый мир духов бесплотных: любящих, разумных и свободных. Свобода, составляя непрерывное условие нравственного достоинства и разумное основание справедливой любви Бога всеправедного, составляет вместе с тем и постоянную опасность, как возможность уклонения от добра, как возможность нарушения святой гармонии духа.

Не все ангелы устояли в добре, некоторые из них возгордились разумом и свободою, поставив их выше любви, выше любовного единомыслия и единодушия с любвеобильным Творцом. Гармония духа была нарушена, нарушено единодушие с высшею любовью, нарушено единомыслие с высшим разумом. Насилие до того противно духу Божьему, что никогда Господь не насилует даже и на добро. И Он предоставил духам заблудшим жить вдали от Него и верных созданий Его, пока не сознают вечную правду святой воли Его, пока не будут алчущими и жаждущими любви Его и добровольно, сознательно, радостно не подчинят и разум, и свободу любви.

Только сознательно и свободно любящие достойны любви Божьей, позволяют Ему любить себя и таким образом осуществить то высшее благо, для которого они созданы.

Творение видимого мира

Господь творил из ничего; все сущее – осуществившаяся мысль Творца. Откровение говорит о шести эпохах творения; *эпохи эти названы днями*¹¹¹. Что под словом *день* ра-

¹¹¹ ...эпохи эти названы днями... – В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

зумеется эпоха, заключающая в себе неопределенное пространство времени, ясно из того, что до четвертого дня, когда появилось солнце на небе, не могло и быть той смены дня и ночи, которую мы называем днем в настоящее время, и из того еще, что в 4-ом стихе 2-ой главы книги «Бытие» словом *день* назван *весь период творения*¹¹².

При повествовании о творении в еврейском подлиннике употребляется два глагола: *бара* (творить) и *аса* (развивать). Глагол *бара* употреблен только три раза: при творении материи, при творении мира органического и при творении души

И благословил их Бог, говоря: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой (Быт. 1, 1–31).

¹¹² ...*весь период творения*... – Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо <...> (Быт. 2, 4).

человека. Во всех остальных случаях употребляется глагол *аса*, подтверждающий теорию постепенного развития.

Все творение было прекрасно; и материя, и свойства ее, и силы природы, и законы их взаимодействия – все это было совершенно, как совершенна мудрость Творца, в них воплотившаяся. Господь царствовал и все направлял к общему благу, подчиняя закону любви все разумные законы жизни мира.

Творение человека

И в этот благодатный рай Господь возжелал поместить *образ и подобие Свое – человека*¹¹³, способного быть любящим, разумным и свободно совершенным.

Он создал тело человека из материи и вдунул в него от Себя *бессмертный дух*¹¹⁴. Тело человека тогда еще не было тем грубым, подверженным болезням, одряхлению и смерти телом, в которое мы теперь заключены; то было тело прославленное, безболезненное, вечно юное, прекрасное и бессмертное. И в теле человека, как и во всей природе, все яв-

¹¹³ ...*образ и подобие Свое – человека*... – И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 26–27).

¹¹⁴ ...*бессмертный дух*... – И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт. 2, 7).

ления были подчинены всеобъемлющей любви Творца, все направлявшего к благу, ибо Он царствовал.

Создав человека, Господь ознакомил его со всем творением земным и, по его просьбе, создал ему *помощника*¹¹⁵, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Не следует забывать, что мир земной был не тем проклятым в делах человеческих миром, который мы теперь знаем, и не понимать буквально те слова, которые употребляет Откровение, чтобы сказать нам о том, что было до грехопадения. Существо, которое после грехопадения *стало Евой*¹¹⁶, Откровение называет *помощником и женою*¹¹⁷; это не значит, что между ним и Адамом существовали супружеские отношения; то же можно сказать о древе познания добра и зла и о древе жизни, и о земле. Везде нам надо остерегаться буквы мертвящей и под покровом ее искать животворящий дух.

Создав помощника Адаму, Господь завещал им возделывать рай, дал им власть над всем творением земным и научил их понимать святую волю Свою (*древо познания добра и зла*¹¹⁸).

¹¹⁵ ...*помощника*... – И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт. 2, 18).

¹¹⁶ ...*стало Евой*... – И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих (Быт. 3, 20).

¹¹⁷ ...*помощником и женою*... – И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку (Быт. 2, 22).

¹¹⁸ ...древо познания добра и зла... – И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая,

Грехопадение

Первопричина грехопадения – общение со злом, общение с падшим ангелом, ставшим дьяволом. Он соблазнил первых людей, заразил их гордостью своею; извратил в них святую гармонию духа, научив гордость ума и своеволие поставить выше любви к Богу и смиренного подчинения святой воле Его.

И первые люди захотели стать равными Богу, испытывать добро и зло. Единомыслие и единомушие с Богом было нарушено, они сознательно поставили ощущение и разум выше любви.

С этой минуты святость Божья стала для них укором и

и дерево познания добра и зла. <...> И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2, 9, 16–17). Бог избрал *дерево познания добра и зла* в качестве средства испытать веру и любовь Адама, а также и его благодарность к небесному Отцу, для целей чего Он и дал ему заповедь не вкушать от плодов данного *древа*. От этой-то заповеди оно, по всей вероятности, и получило свое название. «Дерево познания, – говорит митрополит Филарет, – было избрано орудием испытания, представляло для человека, с одной стороны, непрерывно возрастающее познание и наслаждение добра в послушании Богу, с другой – познание и ощущение зла в преслушании». Так как, вообще, заповедь, приуроченная к этому *древу*, имела в виду развитие высших способностей человека как существа разумного, то и на само это *дерево* легко могло перейти название «дерева разумения» или «дерева познания». А так как, по ветхозаветному воззрению, все вообще познание носило моральный характер, то «добро и зло» и берутся здесь как два противоположных полюса всего вообще познания.

общение с Ним мучительно: они устыдились духовной наготы своей. Постигшая их кара состояла в том, что Господь предоставил крамольным созданиям своим испытать логичные последствия своеволия. Они устыдились духовной наготы своей – Он *одел на них кожаные одежды*¹¹⁹, которые, по толкованию святого Григория Богослова, были не что иное, как то грубое тело, которое мы и теперь носим. В этом теле мы лишены видения силы и главы Божьей, можем, если того желаем, не только забыть о Господе Боге, но даже уверить себя в том, что Его совсем не существует; можно, таким образом, совершенно самостоятельно выбирать добро или зло, заслужить прощение и вечное блаженство общения с Богом и верными чадами Его или убедиться, что мы этого блаженного общения недостойны.

Они не захотели подчиняться благой воле Божьей. Он предоставил им испытать жизнь вне Царства Божьего. Проклятие земли в делах человеческих и было освобождением земного мира из-под благой опеки мудрости Божьей. С тех пор, хотя природа и живет по законам, установленным Богом, Господь не направляет более силы ее на благо всех: природа действует как неумолимый организм, страшная стихийной силою своей машина, часто безжалостно разрушающая самые дорогие надежды и самые остроумные расчеты наши. Человечество стало блудным сыном и будет блуждать вдали

¹¹⁹ ...одел на них кожаные одежды... – И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их (Быт. 3, 21).

от небесной отчизны, пока всеми силами души не возжелает вернуться под кров отчий, под благую опеку мудрости Божьей. *Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили* (Рим. 5, 12). Не согреши Адам, он не устыдился бы пред Богом, Господь не одел бы на него кожаные одежды тела, не предстояла бы ему необходимость сбрасывать с себя эту одежду, другими словами – умереть.

Смысл земной жизни

Смысл земной жизни в том и состоит, чтобы вдали от видения силы и славы Божьей всем существом своим пережить сознание невозможности счастья без Бога и возжелать единомыслия и единодушия с Ним не из страха и не из корысти, а в силу непреодолимой потребности духа, алчущего и жаждущего правды и любви.

Пока человек не признает этой внеземной конечной цели бытия, земная жизнь не имеет и не может иметь для него никакого разумного смысла: неизбежность смерти делает одинаково бессмысленными для него и скорби, и радости, и всякую надежду. Он может только бессмысленно прозябать, опьяняя себя, упиваясь грубыми страстями, научными калейдоскопами, игрушечного дела эстетикой или предаваясь сонливой апатии будничной рутины.

Пока дух пребывает в состоянии эгоистического своево-

лия, он не чувствует потребности вернуться в дом Отца Небесного, способен удовлетворяться приятным прозябанием или завистливою ненавистью к тем, с кем борется за возможность этого приятного прозябания. Это люди, преданные суете, – дети *мира сего*¹²⁰ на степени высшей дисгармонии духа – скотоподобный человек. На этой степени духовного отчуждения от Бога не только невозможно общение с Богом, но и нет потребности в святой радости причастия Духа Святого. Если страх или переданная от отцов рутина заставляет их обращаться к Богу, *они приближают к нему устами своими и устами чтут Его, сердца же их далеко отстоят от Него*¹²¹; молитва их – кощунство и Богопочитание

¹²⁰ ...*мира сего*... – И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие, Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе (Еф. 2, 1–7).

¹²¹ ...*они приближают к нему устами своими и устами чтут Его, сердца же их далеко отстоят от Него*... – Или если кто безрассудно устами своими поклянется сделать что-нибудь худое или доброе, какое бы то ни было дело, в котором люди безрассудно клянутся, и он не знал того, но после узнает, то он виновен в том (Лев. 5, 4)...И льстили Ему устами своими и языком своим лгали пред Ним (Пс. 77, 36). И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих (Ис. 29, 13) ...Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце

– оскорбление Бога, святости имени Которого они совсем не понимают, судя о Нем по себе, воображая, что можно подкупить Его дарами и льстивыми словами, оставаясь злыми и порочными.

Когда человек пробуждается от угара власти ощущений, он начинает чувствовать потребность разумной жизни, он переходит из периода царства ощущений в период царства разума, становится из скотоподобного существа – существом разумным. Бессмысленное пьянство жизни не может более удовлетворять его; он не может более отделяться от потребности ума и сердца пробудившегося духа, забавляясь игрою в науку, эстетику, благочестие, благотворительность и любовь. Если нравственные потребности духа и не заговорили в нем с силою духовной жажды, потребности разума стали для него главным делом его жизни, заняли в ней место первое.

Если при таких обстоятельствах жажда духа жить разумно и разумно относиться ко всему окружающему не приведет логично к вере в высший разум мира, мудрого Творца того стройного творения, изучение которого и составляет содержание всех наук, она непременно приведет к сознанию подавляющего величия и разнообразия мирового организма, к сознанию ничтожности, беспомощности, затерянности среди него песчинки-человека, к сознанию бесцельности сознательно скорбного прозябания. Тут только и может быть два

выхода: возвращение к скотоподобию, на этот раз сознательному и потому сугубо позорному, – явлению, известному в наше время под именем культурного одичания, или духовное безумие беспросветного отчаяния – явление, не менее нам известное под видом пессимистической философии с ее мировой тоской.

Когда гармония духа восстанавливается до первенствующего значения любви, неверие более невозможно: нельзя любить добро, не любя источник добра; нельзя любить творение, не любя творца; нельзя любить человечество, не любя высшее проявление добра на земле, лучшего из смертных – Спасителя – Христа. Нельзя любить не веруя, нельзя любя не устраивать жизнь на основе любви, нельзя не веруя верить в возможность победы добра и в любовь, как основу жизни.

Когда таким образом блудный сын убедится в невозможности счастья вдали от дома Отца Небесного и любовь пробудит в нем память веры, умом и сердцем он более не принадлежит *миру сему*, по духу он стал братом ангелам и святым.

Господь, не насилуя его, может возобновить благодатное общение с ним – источник блаженства вечного: с этого времени он знает, *в Кого верует*¹²² и *верою ходит, а не видением*.

¹²² ...в Кого верует... – По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день (2 Тим. 1, 12).

*ем*¹²³. Из сына мира сего он стал чадом Божиим, Царство Божье внутри его есть¹²⁴ и день смерти для него лучше дня рождения¹²⁵ – это день, в который он сбросит пыльную одежду земного скитания, омоется банею смерти от пыли и праха долины плача и печали¹²⁶ и добровольно, сознательно, радостно вернется в дом Отца Небесного, чтобы больше не покидать его.

Вот смысл земной жизни человека: убедиться, что счастье невозможно без Бога, и сознательно предпочесть своеволию искания по миру приключений единомыслие с высшим разумом и единокровие с высшею любовью в доме Отца Небесного – Царстве Божьем.

Промысел Божий

С того времени, как Бог проклял землю в делах челове-

¹²³ ...*верою ходит, а не видением...* – Итак мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранимы от Господа, – ибо мы ходим верою, а не ведением, – то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа (2 Кор. 5, 6–8).

¹²⁴ ...*Царство Божье внутри его есть...* – Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21).

¹²⁵ ...*день смерти для него лучше дня рождения...* – Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения (Еккл. 7, 1).

¹²⁶ ...*долины плача и печали...* – Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением; приходят от силы в силу, являются пред Богом на Сионе (Пс. 83, 7–8).

ских, Он перестал царствовать над нею, но не перестал быть ее Творцом, почему печать мудрости Его и осталась на всем творении Его, но Он более не царствует на земле, не направляет все на благо всем, хотя может еще минутно вмешиваться в жизнь земного мира и сделать всякое чудо.

Господь никого не искушает, никого не насилует, но не покидает мудрого плана и *домостроительства Своего*¹²⁷ и продолжает с долготерпением и милосердием вечное дело Свое через тех, кто добровольно отдает себя в руку Его и жизнь свою на святое дело Его.

Дело Божье – одно вечно единое и неизменное: дело возвышения человечества до единомыслия с Собою, как высшего разума, до единодушия с Собою, как высшей любовью, до устойчивой верности Себе, как высшей святости.

Промысел Божий и состоит в том, что Он неустанно через ангелов-хранителей и избранников Своих призывает нас работать на дело созидания Царства Божьего, *как живые камни устроят из себя дом духовный*¹²⁸, и делаться соработниками Его в деле созидания стен Иерусалима Небесного, тех

¹²⁷ ...*домостроительства Своего*... – ...И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом (Еф. 3, 9).

¹²⁸ ...*как живые камни устроят из себя дом духовный*... – Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом (1 Пет. 2, 4–5).

благодатных стен, за которыми мы будем ограждены от общения скорбного со злыми и объединены силою Божьей и причастием Святого Духа Его в радостном общении вдохновения любви и мудрости с Богом живым и всеми верными чадами Его.

Промысел Божий и состоит в том, что Он привлекает к Себе всех, желающих приблизиться к Нему, любить всех, позволяющих Ему, святому, любить себя, без меры дает Духа Святого, всем просящим у Него, в немощи творит силу и через верующих сдвигает горы предрассудков, рутины, злобы, гордости и лени.

Промысел Божий и состоит в том, что Он, не насилуя злых и гордых детей *мира сего*, не препятствует им побивать камнями пророков, издеваться над распятым Христом, травить в цирке христиан XIX веков тому назад и делать из ума, талантов, богатства и физической силы волчьи зубы на растерзание кротких в настоящее время, все, и даже злодеяния злых и гордых детей *мира сего*, направляет к благу духовному детей Божьих, к успеху зреющей закваски Царства Божьего, к вечному царству, силе и славе добра.

§ 2. Бог Сын

Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божью, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в священных писаниях, о Сыне Своем, Который родился от

семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем, через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом, – всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа¹²⁹.

Негодная плоть

Только после грехопадения, после того, как Адам и *помощник его* Ева облеклись в глубокую плоть – кожаные одежды тела, Адам познал Еву, т. е. вступил с нею в супружеские отношения. У них стали рождаться дети: от родителей рождалась плоть, души не рождались от душ родительских, и люди, рожденные от тех же родителей, возросшие при совершенно однородных обстоятельствах, могут быть так несхожи по настроению духа, как родные братья, кроткий Авель и первый человекоубийца Каин.

Всегда неизменно справедливый Бог не почел возможным относиться безразлично и к доброму Авелю, и к злому Каину, что может служить первым из многочисленных доказательств того, как неосновательна столь часто раздающаяся в настоящее время проповедь всепрощения в смысле полного

¹²⁹ Рим. 1, 1–7.

безразличия и благодушной уживчивости.

И Авель, и Каин желали получить от Бога великие и богатые милости, и тот и другой обращались к Нему с молитвою, приносили Ему жертвы, но приняты были только молитвы и жертвы доброго Авеля, а молитвы и жертвы злого Каина были отвергнуты, не потому, что Господь желал Авелю больше добра, а потому, что злой Каин желал не того, что едино на потребу, а того, что он себе желал, Господь не мог дать ему без вреда для него, а дать ему совсем не того, чего он просит, было бы насилием на добро, которого, как и всякого насилия, гнушается Господь.

Прототип всех грубых эгоистов, Каин обвинял не себя, а Бога и доброго Авеля, не раскаялся, а озлобился, не воспользовался добрым примером, а счел его себе за оскорбительную укоризну и, как истый практический делец, чуждый всяких сентиментальных предрассудков, не остановился ни перед какими препятствиями, не погнушался никакими средствами, чтобы исполнить волю свою: добрый Авель колол ему глаза – он убил его.

Когда Господь, призывая его к раскаянию, сказал ему: *Где Авель, брат твой?* Он ответил знаменитою, столь часто и ныне повторяемую каинами всех веков и всех народов формулою грубого, самодовольного эгоизма: *Разве я сторож брату моему?*¹³⁰

В этом библейском рассказе вся скорбная эпопея отноше-

¹³⁰ Быт. 4, 9.

ний к Богу и верным чадам Его тех детей *мира сего*, которые, не разбирая средств, стремятся к эгоистическим целям, не любя Бога, отрицают Его бытие или стараются сделать Его послушным орудием своим, не разбирая средств, легко побеждают более совестливых соперников своих на жизненной бирже, гордятся успехами своих злодеяний и, предпочитая вдохновению любви радости земли, являются негодною плотью мертвою для Царства Небесного, в очах Божьих.

При таком настроении и таких отношениях к Богу и ближним гораздо удобнее созидать свое земное благополучие, чем при помехе сентиментальных предрассудков веры и любви, пока при кротости голубиной добрые авели не стали мудры, как змеи. И вот строят города, накапливают богатства, преуспевают в науках и искусствах не *потомки Сифа*¹³¹, которых Откровение называет сынами Божьими, а потомки Каина (сильные, издревле славные люди), развращение которых было так велико, что *все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время*¹³².

Как Адама погубило благодушное общение с дьяволом, так и потомков Сифа погубило благодушное общение с пред-

¹³¹ ...*потомки Сифа*... – И познал Адам еще [Еву,] жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, [говорила она,] Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин (Быт. 4, 25).

¹³² ...*все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время*... – И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем (Быт. 6, 5–6).

ставителями *допотопной* культуры без Бога.

И увидел Бог, что все люди стали негодною плотью, пренебрегающею дарами Духа Его, что все они из всех врученных им талантов делают волчьи зубы и что нет более возможности долее жить между ними тем редким чадам Божиим, которые, подобно Ною, не желали отречься от *утопии* веры.

Вера идеалиста Ноя спасла его от участи современных ему практичных дельцов с трезвым взглядом на жизнь, но не спасла его потомство от возрождения в нем традиции Каина, как не спасает святость предков от свободы грешить их потомство.

Первый толчок был дан в этом направлении легкомысленным отношением к жизни и людям благодушного весельчака Хама, убежденного, что:

Смеяться, право, не грешно
Над тем, что кажется смешно¹³³.

Легкомысленный смех над тем, кого должно было уметь любить и уважать, имел последствием *грубое оскорбление отца и полный разлад с теми, кто не желал стать сообщником этого злого дела*¹³⁴.

¹³³ Из стихотворения «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1796) писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

¹³⁴ ...*грубое оскорбление отца и полный разлад с теми, кто не желал стать сообщником этого злого дела...* – Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И

Вот краткая история и полная картина настроения и отношений к Богу и ближним всех тех самоуверенных и самодовольных каинов и хамов всех времен и всех народов, которые, не только не желая согласовать свою волю с волею Отца Небесного, но и не признавая никаких внеземных целей, зарывают и ум, и сердце, и все таланты свои в грязь земную, творят цивилизацию без Бога, гордятся ею до умопомрачения, внушают завистливое удивление *народу жестоковийному*¹³⁵ и являются негодною плотью, в очах Божьих.

увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видели наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих (Быт. 9, 20–25).

¹³⁵ ...*народу жестоковийному*... – И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковийный; итак, оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя (Исх. 32, 9–10). И сказал Господь Моисею: пойди, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: потомству твоему дам ее; и пошлю пред тобою Ангела [Моего], и прогоню Хананеев, Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев, [и введет он вас] в землю, где течет молоко и мед; ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковийный. Народ, услышав грозное слово сие, возрыдал, и никто не возложил на себя украшений своих. Ибо Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковийный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас; итак, снимите с себя украшения свои; Я посмотрю, что Мне делать с вами (Исх. 33, 1–5). Когда будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею [доброю] землею и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего; не за

Отличительным признаком культуры без Бога является зверская борьба за плоды цивилизации и уродливое сочетание в недрах того же общественного организма безумной роскоши и отупляющего нищенства. В результате – философия отчаяния и беспринципный эпикуреизм, с одной стороны, и тяжелое томление духа, зависть и озлобление – с другой.

По временам положение становится настолько невыносимым, что даже *негодная плоть*¹³⁶ начинает мечтать о благах духовных. В действительности они благ духовных так же мало желают, как и веры сознательной. Поверив в Бога, нельзя не признать обязательным для себя познать Его святую волю и подчинить ей волю свою. Подчиняться без любви – бессрочная каторга, на которую практичные дельцы с трезвым взглядом на жизнь обречь себя не могут, так как о бла-

праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие [и беззакония] народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову; посему знай [ныне], что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный (Втор. 9, 4–6). И сказал мне Господь: [Я говорил тебе один и другой раз:] вижу Я народ сей, вот он народ жестоковыйный; не удерживай Меня, и Я истреблю их, и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, который будет [больше,] сильнее и многочисленнее их (Втор. 9, 13–14).

¹³⁶ ...негодная плоть... – И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растлена, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле (Быт. 6, 12). Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной (Пс. 62, 2). Ты слышишь молитву; к Тебе прибегает всякая плоть (Пс. 64, 3).

гах духовных они мечтают только как о средстве приобретения благ земных. И вот, не желая приступить к трудному, а при отсутствии веры и любви невозможному делу духовного перерождения, они, оставаясь по-прежнему каинами и хамами, пробуют украсть плоды святости.

Формы жизни всегда представляют логичный продукт и верное отражение настроений духа и нравственных качеств большинства.

Как бы ни было высокообразованно, богато, сильно и многочисленно собрание каинов и хамов, общественная жизнь их всегда будет отражать в себе грубый эгоизм и грубую порочность и относительный порядок поддерживаться исключительно страхом или соображениями корысти; только перестав быть каинами и хамами, они могут полюбить Господа Бога до сознательного братства и создать жизнь свою на основах любви.

Пока каины и хамы остаются каинами и хамами, им не удастся ни подкупить Бога лестью и дарами, ни украсть у Него плоды святости, ни сделать Его послушным орудием своей политики и своих расчетов. Ни высокая культура, ни богатство, ни сила, ни слава, ни храмы, ни жертвы не ослепят и не подкупят Бога святого и праведного; в Его глазах они остаются все теми же каинами и хамами, в духовное общение с которыми не может войти Господь, не изменяя своей святости, все тою же негодною плотью, неспособною на причастие Духа Святого, все теми же детьми дьявола, *хотя-*

щими творити похоти его¹³⁷.

СЫНЫ БОЖЬИ

У того же согрешившего Адама был кроме злого Каина и другой сын, родной брат Каина по плоти – добрый Авель.

Авель был добрый – любил; любовь и была для него источником веры истинной в Бога истинного.

И Каин верил, но злое сердце его не верило в Бога любви, как оно не жаждало любви, и верил он не в Бога истинного, и вера его не была истинною, и вера его не была угодна Богу, и молитва его была отвергнута.

Любя, нельзя не верить в Бога любви, в Бога истинного; веруя в Бога истинного, нельзя не жаждать *воды живой*¹³⁸, нельзя не дорожить, как сокровищем, каждым *словом*, ис-

¹³⁷ ...хотящими творити похоти его... – Почему вы не понимаете речи Мойей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи (Ин. 8, 43–44).

¹³⁸ ...воды живой... – Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды (Иер. 2, 13). Ты, Господи, надежда Израилева; все, оставляющие Тебя, посрамятся. «Отступающие от Меня будут написаны на прахе, потому что оставили Господа, источник воды живой» (Иер. 17, 13). Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой (Ин. 7, 38). И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой (Откр. 21, 6).

*шедшим из уст Божьих*¹³⁹, нельзя не смириться сознательно и радостно перед величием славы Божьей.

Смирение и любовь не могут не привести нас к добровольному радостному подчинению воли своей благой и мудрой воле Божьей, пока *до ревности любящий дух, живущий в нас*¹⁴⁰, не сроднит нас с собою до того, что воля Божья станет волею нашею, и Господь, не насилуя нас, может без меры дать нам Духа Святого и в немощи нашей творить чудеса.

Итак, плод любви – вера истинная, плод веры – боговедение, плод боговедения – смирение, плод смирения – сила, плод силы – чудеса.

И вот то, чего не может достигнуть никакая культура без Бога, что невозможно для самых сильных умом, богатством и властью сильных, издревле славных каинов и хамов, становится возможным для кротких, смиренных авелей. Вера истинная в Бога истинного сдвигает горы на их пути, любовь водворяет в сердцах их на место *томления духа*¹⁴¹ радость

¹³⁹ ...словом, *исшедшим из уст Божьих*... – И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4, 3–4).

¹⁴⁰ ...*до ревности любящий дух, живущий в нас*... – Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «До ревности любит дух, живущий в нас»? (Иак. 4, 5).

¹⁴¹ ...*томления духа*... – Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа! <...> И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа. <...> И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы

тихую, и злые каины при всех ухищрениях злобы своей могут только убить Авеля, освободить вечный дух его из тесной темницы тела и из долины плача и печали переселить его на брачный пир в благословенный дом Отца Небесного.

Это сыны Божьи.

Странствуя в пустыне жизни на пути в землю обетованную – Царство Божье, они непрестанно алчут и жаждут *воды живой* правды и любви и, как сокровищем, дорожат каждою каплею воды, истекаемой из камней сухих избранниками Божиими.

Веруя в Бога истинного, они не могут не только откупаться от Него лестью и дарами, не только не позволяют себе сделать из Него орудие для приобретения благ земных, но и не желают выторговывать у Него даже малейшей части ума, сердца и жизни своей, а без всякого торга всю жизнь свою отдают Богу и на дело Божье, отдают себя с радостью, сознавая, что исполнили только долг свой, призвание бытия свое-

под солнцем! <...> И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа! <...> Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа! <...> Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа! <...> Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа. <...> Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа! <...> Лучше видеть глазами, нежели бродить душою. И это – также суета и томление духа! (Еккл. 1, 14, 17; 2, 11, 17, 26; 4, 4, 6, 16; 6, 9).

го и тем придали жизни своей разумный, вечный смысл, дающий право жить.

Они – *соль земли*¹⁴² и *свет мира*¹⁴³, они одни могут осуществить в жизни те плоды веры и любви, которых украсть не удастся представителям культуры без Бога, а им будут даром даны, как неизбежный логичный результат жизни по вере.

Программа жизни их одна и неизменна всегда и везде: *любить Бога всем разумом своим, всею крепостью своею и ближнего, как самого себя*¹⁴⁴.

¹⁴² ...*соль земли*... – Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям (Мф. 5, 13).

¹⁴³ ...*свет мира*... – Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14).

¹⁴⁴ ...*любить Бога всем разумом своим, всею крепостью своею и ближнего, как самого себя*... – Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя (Лев. 19, 18). Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 19, 18–19). Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф. 22, 37–40). Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет (Мк. 12, 29–31). Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя (Лк. 10, 27). Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове:

Любя Бога всем разумением своим, они полагают все наличные силы разума своего на познание воли Божьей, и Господь, приближающийся ко всем желающим приблизиться к Нему, озаряет умы их светом разумения превыше сил человеческого ума их.

Любя Бога всею крепостью своею, они полагают все наличные силы духа своего на честное согласование всего строя жизни с познанною волею Божьей, и Бог налагает на них печать дара Духа Своего, сообщая им мощь духовную, далеко превосходящую возможное для людей.

Любя Бога всем сердцем своим, они не только разумеют волю Отца Небесного и находят для себя посильным творить ее, но и любят святую волю Его, радуются ей, радуются жизни по вере, а не впадают в уныние, с ожесточением совершая свое спасение. И радость эта растет по мере того, как крепнет благодатная связь духовного общения с Богом, по мере того, как водворяется в душе тот мир Божий, которого нарушить не могут никакие скорби, никакие истязания, и которого никто не отнимет у них.

Любя Бога такою любовью, они и в себе любят только то, что могут любить без измены Богу. Любовь открывает очи души их и дает им мудрость разуметь то, что уразуметь наиболее трудно: познание самого себя *при Свете от Света*

любви ближнего твоего, как самого себя (Рим. 13, 9). Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя (Галл. 5, 14).

*Небесного*¹⁴⁵. В этом залог возможности для них самоусовершенствования, постепенного восстановления в себе помраченного грехом образа и подобия Божьего.

Любя себя такую просвещенною верою и любовью, они

¹⁴⁵ ...при Свете от Света Небесного... – Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божиего, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через которого все сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего Человеком. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. Воскресшего в третий день по Писанию. Восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца. Вновь грядущего со славою судить живых и мертвых, и Царству Его не будет конца. И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего; Которому вместе с Отцом и Сыном подобает поклонение и слава; Который вещал через пророков. И во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение во отпущение грехов. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь (Символ веры). Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную [престола] величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя (Евр. 1, 1–4). Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне (Ин. 14, 8–13).

и ближних своих любят как самих себя, не угождая им, не лаская их порочные наклонности, а ставя выше всего остального восстановление в них образа и подобия Божьего, дело примирения их с Богом святым и праведным, дело возвышения их до того нравственного уровня, при котором возможно любить их, уважать их, и иметь братское общение с ними без измены Отцу Небесному.

Вот почему дети *мира сего* неизменно признают любовь их за ненависть, смирение их – за гордость и веру их – за безумие и утопию.

Вот почему сыны Божьи всегда были гонимы, злословимы и побиваемы камнями теми, кто простил бы им любовь только при условии измены Богу ради благодушной уживчивости со злом, кто простил бы им смирение перед Богом только при условии смиренного преклонения перед грубою силою зла, кто желает украсть плоды веры, продолжая признавать веру мистическою утопией благоглупости.

Их мир ненавидит, потому что они не от *мира сего*, и однако именно он та *соль земли*, ради которой долго терпит Господь, не желая, чтобы грешник погиб, но чтобы все в разум истины пришли.

И всякий Каин и Хам может стать добрым Авелем, потому что нет человека, не созданного по образу и подобию Божьему для блаженства вечного причастия любви и мудрости Бога живого.

Достаточно полюбить Авеля, чтобы понять в нем Бога:

поняв Бога, нельзя не полюбить Его, полюбив, нельзя не уверовать живою верою, уверовав, нельзя не уразуметь силу и славу Божью, уразумев, нельзя не смириться, смирившись, нельзя не возжаждать причастия Духа Божьего, пережив причастие Духа Божьего, нельзя не стать самому добрым Авелем.

Невозможное для человека возможно для Бога, когда Он может, не насилуя нас, творить чудеса.

Избранники Божьи

Обыкновенные ли то люди? Не воплощаются ли по временам безгрешные ангелы Божьи?

Есть места в Откровении, которые как будто указывают на высшую природу, по крайней мере, некоторых из избранников Божьих. Многие из них с раннего детства выказывают признаки такой святой гармонии духа, которая не составляет удел среднего человеческого существа их возраста; о некоторых из них Откровение говорит, что Господь избрал их прежде, чем тело их образовалось в утробе матери.

Если мы сопоставим с этим слова литургии, которыми церковь напоминает нам, что *един свят*¹⁴⁶, един Господь Иисус Христос и свидетельство Откровения, которое со свойственной ему божественною искренностью повествует

¹⁴⁶ ...един свят... – Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои (Откр. 15, 4).

о великих немощах избранников Божьих, поясняя, что Господь в немощах творит силу, *чтобы никакая плоть не возгордилась*¹⁴⁷, то нам станет ясно, что если Господь и посылает на землю духов, предназначенных быть избранниками Его, все же они не безгрешны и могут, по примеру сына притчи, *сказать иду Отцу Небесному и, воплотившись, не пойти*¹⁴⁸, что мы и видим на примере Самсона, который *погубил и себя, и народ свой*¹⁴⁹.

¹⁴⁷ ...*чтобы никакая плоть не возгордилась*... – Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1, 26–29).

¹⁴⁸ ...*сказать иду Отцу Небесному и, воплотившись, не пойти*... – У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему (Мф. 21, 28–32).

¹⁴⁹ ...*погубил и себя, и народ свой*... – И родила жена сына, и нарекла имя ему: Самсон. И рос младенец, и благословлял его Господь. И начал Дух Господень действовать в нем в стане Дановом, между Цорою и Естаолом. И пошел Самсон в Фимнафу и увидел в Фимнафе женщину из дочерей Филистимских [и она понравилась ему]. Он пошел и объявил отцу своему и матери своей и сказал: я видел в Фимнафе женщину из дочерей Филистимских; возьмите ее мне в жену. Отец и мать его сказали ему: разве нет женщин между дочерьями братьев твоих и во всем народе моем, что ты идешь взять жену у Филистимлян необрезанных?

Если так, если кроме Христа Спасителя не было меж-

И сказал Самсон отцу своему: ее возьми мне, потому что она мне понравилась. Отец его и мать его не знали, что это от Господа, и что он ищет случая отмстить Филистимлянам. А в то время Филистимляне господствовали над Израилем. <...> И сказали жители Иудеи: за что вы вышли против нас? Они сказали: мы пришли связать Самсона, чтобы поступить с ним, как он поступил с нами. И пошли три тысячи человек из Иудеи к ущелью скалы Етама и сказали Самсону: разве ты не знаешь, что Филистимляне господствуют над нами? что ты это сделал нам? Он сказал им: как они со мною поступили, так и я поступил с ними. И сказали ему: мы пришли связать тебя, чтобы отдать тебя в руки Филистимлянам. И сказал им Самсон: поклянитесь мне, что вы не убьете меня. И сказали ему: нет, мы только свяжем тебя и отдадим тебя в руки их, а умертвить не умертвим. И связали его двумя новыми веревками и повели его из ущелья. Когда он подошел к Лехе, Филистимляне с криком встретили его. И сошел на него Дух Господень, и веревки, бывшие на руках его, сделались, как перегоревший лен, и упали узы его с рук его. <...> Пришел однажды Самсон в Газу и, увидев там блудницу, вошел к ней. Жителям Газы сказали: Самсон пришел сюда. И ходили они кругом, и подстерегали его всю ночь в воротах города, и таились всю ночь, говоря: до света утреннего подождем и убьем его. А Самсон спал до полуночи; в полночь же встав, схватил двери городских ворот с обоими косяками, поднял их вместе с запором, положил на плечи свои и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону, [и положил их там]. После того полюбил он одну женщину, жившую на долине Сорек; имя ей Далида. К ней пришли владельцы Филистимские и говорят ей: уговори его и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей серебра. <...> И сказала ему [Далида]: как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя. И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти. И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду, как прочие люди. Далида, видя, что он открыл ей все сердце свое, послала и звала владельцев Филистимских, сказав им: идите теперь; он открыл мне все сердце свое. И пришли к ней владельцы Филистимские и принесли серебро в

ду сынами человеческими ни одного безгрешного существа, может ли стать избранником Божиим каждый из нас, грешных детей грешного Адама, или мы имеем основание, говоря об избранниках Божьих, повторять излюбленную формулу извинения греховности: *уж где нам, грешным.*

Все мы одинаково созданы по образу и подобию Божье-
му, все мы одинаково созданы для блаженства вечного, всем

руках своих. И усыпила его [Далида] на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Она сказала: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что Господь отступил от него. Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молол в доме узников. Между тем волосы на голове его начали расти, где они были острижены. Владельцы Филистимские собрались, чтобы принести великую жертву Дагону, богу своему, и повеселиться, и сказали: бог наш предал Самсона, врага нашего, в руки наши. Также и народ, видя его, прославлял бога своего, говоря: бог наш предал в руки наши врага нашего и опустошителя земли нашей, который побил многих из нас. И когда развеселилось сердце их, сказали: позовите Самсона [из дома темничного], пусть он позабавит нас. И призвали Самсона из дома узников, и он забавлял их, [и заушали его] и поставили его между столбами. И сказал Самсон отроку, который водил его за руку: подведи меня, чтобы ощупать мне столбы, на которых утвержден дом, и прислониться к ним. [Отрок так и сделал.] Дом же был полон мужчин и женщин; там были все владельцы Филистимские, и на кровле было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона. И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои. И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержден был дом, упершись в них, в один правую рукою своею, а в другой левою. И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем (Суд. 13, 24–25; 14, 1–20; 15, 1–20; 16, 1–31)..

нам Господь одинаково желает спастись и в разум истины прийти; ко всем нам готов приблизиться Господь, если сами мы искренно желаем приблизиться к Нему, всем нам Он готов дать Духа Святого, если мы возжелаем Его, каждый из нас может стать храмом Его, во всякой немощи нашей силен Господь соделать силу, и, следовательно, нет ни одного из нас, которого Господь не желал бы принять в число избранных Своих, если Он может делать это, не насилуя нас.

Господь готов дать Духа Святого всякому с верою просящему у Него и дать Духа Своего без меры, но мы воспринимая дары Духа Божьего в меру устойчивости любви и веры нашей. Пока мы остаемся людьми с двоящимся умом и сердцем двоедушным, пока, как волны морские, мы то воздымаемся, то вновь падаем, притом не делами нашими, а стремлениями духа нашего, до тех пор Дух Святой не может, не насилуя нас, придти и вселиться в нас, и сделать из нас храм Свой.

Только устойчивая жажда правды Божьей, устойчивая верность и любовь к Нему может дать право Ему, святому, без насилия нам нами, сделать нас избранныками Своими. Если мало между нами людей с печатью избранника Божьего на челе, мы можем видеть из этого, как мало в *мире сем*, который весь во зле лежит, устойчивой веры и постоянства любви к Тому, Который до ревности любит нас.

Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его

*Отец, прославивший Меня*¹⁵⁰. *Бог производит в нас и хотение, и действие, по Своему благоволению*¹⁵¹. Первые слова сказаны были Христом Спасителем, вторые – апостолом Павлом, будучи обращены к верующим Филиппийской церкви.

Что же остается на долю нашу в отношениях наших к Богу в жизни по вере? Остается добрая воля сознательно отдать умы, сердца и жизни наши в святую руку Его, чтобы он, не насилуя нас, мог привлекать нас к Себе, возбуждать в нас святое хотение и творить в немощи нашей действия во благо.

И этого малого – устойчивой доброй воли – не обретаются в громадном большинстве даже лучших из грешных детей земли, что и не позволяет Богу, без насилия над ними, возвысить их в сан избранных Своих.

Понять это может помочь нам сравнение. Когда Христос Спаситель преобразился перед учениками Своими, Он показал им *славу Свою*¹⁵². Так точно и Бог дает славу Духа Своего не в той мере, насколько он хочет, а в той мере, в какой мы можем и хотим принять Его.

¹⁵⁰ Ин. 6, 44.

¹⁵¹ Флп. 2, 13.

¹⁵² ...*славу Свою*... – Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие. После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взшел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия; явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с нимотягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним (Лк. 9, 27–32).

Становятся ли безгрешными избранники Божьи, когда они имеют добрую волю не противиться тому, чтобы Он производил в них и хотение, и действие? Нет, они не становятся богами, они могут погрешать и в славе, и в деле, так как и их не насилует Господь, и рядом с хотениями от Бога могут быть в них и другие хотения, рядом с действиями послушания Богу они могут творить и другие действия; люди будут иметь основание строго судить их, но Бог не отрицает их, если то были следствия немощи ума и сердца, а не сознательная измена Богу и делу Его.

Тех, в чьей груди горит устойчивый огонь святого желания быть работником на дело Божье и творить волю Отца Небесного, Господь принимает в число соработников Своих. Они – избранники Его, через них призывает Господь блудных сынов вернуться в дом Свой, через них проливает на землю свет Откровения Своего, через них продолжает земное домостроительство Свое и воздвигает стены Иерусалима Небесного.

Свет от Света Небесного

Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола)

*величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя*¹⁵³.

С первых же дней жизни согрешившего Адама на проклятой в делах его земле, вне дома Отца Небесного, милосердный Бог дал ему обещание, что придет Искупитель рода человеческого. Великий примиритель – ходатай, спаситель мира – Христос.

В деле спасения человечества Сыном Божиим есть стороны, доступные для ума нашего, другие – доступные для нашего сердца, есть сторона таинственная, превышающая силы ума и сердца нашего, тайна домостроительства Божьего, которую может постигать дух в минуты вдохновения, озаренный причастием Духа Святого, но изложить которую на языке человеческом нельзя и пытаться не надо.

Откровение, сообщая нам все необходимое для уразумения смысла земной жизни нашей и согласования ума, сердца и жизни с волею Отца Небесного, не задается целью удовлетворять любопытство ума нашего в тех случаях, когда это не может иметь значения для настроения нашего собственного духа и личного поведения нашего.

К этим тайнам Божиим, не разъясненным Откровением, принадлежат и троичность ипостасей Бога единого, и предвечное рождение Бога-Слова, и воплощение Спасителя от

¹⁵³ Евр. 1, 1–4.

Духа Святого и Марии Девы, и таинственное значение страданий, смерти и воскресения Праведника в деле примирения грешного человечества с Богом Святым; все это тайны Божьи, в которые мы должны смиренно верить, но рассуждать о которых есть дело гордости и детской наивности, дело невозможное по неимению источников, дело ненужное по своей совершенной неприменимости к жизни нашей, дело вредное по невозможности соглашения между фантазирующими людьми, воображающими себя богословами и философами, что мы и видели во времена грустной памяти схоластической полемики.

Благоговейно признавая таинственное значение Искупителя в деле домостроительства Божьего, мы не позволим себе никакой попытки проникнуть нашим человеческим умом в тайну Божью и обратимся к уразумению того, что Откровение нашло нужным и полезным разъяснить нам.

Что вполне доступно уму нашему – это учение Того, Кто сказал: *А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья*¹⁵⁴; что вполне доступно пониманию нашего сердца – это пример жизни Того, Который был *един свят – Я есть путь, и истина, и жизнь*¹⁵⁵.

Воплотился Бог-Слово, и человечество получило полноту

¹⁵⁴ Мф. 23, 8.

¹⁵⁵ ...*Я есть путь, и истина, и жизнь*... – Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14, 5–6).

Откровения, разум его был озарен *Светом от Света Небесного*, озаряющим с тех пор всякого человека, грядущего в мир.

Он стал истинною виноградною лозою, которой все человечество должно быть ветвями, от Него получая и соки, и жизнь, если не хочет завянуть, а хочет приносить плоды, полные вина доброго, огня святого и вдохновения – плоды, угодные Богу и полезные на добро Божье созидания стен Иерусалима Небесного.

Воплотился, жил, страдал и умер Агнец Божий, и человечество пережило высший пример любви, какой не мог быть дан ему никем из избранных Божьих, а только Тем, Кто добровольно оставил радостное общение с миллионами любящих добрых духов, чтобы, не имея греха, подвергнуть Себя скорбному общению со злобою и пороком, зная, что придется испытать клевету, истязания, издевательства и позорную казнь, только Тем, Кто каждую минуту мог умолить Отца и легионами ангелов оградить Себя от злобы врагов и не сделал этого, до конца оставшись верным духу кротости, смирения и самопожертвования.

*Теперь не имеют извинения во грехе своем, потому что видели и возненавидели и Его, и Отца Его Небесного*¹⁵⁶.

¹⁵⁶ ...Теперь не имеют извинения во грехе своем, потому что *видели и возненавидели и Его, и Отца Его Небесного*... – Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели

Церковь Христова

Совершилось, и церковь Христова начала быть. Главою церкви этой, *на все дни, до скончания века*¹⁵⁷, стал Христос, членами ее – все те, кто на небе и на земле любит Бога и верных чад Его, кто алчет и жаждет правды, для кого Дух Святой составляет высшее благо и неизменное сокровище.

Вся Церковь Христова едина и нераздельна, как един и неразделен глава ее – Христос. На небе церковь ограждена от скорбного сообщества и соприкосновения со злом, и причастие Духа Святого непрестанно, и Дух Святой всех объединяет в одну любовь. Это церковь торжествующая. На земле к ней принадлежат все, сознающие нищету духовную, все, плачущие по родине небесной, все, алчущие и жаждущие правды, все, любящие Бога живого и Христа Его, все, искренно желающие отвергнуть себя, взять Крест Христа и идти за ним. Эти земные члены церкви еще не ограждены от скорбного соприкосновения со злом, не могут уживаться с ним, не отпадая от церкви, и потому должны постоянно бороться за добро против зла. Это воинство христолюбивое; это церковь воинствующая.

и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово написанное (Ин. 15, 22–25).

¹⁵⁷ ...*на все дни, до скончания века...* – И, приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мф. 28, 18–20).

Все относительно, все шатко в *этом мире*, который весь во зле лежит. Осложненная грехом природа человека внесла осложнение, разнообразие греха и в жизнь среди жизни природы земной, осложненное проклятием земли в делах человеческих.

Спаситель мира, непрестанно помнивший, какого Он духа, непрестанно остававшийся верным Себе и воле Отца Небесного, чуждаясь насилия, не преобразил разом все человечество, Он заронил зерна слова Божьего в души тех, кто желал сева Его, заложил зерно горчичное Царства Божьего на земле и по воскресении послал и посылает Духа Святого, утешителя, который научает всему и все напоминает, опять-таки не на всех людей, а только на тех, кто желает быть храмом Его.

В осложненной жизни земной всякое дело требует стройной внешней организации. Требуется ее и дело Божье, насколько оно совершается в недрах экономии мира земного. Всякая внешняя организация предполагает возможность разлада между духом животворящим и буквою мертвящею формы.

Если нива Господня имеет протяжение, занимает известное пространство земли, на пространстве этом среди пшеницы может враг посеять и плевелы. Придет время жатвы, Господь отвергнет плевелы; но до жатвы Он не велел вырывать плевелы, чтобы не причинять зла и пшенице; в глазах людей до жатвы и плевелы растут на ниве Господней, составляют

Его достояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.